

ДРЕВНЕЕ
РУССКОЕ УГОЛОВНОЕ
СУДОПРОИЗВОДСТВО

(XIV, XV, XVI И ПОЛОВИНЫ XVII ВѢКОВЪ).

СОМНЕНІЕ

Николая Ланге.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Хромографія А. Трапцеля, Стремянная № 12.
1884.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
1) Введеніе	1
2) Глава первая: судоустройство	11
3) Глава вторая: преступленія и наказанія	74
4) Глава третья: сыскъ, судъ и управа	115
5) Глава четвертая: поручительство и личное задержаніе	123
6) Глава пятая: судопроизводство по сыскнымъ дѣламъ	133
7) Глава шестая: судопроизводство по суднымъ дѣламъ	175
8) Глава седьмая: судебныя пошлины	228
9) Глава восьмая: заключеніе	240

ВВЕДЕНІЕ.

Всякое древнее уголовное судопроизводство какого бы то ни было народа всегда носить въ себѣ слѣды племенной особенности этого народа, и потому не можетъ не представлять нѣкоторыхъ данныхъ для уясненія основныхъ чертъ его духа. Устанавливая положительныя, иногда строго опредѣленныя, правила относительно вмѣненія преступленій и изобличенія виновныхъ на судѣ, уголовное судопроизводство давно минувшихъ столѣтій, въ самой сущности этихъ правилъ, необходимо обнаруживаетъ, хотя отчасти, характеръ того народа, у котораго оно возникло, его практическій смыслъ и понятія его о правдѣ и справедливости.

По этому изученіе такого судопроизводства, въ связи вообще съ исторіею современнаго ему права, пригодно не для удовлетворенія только празднаго любопытства поклонниковъ старины, но полезно и для людей, облеченныхъ властью, какъ одно изъ средствъ къ познанію ими въ постепенномъ національномъ развитіи того общества, среди котораго имъ приходится дѣйствовать.

Нельзя отрицать, что источникомъ печальныхъ законодательныхъ ошибокъ нерѣдко бываетъ незнаніе народнаго духа. Оно порождаетъ, кромѣ того, шаткость въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, стремленіе къ введенію новизны во что бы то ни стало, и презрѣніе къ старому государственному строю жизни, будто бы вовсе несоотвѣтствующему началамъ современной цивилизаціи. Все это плоды легкомысленнаго уклоненія отъ народнаго міровоззрѣнія разныхъ случайныхъ общественныхъ дѣятелей и полного непониманія ими истинныхъ историческихъ условій прочнаго государственнаго прогресса той или другой страны. Въ своемъ недомыслии, подобные дѣятели, эти часто огульные, по неспособности къ самостоятельному сужденію, по пугамъ либерализма, не могутъ постичь того, что старое, искони существовавшее, составляетъ иногда важную органическую основу въ бытѣ даннаго народа, и что произвольное разрушеніе ея не всегда бываетъ безопасно. По сему Дрэперъ справедливо замѣчаетъ, что избавить общество слишкомъ поспѣшно отъ узды старыхъ идей, значитъ даровать ему не свободу, а натокнуть его на путь политическаго бродяжничества *).

Бѣ сожалѣнію, изученіе духа русскаго народа, по его письменнымъ памятникамъ—юридическимъ, историческимъ и бытовымъ,—мало подвинулось у насъ впередъ. Весьма часто оно основывается не на строгомъ и правдивомъ изслѣдованіи старины, а на однихъ своеобраз-

*) См. Исторію умственнаго развитія Европы. Джона Дрэпера. Спб. 1869. Т. 1-й, стр. 47.

ныхъ, нерѣдко тенденціозныхъ, о ней гаданіяхъ и выводахъ, несогласныхъ съ историческою дѣйствительностію.

Задавшись цѣлью изслѣдовать древнее русское уголовное судопроизводство XIV, XV, XVI и половины XVII вѣковъ, до изданія Уложенія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, мы вполне сознаемъ всю трудность достижения хотя незначительнаго въ томъ успѣха, въ виду недостаточности и отрывочности изданныхъ доселѣ источниковъ по выбранному нами предмету.

Все, что только сохранилось пригоднаго для нашего изслѣдованія отъ означенныхъ столѣтій, именно: уставныя грамоты, оба судебника съ дополненіями къ нимъ, губныя грамоты, книга Разбойнаго Приказа царя Іоанна IV, прибавленія къ ней постановленій царей Ѳедора и Бориса и кое какіе другіе акты *)— представляютъ относительно судопроизводства лишь скудные, перемѣшанные между собою, отрывки когда то цѣльной, и можетъ быть даже не лишеной своеобразной стройности, системы отправленія древняго русскаго правосудія.

Но, говоря это, мы вовсе не предполагаемъ утраты на-

*) Прии. Судебникъ 1550 г. дополнялся: 1) Самимъ издателемъ его Іоанномъ IV съ 1550 по 1582 годъ (Ак. ист. Т. I № 154). 2) Царемъ Ѳедоромъ съ 1588 по 1597 г. (Ак. ист. Т. I № 221). 3) Царемъ Василиемъ Шуйскимъ съ 1607 по 1609 годъ (Ак. ист. Т. II № 85). 4) Царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ съ 1620 по 1645 годъ (Ак. ист. Т. III № 92) и 5) Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ съ 1645 по 1648 годъ (Ак. ист. Т. IV № 6).

ныхъ либо законодательныхъ памятниковъ съ систематическимъ изложеніемъ въ нихъ всего нашего древняго судопроизводства. Такихъ памятниковъ очевидно не существовало. Сказанное нами станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе, что русскіе судьи XIV, XV, XVI и XVII вѣковъ, при отправленіи своихъ обязанностей, руководствовались, бромъ писанныхъ законовъ, еще и древними обычаями. О важномъ значеніи обычаевъ въ старинномъ русскомъ судѣ свидѣлствуютъ не только Олеарій; но и наши отечественные историческіе акты, именно договоръ 1610 года бояръ съ гетманомъ Жолкѣвскимъ объ избраніи царемъ королевича Владислава, и грамота царя Михаила Федоровича 1622 года. Въ означенныхъ актахъ сказано: въ первомъ: „а суду быти и совершатись по прежнему обычаю и по судебнику Россійскаго Государства“ (Ак. эк. Т. II № 165); во второмъ: „судити во всѣхъ дѣлѣхъ по нашему царскому указу и по соборному Уложенію и по прежнему обычаю, какъ было изъ старя“ (Ак. эк. Т. III № 123)*). Эти то древніе обычай восполняли недостаточность какъ общихъ, такъ и частныхъ писанныхъ законоположеній, и совокупно съ ними и составляли ту, созданную самою жизнью и нелишнюю въ некоторой цѣльности,

*) Прем. Въ этой грамотѣ, а также въ грамотахъ 1551 и 1622 годовъ (Ак. эк. Т. I № 229 и Ак. эк. Т. III № 126) Судебникъ 1550 г. называется Уложеніемъ еще прежде появленія Уложенія царя Алексѣя Михайловича Постановленія собора 1551 г. также именуется соборнымъ Уложеніемъ (Ак. Ист. Т. I № 155).

систему русскаго судопроизводства, о которой мы упомянули выше.

Въ настоящее время, когда обычаи, которыми руководствовались на Руси въ старину при отправленіи правосудія, исчезли почти безслѣдно, когда уголовныя дѣла давно минувшихъ вѣковъ утеряны, или доселѣ не изданы, и когда для предположеннаго нами труда остались одни только отрывочныя свѣдѣнія—возстановить на основаніи ихъ, хотя отчасти, систему нашего древняго судопроизводства—представляется задачею весьма нелегкою. Приходится, такъ сказать, сличать между собою сохранившіеся обломки отъ цѣлаго когда то зданія, и понимать выводы о его формѣ и деталяхъ.—Разумѣется, ошибки при такомъ способѣ работы неизбежны, но мы надѣемся, что наша попытка вызоветъ со стороны другихъ лицъ болѣе точныя изысканія относительно разсматриваемаго нами предмета.

Прежде нежели приступимъ къ изложенію частныхъ нашего изслѣдованія, укажемъ на общую мысль, положенную въ основу всей системы древняго русскаго судопроизводства, и служащую какъ бы объяснительнымъ къ ней руководствомъ.

Подобно тому, какъ нынѣ слова: „да правда и милость царствуетъ въ судахъ“, характеризуютъ въ идеѣ систему новаго русскаго судопроизводства, такъ точно въ старину постановленіе: „судомъ не мстити и не дружити никому“ заключало въ себѣ основное начало нашего древняго суда. Такое начало строгаго, нелицепріятнаго правосудія, выраженное въ обонихъ судебныхвахъ и еще раньше въ другихъ па-

пятнигахъ отечественнаго права, наприм., въ судной Новгородской грамотѣ 1471 года и пр. *) представляетъ не одинъ только личный взглядъ того или другаго государя, а исконное понятіе о судѣ всего русскаго народа.

Еще въ XIII вѣкѣ нашими лѣтописцами превозносится судъ истинный, нелицемѣрный, независимый отъ вліянія сильныхъ бояръ и ограждающій слабого отъ ихъ притѣсненій и насилій. (Пол. собр. лѣт. Т. I стр. 184 и 185). Но кромѣ лѣтописцевъ, извѣстный игумень Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, св. Кирилль, въ посланіи своемъ къ Можайскому удѣльному князю, Андрею Дмитриевичу, такъ отзывается о необходимости строгаго, нелицеприятнаго отправленія правосудія: „ты, господине, смотри того: судьи бы судили праведно, какъ предъ Богомъ, посуловъ бы не имали, довольны бы были уроки своими, понеже сице глаголетъ Господь: да не оправдши нечестиваго изды ради, ни сильна, ни богата устыдися на судѣ, ни брата—свойства ради, ни друга—любве ради, ни нища — нищеты ради; не сотвориши неправду на судѣ. Также, господине, и разбоя бы и татьбы въ твоей отчинѣ не было, и аще не уймутся своего злаго дѣла, и ты ихъ вели наказывати своимъ наказаніемъ, чему будутъ достойны“ (Ак. вст. Т. I № 16).

Съ другой стороны черные тяглые люди разныхъ мѣстностей Россіи, приносяшіе жалобы Верховной вла-

*) Прии. Въ Новгородской грамотѣ 1471 г. сказано: „Судити всѣхъ ровно, какъ боярина, такъ и жителяго и молодчаго челоуѣка; а судити право, по крестному дѣлованію“ (Ак. эк. Т. I № 92).

сти на бездѣйствіе судебныхъ чиновъ относительно преслѣдованія преступниковъ, тѣмъ самымъ выражали желаніе имѣть судъ строгій и немздомный (Ак. эк. Т. I №№ 234, 242 и 243).

Все это указываетъ на отечественный идеалъ суда по народному о немъ сознанию, кратко выраженный, какъ мы сказали выше, словами: „судомъ не мстити и не дружити нибому.“ Дѣйствительность существованія такого идеала подтверждается еще и тѣмъ соображеніемъ, что приведенныя нами слова составляли не теоретическое разсужденіе, а законъ. Законы же, относившіеся до суда, создавались у насъ въ старину не по кабинетному, отвлеченному измышленію, а самую жизнь, и возникали, какъ извѣстно, двумя способами: или по ходатайству земли, чрезъ посредство тѣхъ или другихъ общинъ, заявлявшихъ предъ престоломъ о своихъ нуждахъ (Ак. эк. Т. I №№ 187, 224 и др.), или по судебнымъ боярскимъ приговорамъ, обращавшимся, съ утвержденіи царей, въ законъ. Въ Судебникѣ 1550 года было даже постановлено: „а которыя будутъ дѣла новыя, а въ Судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла съ Государева доклада, со всѣхъ бояръ приговору, вершатся, и тѣ дѣла въ Судебникѣ приписывати“ (Ак. ист. I. I № 153 ст. 98.)—И такъ, очевидно, что древніе русскіе законы не могли не отражать въ себѣ народнаго духа и его неотложныхъ потребностей, и что эти потребности заявлялись не въ умозрительной доктринѣ какого-либо одного лица, а практическою, всѣми сознанною, ихъ настоятельностью.

Сообразивъ все сказанное и принявъ во вниманіе

руководящее значеніе въ нашемъ древнемъ судѣ старыхъ обычаевъ, мы не находимъ ничего неожиданнаго и новаго въ томъ, что въ договорѣ 1610 года съ гетманомъ Жолкѣвскимъ, бояре требовали, чтобы законы, относившіеся до суда, издавались „по совѣту съ Думою бояръ и всей земли, и чтобы, сверхъ прежнихъ обычаевъ, не поговоря съ бояры, ни въ чемъ не прибавлять“ (Ак. эк. Т. II № 165). Безъ сомнѣнія, въ означенномъ договорѣ бояре главнымъ образомъ отстаивали старину, боясь нарушенія ея со стороны иноземца Владислава. Во всякомъ случаѣ, безспорно, что древнее наше право создавалось не единичною только волею, но по насущнымъ указаніямъ самой жизни.

Такимъ образомъ, въ окончательномъ выводѣ, нельзя не убѣдиться, что слова: „судомъ не мстити и не дружити ниъому“, составляли въ системѣ нашего древняго судопроизводства основное, жизненное начало, выразившее въ себѣ сознаніе всего русскаго народа о сущности правды на судѣ. Строгое, ни кому не потворствующее отношеніе къ дѣлу, одинаково безпристрастное для друга и врага, для боярина и не боярина — вотъ задача суда по понятіямъ русскихъ людей разсчитываемаго нами времени. Они не требуютъ ни снисхожденія, ни милости, а только одной строгой, неутомимой справедливости, правды по брестному цѣлованію. Притомъ, въ древности у насъ милосердіе понималось преимущественно какъ удовлетвореніе обиженнаго, а не какъ потворство преступнику, особенно вѣдомому лихому человѣку. (Ак. юр. №№ 32, 33, 36,

37, 38, 43 и др.). Это замѣчательная черта русской старины, къ несчастію забытая въ наше время!

Вопросъ, въ какой мѣрѣ дѣйствительность соотвѣтствовала изображенному нами народному идеалу суда, не имѣетъ для насъ существеннаго значенія, такъ какъ мы предположили изслѣдовать законы судопроизводства, а не фактическое проявленіе и осуществленіе ихъ въ жизни. Важно лишь то, что сознаніе о необходимости и святости строгаго, нелицепріятнаго суда жило въ духѣ нашего народа и въ Верховныхъ руководителяхъ его историческихъ судебъ, а потому не могло не отразиться и въ самыхъ постановленіяхъ о судопроизводствѣ. — Скажемъ только, что въ періодъ XIV, XV и XVI столѣтій, русскій народъ жаловался столько же на борыстолюбіе судей, сколько и на то, что судъ не ограждалъ общественной безопасности строгимъ преслѣдованіемъ преступниковъ, которые, особенно тати и разбойники, до того размножились, что на нихъ нерѣдко приходилось выходить съ военною силою, „со всякимъ ратнымъ боемъ“ (Ав. эб. Т. I №№ 187, 224, 234; Ав. ист. Т. 111 № 197 и др.). Но не тѣ ли же самыя жалобы на послабленіе преступникамъ слышатся въ обществѣ и въ настоящее время? Не прибѣгаютъ-ли зачастую въ виду такого послабленія и теперь наши крестьяне къ суду Личча? Жалкая, подумаешь, судьба русской юстиціи: при ясномъ народномъ сознаніи о необходимости строгаго суда, народъ нашъ до сихъ поръ не дождался осуществленія своего идеала, и изъ вѣба въ вѣбъ тянется его безконечная жалоба на неудовлетворительныя дѣйствія правосудія.

Обончивъ введеніе къ настоящему изслѣдованію, означимъ предварительно и самыя его отдѣлы.

Сначала, въ первомъ отдѣлѣ, мы представимъ краткій очеркъ древняго русскаго судоустройства, необходимый для полной вразумительности послѣдующаго нашего изложенія. Во второмъ отдѣлѣ, укажемъ, въ какомъ видѣ, разные роды преступленій на Руси въ разсматриваемое нами время и наказанія за нихъ, что нужно для уясненія третьяго отдѣла, именно понятія о смыслѣ и судѣ, какъ особыхъ формахъ тогдашняго судопроизводства. Затѣмъ, въ четвертомъ, пятомъ, шестомъ и седьмомъ отдѣлахъ мы изложимъ поручительство и арестъ по уголовнымъ дѣламъ, порядокъ судопроизводства по сыскнымъ дѣламъ, порядокъ судопроизводства по суднымъ дѣламъ и судебныя пошлины, наконецъ, въ заключеніи, кратко сравнимъ наше судопроизводство XIV, XV, XVI и первой половины XVII вѣковъ съ современнымъ ему судопроизводствомъ на западѣ Европы, чѣмъ наглядно опредѣлится мѣсто и значеніе древняго русскаго суда по отношенію къ отправленію въ старину правосудія у западно-европейскихъ народовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Судоустройство.

Судебная власть въ Россіи въ XIV, XV, XVI и въ половинѣ XVII вѣкахъ дѣлилась на мѣстную и центральную.

Мѣстная судебная власть распределялась по уѣздамъ. Въ каждомъ уѣздѣ находились: 1) правительственные судьи—на мѣстники, волостели и ихъ тиуны, губные старосты и излюбленные судьи; 2) вотчинные, т. е. частные судьи, творившіе судъ въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ. Изъ всѣхъ этихъ судей составлялись иногда смѣсные суды. Сверхъ поименованныхъ нами постоянныхъ мѣстныхъ судей, были еще временные судьи, именно: судьи разъѣзжіе и судьи данные—правительственные, и судьи третейскіе—частные.

Центральная судебная власть сосредоточивалась въ Москвѣ и, до уничтоженія удѣловъ, въ столь-

ныхъ удѣльныхъ городахъ: 1) у бояръ и окольныхъ, завѣдывавшихъ порученными имъ судебными дѣлами сначала въ качествѣ „бояръ введенныхъ“, а потомъ засѣдавшихъ въ учрежденныхъ въ Москвѣ Приказахъ; 2) у удѣльныхъ князей, великихъ князей и царей.

Судебная власть въ старину была первоначально по преимуществу одноличною, исключая судовъ смѣсныхъ, а потомъ коллегіальною—въ сѣздахъ губныхъ старостъ, въ засѣданіяхъ излюбленныхъ судей и въ Приказахъ.

При производствѣ мѣстнаго, какъ одноличнаго, такъ и коллегіальнаго правительственнаго суда, всегда присутствовали судные мужи, т. е. дворскіе, сотскіе, старосты и лучшіе люди, цѣловальники, въ качествѣ свидѣтелей, какъ велось на судѣ дѣло, и потому подшивавшіе и хранившіе иногда у себя судные списки. На центральномъ одноличномъ судѣ у князей, великихъ князей и царей постоянно находились бояре.

При судьяхъ состояли дьяки, подъячіе и особые пристава для исполненія судейскихъ распоряженій. Эти пристава носили названія: доводчиковъ, праветчиковъ, земскихъ приставовъ (Ак. юр. № 23) и недѣльщиковъ.

Отношеніе мѣстнаго суда къ центральному не было одинаково неизмѣнно во весь разсматриваемый нами періодъ времени. Сначала центральный судъ, съ небольшими исключеніями, почти поглощалъ значеніе суда мѣстнаго; затѣмъ, на оборотъ, мѣстный судъ, особенно по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ, дѣйствовалъ самостоя-

тельно и совершенно независимо отъ суда центрального; наконецъ, повторяется снова, но еще въ большей степени, прежнее явленіе, именно: мѣстный судъ ограничивается вѣдомствомъ лишь самыхъ ничтожныхъ и мелкихъ дѣлъ, всѣ же остальные дѣла сосредоточиваются въ Москвѣ, въ Приказахъ, начинается „московская волокита“, полнѣйшее неправосудіе и искаженіе началъ древняго русскаго суда *)).

Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ система нашего стариннаго судоустройства съ XIV вѣка до изданія Уложенія царя Алексѣя Михайловича.

Перейдемъ теперь къ изложенію частныхъ въ устройствѣ мѣстной и центральной судебныхъ властей, а также существовавшихъ между ними отношеній.

*) Прим. Чрезмѣрное сосредоточеніе судебныхъ дѣлъ въ столичныхъ центрахъ всегда и вездѣ производило и производитъ развращающее вліяніе на управленіе правосудія.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Мѣстная судебная власть.

Обозрѣвая мѣстную судебную власть, мы рассмотримъ: 1) разряды судей; 2) судебные округа; 3) содержаніе судей; 4) судебскую присягу; 5) степень власти судей; 6) отводъ судей, и наконецъ 7) разряды должностныхъ лицъ, состоявшихъ при судѣ.

1) Разряды судей.

На мѣстники, именовавшіеся при дѣйствіи Русской Правды посадниками, волостели, называвшіеся тогда вирниками, и ихъ тіуны—искони были учреждены во всѣхъ уѣздахъ русской земли и составляли единственную мѣстную правительственную судебную власть во все продолженіе XIV и XV столѣтій. Встрѣчаемыя въ нашихъ древнихъ актахъ должностныя лица, именно: особые волостели, слободчики, данщики,

посельскіе и ловчіе, по существу присвоивавшейся имъ судебной власти соотвѣтствовали отчасти, но съ нѣкоторыми ограниченіями, общимъ волостелямъ, хотя завѣдывали противъ послѣднихъ меньшими присудами, и потому всѣхъ поименованныхъ выше лицъ нельзя прямо относить къ особому разряду правительственныхъ судей*).

Совмѣстно со всѣми указанными выше правительственными судьями существовали еще и судьи вотчинные, какъ свѣтскіе, такъ и духовные. преимущественно игумены и архимандриты въ монастыряхъ. Судебная власть, предоставленная въ поземельныхъ владѣніяхъ ихъ вотчинникамъ, опредѣлялась жалованными имъ грамотами и была иногда весьма обширна.

Судьи правительственные и судьи вотчинные, по общимъ между ними дѣламъ, съѣзжались для рѣшенія ихъ совмѣстно и составляли для того, такъ называвшіеся, суды смѣсные. Впрочемъ, эти суды могли учреждаться, смотря по подсудности входившихъ въ дѣло лицъ, и отдѣльно, какъ изъ однихъ правительственныхъ, такъ и изъ однихъ вотчинныхъ судей.

Судьи разъѣзжіе и судьи данные не причислялись къ постояннымъ мѣстнымъ участковымъ судьямъ, подобно намѣстникамъ и волостелямъ, а изрѣдка посылались правительствомъ изъ Москвы въ уѣзды для рѣшенія на мѣстѣ только спорныхъ гражданскихъ

*) Прим. Подробности объ этихъ судьяхъ помѣщены въ статьяхъ нашихъ: Древнее русское право въ исторіи г. Костомарова, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Майск. кн. 1876 г. и Іюльск. кн. 1877 годовъ.

земельныхъ дѣлъ. Различіе между разъѣзжими судьями, носившими еще названіе писцовъ, и судьями данными состояло въ слѣдующемъ:

Первые, т. е. разъѣзжіе судьи, посылались периодически, время отъ времени, въ тотъ или другой уѣздъ для составленія о немъ писцовыхъ книгъ и рѣшенія при этомъ дѣлъ о тѣхъ спорныхъ земляхъ и угодьяхъ, кои подлежали запискѣ въ уѣздныя писцовыя книги, но до рѣшенія судьбою спора не могли быть въ нихъ внесены, такъ какъ для такого внесенія требовалось точное обозначеніе имени и прозванія владѣльца земли или угодья, чего до окончанія самаго дѣла сдѣлать было невозможно.

Вторые, т. е. данные судьи, назначались правительствомъ случайно, по просьбѣ участвовавшихъ въ спорномъ дѣлѣ сторонъ, и для рѣшенія лишь этого одного дѣла. Каждой сторонѣ дозволялось просить о назначеніи для себя особаго даннаго судьи и указывать притомъ прямо на то или другое лицо.

Разъѣзжіе судьи производили судъ иногда въ составѣ двухъ или трехъ изъ нихъ, а иногда однолично. Трудно опредѣлить, въ какихъ случаяхъ требовалось коллегіальное разсмотрѣніе дѣла, и когда этого не требовалось. Можно только догадываться, что монастырскія земельныя тяжбы всегда рѣшались разъѣзжими судьями совмѣстно.

Третейскіе судьи были двухъ родовъ: 1) третейскіе судьи между самими судьями, несходившимися въ мнѣніяхъ относительно рѣшенія дѣла; 2) третейскіе

судьи между частными сторонами, по ихъ собственнымъ спорнымъ дѣламъ.

Перваго рода третейскіе судьи допускались исключительно лишь въ смѣсныхъ дѣлахъ, возникавшихъ между отдѣльными удѣльными княжествами. Если у смѣсныхъ судей, назначавшихся по этому поводу князьями, происходило разнорѣчіе относительно рѣшенія такихъ дѣлъ, то судьи эти пользовались правомъ выбрать кого имъ было угодно третейскимъ между собою судьей; въ случаѣ же разномыслія ихъ касательно выбора и самого третейскаго судьи, естественнымъ третейскимъ судьей признавался великій князь Московскій, и дѣло передавалось на его рѣшеніе.

Третейскіе судьи втораго рода были судьями между частными лицами. Эти судьи, безъ всякаго отношенія къ правительственной власти, выбирались спорившими по дѣлу сторонами совершенно свободно. При выборѣ третейскихъ судей стороны заключали третейскія записи, которыя писались примѣрно такъ: „не ходя на судъ, поговори межъ себя полюбовно, зарядили мы въ томъ дѣлѣ третьихъ (такихъ-то), и третьимъ нашимъ пожаловать насъ судить и всякими сыски сыскивать и по душамъ допрашивать. И миѣ (истцу), ставъ передъ третьими своими, иску своего искать, а намъ (отвѣтчикамъ) передъ третьими своими въ томъ его иску отвѣчать и во всемъ ихъ слушать, и приговоръ ихъ и сказку любить; и вольно третьимъ нашимъ праваго оправить, а виновнаго по суду своему и по сыску и по нашимъ душевнымъ сказкамъ обвинить. и расправа межъ нами учинить безволеянно. НЕ ПИШУТЬ“

свой третейскій правому на виноватаго дать. А будетъ я (истецъ) не стану передъ третьими, гдѣ мнѣ посрочать, къ суду, или ставъ не учну того своего иску искати, и третьихъ своихъ не учну суда слушать, и приговора ихъ и сбазки любить, и я (истецъ) того своего иску всего лишень; да на мнѣ-жь (истцѣ) взять третьимъ нашимъ безчестія свои противъ государева денежнаго жалованья. А будетъ мы (отвѣтчики) передъ третьими своими бѣ суду не станемъ, гдѣ намъ третьи наши посрочать къ суду быти, или ставъ передъ нихъ не учнемъ въ томъ искѣ отвѣчать, или не учнемъ третьихъ своихъ суда слушать и приговору ихъ и сбазки любить, и на насъ (на отвѣтчикахъ) тотъ искъ сполна; да на насъ же взять третьимъ нашимъ безчестія свои противъ государева денежнаго жалованья.* Запись подписывалась истцами, отвѣтчиками и послухами (Аб. эк. Т. III № 277).

Въ монастырскихъ селахъ, третейскіе судьи назначались иногда сельскими приказчиками. (Аб. юр. №№ 66 и 67).

Всѣ поименованныя нами мѣстныя судебныя власти существовали безъ всякихъ перемѣнъ въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій. Но со второй четверти XVI вѣка начинается на Руси первая судебная реформа, именно: судъ уѣздный коронный становится не одиначнымъ, а коллегіальнымъ, и вмѣсто правительственнаго назначенія судей вводится для нихъ выборное начало. Поговоримъ подробнѣе объ этой первой нашей судебной реформѣ.

Она возникла въ царствованіе Іоанна Грознаго, въ

1539 году, учрежденіемъ у насъ новой мѣстной судебной власти, въ лицѣ выборныхъ губныхъ старостъ. Власть эта учреждается не по личному только желанію правительства, а въ удовлетвореніе желанія и потребности всея русской земли, т. е. вслѣдствіе указаній самой жизни.

Побуждаемые крайнею необходимостію, многіе городскіе, посадскіе и волостные люди стали приносить жалобы великому князю Іоанну IV, что они сильно страдаютъ отъ усиленія въ землѣ разбоевъ, грабежей и убійствъ. и что обыщики, посылаемые изъ Москвы для отысканія и преслѣдованія преступниковъ, причиняютъ населенію только одни убытки, не принося никакой существенной пользы относительно порученнаго имъ дѣла. Къ этимъ жалобамъ присоединялись и намеки, чтобы самимъ мѣстнымъ жителямъ дозволено было ловить разбойниковъ: „а сами мы, писали въ жалобахъ своихъ городскіе, посадскіе и волостные люди, межъ себя, безъ государева вѣдома, обыскивать и имати разбойниковъ не смѣемъ“. (Ак. эк. Т. I № 187 и др.).

Правительство Іоанна Грознаго оцѣнило значеніе такихъ намековъ и пользу дарованія мѣстнымъ общинамъ права выбирать самимъ у себя людей для поимки и наказанія разбойниковъ, вслѣдствіе чего въ 1539 году и установлены были выборные губные старосты для каждаго города и каждой волости: по три или по четыре человѣка *).

*) Были нѣкоторые мѣстныя исключенія изъ этого общаго правила, но они, по своей частности, не имѣютъ существеннаго значенія.

Выборы въ губные старосты вѣдно было производить отдѣльно по каждому уѣзду, на общемъ сѣздѣ всѣхъ его сословій. именно духовенства, дворянъ, дѣтей боярскихъ, городскихъ, посадскихъ и волостныхъ людей. О самыхъ выборахъ составлялись выборные списки за подписью всѣхъ избирателей и списки эти представлялись въ Разбойный Приказъ. Выбирать въ губные старосты предписывалось только лучшихъ, первыхъ людей изъ дѣтей боярскихъ и дворянъ, которые были бы къ тому пригожи, душою прямы, животомъ прожиточны и въ грамотѣ горазды. Когда въ Разбойномъ Приказѣ замѣчали, что избранъ кто либо въ губные старосты не изъ лучшихъ людей, то губнымъ старостою назначали лучшаго человѣка безъ выборовъ. Въ случаѣ, если выборы не были единогласны—выбирали один—одного, а другіе—другаго, то такіе выборы представлялись на разсмотрѣніе въ Разбойный Приказъ, отъ котораго зависѣло или утвердить кого либо изъ лицъ, выбранныхъ въ губные старосты, или приказать произвести новые выборы. (Ак. эк. Т. I № 187; Ак. эк. Т. III № 171; Ак. ист. Т. III № 150).

Выбранныхъ такимъ образомъ губныхъ старостъ запрещалось смѣщать съ должностей. Въ грамотѣ 1550 года царь Іоаннъ IV прямо говоритъ: „а которые старосты нашу службу служатъ и отъ службы ихъ отставити немочно“ (Ак. эк. Т. I № 224). Если при этомъ принять во вниманіе, что срокъ выборной службы губныхъ старостъ не былъ опредѣленъ, и что они служили безсрочно, то мы имѣемъ полное право сказать, что имъ присваивалась полная несмѣняемость.

И дѣйствительно, ихъ служба продолжалась почти пожизненно, иногда 20 и болѣе лѣтъ въ одной и той же должности и въ одной и той же мѣстности, какъ напр., губныхъ старость Дубасова, Палицына, Осорьина и другихъ. (Ак. юр. №№ 203, 365; Ак. эк. Т. III №№ 152, 154, 163, 201, 210. 257, 295 и 297) *).

*) Вотъ списокъ губныхъ старость XVI и XVII столѣтій, о которыхъ упоминается въ нашихъ актахъ:

1) Бѣлозерскаго уѣзда: 1549 г. Монастыревъ и Сапоговъ (Ак. эк. Т. I № 224); 1571 г. Гнѣвашовъ и Лихаревъ (Ак. эк. Т. I № 281); 1643 г. Козловъ (Ак. юр. № 313).

2) Вологодскаго уѣзда: 1582 г. Бесѣдковъ и Трусовъ Иванъ (Ак. юр. № 106); 1608 г. Вечеславъ (Ак. юр. № 423); 1617 г. Домнинъ Григорій и Трусовъ, Иларіонъ (Ак. юр. № 279); 1649 г. Домнинъ Матвей (Ак. эк. Т. IV № 40).

3) Владимірскаго уѣзда: 1627 г. Кирионовъ (Ак. юр. № 29).

4) Волоцкаго уѣзда 1653 г. Бражниковъ (Ак. юр. № 223. V).

5) Галицкаго уѣзда 1619 г. Перелешинъ (Ак. эк. Т. III № 105).

6) Кашинскаго уѣзда: 1586 г. Аммосовъ Изхира (Ак. эк. Т. I № 230); 1656 г. Сосновскій (Ак. эк. Т. IV № 92).

7) Козельскаго уѣзда 1606 г. Панинъ (Ак. юр. № 59).

8) Малоярославскаго уѣзда 1649 г. Микулинъ (Ак. юр. Калачова № 55, XII).

9) Муромскаго уѣзда 1625—1640 г. Аристовъ, Воропаевъ и Осорьинъ (Ак. эк. Т. III №№ 163, 210, 295 и 297).

Вирочемъ, губнымъ старостамъ, кажется, дозволялось оставлять должность по собственному желанію, но если ихъ выбирали снова, то они не могли отказываться отъ службы, кромѣ того случая, когда по освидѣтельствваніи находили ихъ дѣйствительно больными или увѣчными (Ак. ист. Т. III № 150).

10) Новоторжскаго уѣзда 1627 г. Вельяшевъ (Ак. эк. Т. III № 171).

11) Переяславля - Рязанскаго уѣзда: 1647 г. Смагинъ, Масловъ, Нефионовъ (Ак. юр. Калачова № 55, X, XI); 1666 г. Чеботаевъ и Сацыноровъ (Ак. юр. Калачова № 55 XIX, XXI); 1677 г. Лянуновъ (Ак. юр. Калачова № 55 XXVIII).

12) Суздальскаго уѣзда: 1639 г. Щепиловъ (Ак. эк. Т. III № 291); 1642 г. Кишкинъ (Ак. эк. Т. III № 311); 1647 г. Кникинъ и Строиловъ (Ак. эк. Т. IV № 22).

13) Серпуховскаго уѣзда 1601 г. Игнатъевъ, Соионовъ и Цвилленевъ (Ак. эк. Т. II № 19).

14) Углицкаго уѣзда: 1614 г. Грозный (Ак. эк. Т. III № 47); 1641 г. Раковъ (Ак. юр. № 304, III); 1670—1674 г. Роткѣвскій (Ак. юр. № 307 II и IV).

15) Унженскаго уѣзда 1585 г. Сѣкиринъ (Ак. юр. № 359, II; Ак. юр. № 172).

16) Устюжскаго уѣзда: 1623 г. Верилевъ (Ак. эк. Т. III № 146); 1647 г. Лаптевъ (Ак. эк. Т. IV № 21).

17) Торусскаго уѣзда 1611 г. Кунаковъ (Ак. эк. Т. II № 192).

18) Шуйскаго уѣзда 1621 г. Сѣченевъ (Ак. юр. Калачова № 55 IV).

19) Заонежской половины: 1632 г. Забѣлинъ (Ак. эк. Т. III №№ 201 и 203); 1636 г. Скобедѣцкинъ (Ак. эк. Т. III № 263).

И такъ, несмѣняемость судей, которою такъ возмущаются нѣкоторые въ наше время, признана была необходимою даже у насъ въ старину, и ни царь Іоаннъ Грозный, ни царь Алексѣй Михайловичъ, даровавшій кievскимъ войтамъ право на пожизненное войтовство, не считали себя умаленными тѣмъ въ своихъ самодержавныхъ правахъ (Ак. ист. Т. IV № 83 и 192).

Обязанность губныхъ старостъ состояла не только въ томъ, чтобы розыскивать разбойниковъ, но и въ томъ, чтобы ихъ судить и казнить.

Съ учрежденіемъ губныхъ старостъ дѣла разбойныя не подлежали уже вѣдѣнію намѣстниковъ, волостелей и ихъ тиуновъ; но по всѣмъ остальнымъ дѣламъ они сохраняли еще прежнюю свою власть и значеніе. Впослѣдствіи, обязанность губныхъ старостъ еще болѣе расширилась, когда имъ предписано было произносить приговоры и о вѣдомыхъ татяхъ и душегубцахъ. Сообразно съ этимъ увеличеніемъ предѣловъ вѣдомства губныхъ старостъ уменьшились и предѣлы вѣдомства намѣстниковъ и волостелей, и наконецъ, начиная съ

20) Деревской пятины 1663 г. Огибаловъ (Ак. юр. № 352).

21) О бонежской пятины: 1624 г. Палицынъ (Ак. эк. Т. III №№ 152, 154, 201 и 257; Ак. юр. № 223, II); 1652 г. Востинскій (Ак. эк. Т. IV № 58; Ак. юр. № 348); 1654—1677 г. Дубасовъ (Ак. эк. Т. IV №№ 70 и 72; Ак. юр. № 203, I, II, 365, II).

22) Арзамаскаго уѣзда 1679 г. Нестѣевъ (Ак. эк. Т. IV № 237).

1552 года, эти должности, тоже по ходатайству общинъ, стали почти повсемѣстно уничтожаться и замѣняться выборными пзлюбленными судьями.

Поводъ къ установленію излюбленныхъ судей былъ слѣдующій. На намѣстниковъ и волостелей, назначавшихся правительствомъ изъ бояръ и дѣтей боярскихъ, крестьянскія общины стали приносить постоянныя жалобы царю, что означенныя должностныя лица „чинять имъ продажи и убытки великіе“. Царь Іоаннь Грозный обратилъ вниманіе на эти жалобы и, въ своихъ грамотахъ объ установленіи новаго судебного учрежденія, именно излюбленныхъ судей, заявилъ слѣдующее: „мы, жалующи крестьянство, для тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ, намѣстниковъ и волостелей отъ городовъ и волостей отставили, и велѣли еси во всѣхъ городахъ и волостяхъ учинити старость излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управа чинить, которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всею землею, людей добрыхъ и просужихъ, которые бы были душею прямы и отъ которыхъ бы имъ (крестьянамъ) продажъ и убытковъ и обиды не было, и (которые) разсудить бы ихъ умѣли вправду безпосудно и безволебитно“ (Ак. эк. Т. I №№ 242 и 243; Ак. эк. Т. II № 52). И такъ, излюбленные старосты были собственно крестьянскими судьями. Они назывались также излюбленными и судьями, земскими судьями, мірскими выборными или просто выборными судьями и судейками (Ак. ист. Т. I № 248; Ак. эк. Т. II №№ 52 и 69; Ак. эк. Т. I № 250).

Выборы въ пзлюбленные судьи производились не

всѣми сословіями, какъ это было при выборахъ въ губныя старосты, а одними только крестьянами, и притомъ не цѣлымъ уѣздомъ, а отдѣльно по каждому городу, посаду или волости, при чемъ для всякаго изъ этихъ выборныхъ участковъ выбиралось по нѣскольку судей.

Срокъ выборной службы излюбленныхъ судей не былъ опредѣленъ, но городскимъ, посадскимъ и волостнымъ людямъ дозволялось перемѣнять ихъ и избирать новыхъ или по собственному побужденію, или вслѣдствіе желанія самихъ судей оставить должность (Ак. эк. Т. I №№ 250 и 364). Впрочемъ, въ посадѣ Шуѣ излюбленные судьи выбиралось на годъ (Ак. эк. Т. II № 52).

Вѣдѣнію излюбленныхъ судей подлежали дѣла крестьянскаго сословія, остававшіяся еще у намѣстниковъ и волостелей за отдѣленіемъ отъ нихъ губнымъ старостамъ дѣлъ разбойныхъ, татевныхъ и душегубныхъ, т. е. дѣла гражданскія и маловажныя уголовныя дѣла. Однакожь, слѣдуетъ замѣтить, что излюбленнымъ судьямъ, хотя рѣдко, предоставлялись иногда, какъ напр. на Вагѣ и Двинѣ, и права губныхъ старостъ въ рѣшеніи важныхъ уголовныхъ дѣлъ, касавшихся только крестьянъ (Ак. эк. Т. I №№ 234 и 250).

Губныя старосты и излюбленные судьи рѣдко дѣйствовали одиночно, но всегда почти коллегіально въ большемъ или меньшемъ составѣ.

Прочія мѣстныя судебныя власти, какъ то: судьи разъѣзжіе, данные, третейскіе, вотчинные, и послѣ судебной реформы, произведенной въ царствованіе Іоанна Грознаго, сохранили прежнее свое значеніе безъ всякихъ измѣненій, но вотчиннымъ судьямъ не

дозволялось уже вѣдать въ своихъ вотчинахъ дѣла о татьбахъ, разбояхъ и душегубствахъ.

Изложенное нами измѣненіе въ судоустройство не было, впрочемъ, строго и одновременно осуществлено на всемъ пространствѣ тогдашней Руси. У насъ въ древности не любили повсемѣстной, систематической ломки стараго, новизну вводили осмотрительно, всегда по потребностямъ даннаго мѣста и даннаго времени. Поэтому, при учрежденіи губныхъ старостъ и излюбленныхъ судей, оставались мѣстности, гдѣ ни тѣхъ, ни другихъ не было, а всѣ дѣла по прежнему судили одни намѣстники или волостели и ихъ тіуны.

2) Судебные округа.

При намѣстникахъ и волостеляхъ каждый уѣздъ дѣлился на большее или меньшее число судебныхъ округовъ. Изъ нихъ тотъ округъ, въ границы коего входилъ и уѣздный городъ, гдѣ пребывалъ намѣстникъ, назывался намѣстничествомъ, а другіе округа, въ томъ же уѣздѣ, съ главнымъ селомъ, гдѣ жилъ волостель, именовались волостельствами.

Но среди намѣстничествъ и главныхъ волостельствъ постоянно образовывались еще гораздо меньшіе, но самостоятельные присуды, какъ правительственные, которые можно назвать особыми волостельствами, такъ и частные—вотчинные округа. Напримѣръ, въ Переяславскомъ уѣздѣ было пять главныхъ судебныхъ округовъ: 1) намѣстничество

Переяславское и общія волостельства, 2) Усольское, 3) Кисемское, 4) Верхъ-Дубенское и 5) Слободское; но, кромѣ того, въ округъ Переяславскаго намѣстничества возникли еще три особыя волостельства съ особыми волостелями, независимыми отъ намѣстниковъ, именно: 1) волостельство столнича пути для рыболовныхъ только дворовъ въ самой Переяславль; 2) волостельство сокольнича пути для 20 сокольничьихъ дворовъ тоже въ Переяславль; 3) Артемоновское волостельство, изъ волости Артемоновской.

Такъ было и по прочимъ уѣздамъ, т. е. что среди намѣстничествъ и главныхъ уѣздныхъ волостельствъ постоянно образовывались, преимущественно изъ мѣстъ промышленныхъ, особыя правительственныя волостельства, кромѣ присудовъ владѣльческихъ или вотчинныхъ.

Реформа въ судоустройствѣ, произведенная въ царствованіе Іоанна Грознаго, значительно повліяла на измѣненіе предѣловъ прежнихъ правительственныхъ судебныхъ округовъ. Тамъ, гдѣ вмѣсто намѣстниковъ и волостелей учреждены были излюбленные судьи, за прежними намѣстничьими и волостельскими присудами осталось лишь финансовое значеніе, именно городскіе, посадскіе и волостные люди этихъ прежнихъ присудовъ обязаны были сообща за кормы, пошлины и всякіе доходы бывшихъ намѣстниковъ и волостелей вносить въ казну извѣстный оброкъ, иногда по тогдашнему времени весьма большой, такъ напр., съ Важскаго и Шенкурскаго намѣстничьяго присуда платилось оброка полторы тысячи рублей въ годъ.

Судебные же округа вновь учрежденных излюбленных судей исключительно ограничивались тѣмъ городомъ, посадомъ или волостью, для которыхъ эти судьи были выбраны (Ак. эк. Т. I №№ 234, 242 и 243).

Такимъ образомъ, прежніе присуды намѣстниковъ и волостелей сохраняли за собою представленіе единственно тяглыхъ единицъ, съ которыхъ платилась извѣстная денежная повинность, но собственно, въ видѣ судебныхъ округовъ, они перестали уже существовать.

Губные старосты, какъ мы свазали, избирались по уѣздамъ, и потому уѣздъ составлялъ ихъ общій судебный округъ. Всѣ они по каждому уѣзду составляли одно корпоративное цѣлое; но въ частности губные старосты, въ количествѣ трехъ или четырехъ человекъ на ту или другую общину, дѣйствовали, какъ мѣстные участковые судьи, только въ томъ городѣ, посадѣ или волости, для которыхъ были выбраны. При возникновеніи же важныхъ уголовныхъ дѣлъ, всѣ губные старосты того или другаго уѣзда обязаны были съѣзжаться въ уѣздный городъ и рѣшать такія дѣла сообща. И такъ, губные старосты, кромѣ частнаго своего судебного округа, именно: города, посада или волости, имѣли еще и общій для всѣхъ ихъ судебный округъ—цѣлый уѣздъ.

При царѣ Михайлѣ Федоровичѣ губнымъ старостамъ въ своихъ участкахъ дозволялось судить и однолично. (Ак. ист. Т. III № 167 ст. 61).

Съѣзды губныхъ старостъ въ главный городъ ихъ уѣзда для рѣшенія преимущественно важныхъ разбойныхъ дѣлъ представляютъ уже начало чистой коллегіаль-

ности, котораго смѣсные суды еще не имѣли, такъ какъ каждый изъ смѣсныхъ судей, будучи судьей только той или другой стороны въ дѣлѣ, невольно преслѣдовалъ въ немъ и свой особый интересъ.

Изъ всего нами сказаннаго оказывается, что намѣстничьи и волостелины присуды, заключавшіе въ себѣ по нѣскольку волостей, по учрежденіи губныхъ старостъ и излюбленныхъ судей, раздробились на самыя мелкіе присуды, ограничивавшіеся предѣлами одного города, или посада, или одной волости.

3) Содержаніе судей.

Намѣстники, волостели и ихъ тиуны, при отправленіи правосудія, получали опредѣленные уставными грамотами кормы, судебныя пошліны съ дѣлъ и другіе доходы *); губные же старосты и излюбленные судьи несли службу вполне безвозмездно. Самыя судебныя пошліны въ ихъ время поступали уже въ казну.

4) Присяга судей.

Присяга судей, при вступленіи ихъ въ должность, существовала у насъ и въ древности.

Относительно, впрочемъ, намѣстниковъ, волостелей

*) Подробности о доходахъ намѣстниковъ и волостелей находятся въ нашемъ изслѣдованіи о древнихъ русскихъ смѣсныхъ судахъ. Москва. 1882 года.

и ихъ тіуновъ нѣтъ объ этомъ въ нашихъ актахъ прямыхъ указаній. Но изъ того, что имъ предписывалось судить „право“, „по крестному цѣлованію“, необходимо заключить, что они давали судебскую присягу, — тіуны предъ намѣстниками и волостелями, ихъ избравшими, а сами намѣстники и волостели вѣроятно въ Москвѣ, предъ самымъ отправленіемъ ихъ на службу въ тотъ или другой уѣздъ.

Что касается губныхъ старостъ и излюбленныхъ судей, то всѣ они, послѣ выбора въ судьи, обязаны были пріѣзжать въ Москву, гдѣ приводились къ присягѣ чрезъ дьяковъ, губные старосты — въ Разбойномъ Приказѣ, а излюбленные судьи въ томъ Приказѣ, которому подвѣдомственна была выбранная ихъ въ судьи мѣстность. (Ак. эк. Т. I №№ 187, 192, 194, 224, 234, 242, 250, 330; Ак. эк. Т. II № 52; Ак. эк. Т. III №№ 126, 171 и 210).

Присяга судей производилась по особо установленной для того формѣ. Одна изъ формъ судебской присяги, или крестнаго цѣлованія, какъ называли ее въ старину, сохранилась отъ времени Іоанна Грознаго. Она была составлена, безъ сомнѣнія, по общему, употреблявшемуся тогда образцу, для какого то Петрушки, избраннаго излюбленнымъ судьей въ Тавренскую волость Важскаго уѣзда. Вотъ текстъ присяги судьи Петрушки:

„Цѣлуемъ крестъ своему Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Руси и его дѣтемъ царевичамъ, Царевичу Ивану и Царевичу Федору, и ихъ землямъ, на томъ, что меня, Петрушку, по Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя грамотѣ, въ Тав-

ренской волости выбрали въ выборные излюбленные судьи: мнѣ, будучи въ судьяхъ, крестьянъ судити всякій судъ въ правду безо всякія хитрости, другу не дружити, а недругу не мстити, и посуловъ мнѣ въ судѣ не имати ни у кого ничего, некоторыми дѣлы, и Государевъ оброкъ съ крестьянъ сбирати безъ приборовъ, и ходитъ мнѣ о всемъ потому, какъ въ уставной грамотѣ писано, по сему Государеву крестному цѣлованію“. (Ак. юр. № 332).

Впослѣдствіи, именно при царѣ Василю Ивановичу Шуйскомъ, въ 1607 году излюбленные судьи приводились къ присягѣ не въ Москвѣ, а на мѣстѣ ихъ избранія чрезъ воеводу (Ак. эк. Т. II № 69); но потомъ, при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ, въ 1622 году снова предписано было присылать излюбленныхъ судей для принятія судейской присяги въ Москву. (Ак. эк. Т. III № 126).

5) Степень власти судей.

Указавъ постепенное возникновеніе мѣстныхъ судебныхъ властей, перейдемъ теперь къ опредѣленію степени власти какъ намѣстниковъ, волостелей и ихъ тиуновъ, такъ и губныхъ старостъ, излюбленныхъ судей и вотчинныхъ судей*).

При существованіи въ уѣздахъ однихъ лишь на-

*) О степени власти судей развѣзжихъ, данныхъ и третейскихъ мы не говоримъ, такъ какъ судейская ихъ дѣятельность касалась лишь гражданскихъ дѣлъ.

мѣстниковъ и волостелей, вполне независимыхъ другъ отъ друга, власть этихъ судей увеличивалась или уменьшалась смотря по тому, получалъ ли намѣстникъ или волостель право боярскаго суда или не получалъ, а пользовался только правомъ суда небоярскаго.

Намѣстникъ или волостель, имѣвшій право боярскаго суда, что, впрочемъ, было весьма рѣдко, могъ въ своемъ намѣстничествѣ или волостельствѣ казнить смертію и оправдывать лицъ, обвинявшихся въ важныхъ преступленіяхъ, а также разсматривать иски холоповъ о свободѣ отъ холопства и признавать ихъ вольными людьми.

Намѣстники же или волостели, получавшіе право суда небоярскаго, могли рѣшать собственною властію только незначительныя уголовныя дѣла, по важнымъ же уголовнымъ дѣламъ имъ не дозволялось ни казнить, ни оправдывать преступниковъ, ни освобождать холоповъ изъ холопства. Въ этихъ случаяхъ намѣстники или волостели обязаны были судные списки своего суда переносить для доклада и вершенія дѣлъ въ Москву или въ удѣльнымъ князьямъ. Такъ какъ громадное большинство намѣстниковъ и волостелей пользовались лишь правомъ небоярскаго суда, то, разумѣется, всѣ важнѣйшія уголовныя дѣла и дѣла о холопахъ, искавшихъ свободы отъ брѣйностной зависимости, сосредоточивались въ Москвѣ и у удѣльныхъ князей, что подтверждаетъ и Герберштейнъ.

Тіуны, какъ лица, назначавшіяся на должность самими намѣстниками и волостелями въ помощь себѣ, но безъ права удаленія ихъ отъ службы до истеченія

одного года, никогда не получали права боярскаго суда, хотя бы намѣстники или волостели, ихъ опредѣлившіе, и имѣли самы это право. Тіуны поручавшіяся имъ судныя дѣла рѣшали самостоятельно, безъ всякаго вмѣшательства въ ихъ судъ намѣстниковъ и волостелей. Дѣла же, превышавшія степень власти тіуновъ, они, произведя судъ, прямо отъ себя представляли для доклада и рѣшенія въ Москву или въ удѣлы.

Особые волостели, носившіе названія: посельскихъ, ловчихъ, данщиковъ, слободчиковъ или просто волостелей, почти никогда не разсматривали дѣлъ о душегубствѣ, а иногда и дѣлъ о разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ. По этому лица, жившія въ присудахъ особыхъ волостелей и имъ подсудныя, подлежали по дѣламъ о душегубствѣ, а иногда по дѣламъ о разбоѣ и татьбѣ, не суду своихъ особыхъ волостелей, а суду намѣстниковъ или главныхъ волостелей по принадлежности, смотря по тому, въ округѣ кого изъ нихъ лежало то или другое особое волостельство. По указанному нами основанію, и виры, взыскивавшіяся съ особыхъ волостельствъ въ случаѣ неотысканія убійць, поступали всегда не къ особымъ волостелямъ, а къ намѣстникамъ и главнымъ волостелямъ, въ округѣ коихъ лежало особое волостельство, гдѣ случилось душегубство.

Власть губныхъ старостъ была, напротивъ, весьма обширна и касалась всѣхъ безъ исключенія сословій. Губные старосты, не сносившіеся съ Москвою, могли сами казнить смертію разбойниковъ, вѣдомыхъ татей и душегубцевъ, отвѣтствуя въ произнесеніи смертныхъ приго-

воровъ только предъ собственною совѣстью. Въ своихъ грамотахъ, царь Іоаннъ Грозный, предоставляя губнымъ старостамъ такое неограниченное право казнить смертію, говоритъ: „то еси положишь на душахъ вашихъ, а вамъ отъ меня въ томъ опалы нѣтъ“. (Ак. эк. Т. I №№ 187 и 194, I).

Губные старосты въ своихъ участкахъ, именно въ городахъ, посадахъ и волостяхъ, разбирали, въ составѣ трехъ или четырехъ человѣкъ, только невеликія разбойныя и татевныя дѣла; важныя же дѣла этого рода рѣшались, какъ мы уже сказали, губными старостами всего уѣзда на общемъ ихъ съѣздѣ. Если случалось, что они переносили дѣла въ Москву, то, кромѣ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ указаній, о чемъ скажемъ ниже, не иначе, какъ по причинѣ встрѣченнаго ими самими какого либо затрудненія въ рѣшеніи этихъ дѣлъ. Въ наказахъ губнымъ старостамъ постоянно говорилось: „а въ чемъ будетъ вамъ, въ которомъ дѣлѣ, невозможно управу учинити, и вы бѣ о томъ отписывали къ нашимъ боярамъ, которымъ пригазаны разбойныя дѣла, и бояре наши о тѣхъ дѣлѣхъ доглядываютъ Меня Царя и Великаго Князя, да вамъ въ тѣхъ дѣлѣхъ указъ учинять.“ (Ак. эк. Т. I № 224).

Излюбленные судьи были судьями одного крестьянскаго сословія, и судебная власть ихъ надъ крестьянами не превышала власти намѣстниковъ и волостелей безъ права боярскаго суда, т. е. касалась однихъ мало-важныхъ дѣлъ. Лица другихъ сословій, проживавшія въ участкахъ излюбленныхъ судей, какъ то бояре, дѣти боярскія и дворяне, не подлежали суду излюбленныхъ

судей, когда были по дѣлу отвѣтчиками, а не истцами, и судились въ Москвѣ, въ Судныхъ Приказахъ Московскомъ и Владимірскомъ, какъ объяснимъ о томъ ниже. Съ исками же на крестьянъ обращались къ излюбленнымъ судьямъ лица всѣхъ сословій. Но иногда, хотя очень рѣдко, излюбленнымъ судьямъ, кромѣ отнесенія къ ихъ вѣдомству маловажныхъ дѣлъ, давалась еще и власть, предоставленная губнымъ старостамъ. Въ такомъ случаѣ излюбленные судьи также могли казнить смертію разбойниковъ, татей и душегубцевъ, если только эти преступники принадлежали къ лицамъ крестьянскаго сословія. (Ак. эк. Т. I №№ 234 и 250). Остальнымъ излюбленнымъ судьямъ, неимѣвшимъ губнаго права, дозволялось кое гдѣ участвовать въ смѣсныхъ судахъ съ губными старостами по дѣламъ разбойнымъ, татейнымъ и душегубнымъ, касавшимся крестьянъ. (Ак. эк. Т. I № 257).

Вотчинные судьи получали право судить не вслѣдствіе одного фактическаго владѣнія вотчиною, но всякій разъ вслѣдствіе особаго пожалованія этого права Верховною властію. Въ XIV и XV вѣкахъ вотчиннымъ судьямъ предоставлялась судебная власть большею частию по всѣмъ безъ исключенія гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, возникавшимъ въ ихъ вотчинахъ и между ихъ крестьянами. Власть эта вполне соответствовала власти намѣстниковъ и волостелей, имѣвшихъ право небоярскаго суда. Полномочіе же боярскаго суда никогда не давалось вотчиннымъ судьямъ. По этому дѣла о разбоѣ и татѣѣ они обязаны были, рассмотрѣвъ, представлять на рѣшеніе въ Москву или къ удѣльнымъ кня-

зьямъ. Табъ напр., въ 1455 году, встрѣчается постановленіе, чтобы вотчинныя дѣла Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, въ Дмитровскомъ уѣздѣ, о разбоѣ и татьбѣ, послѣ суда, добладывались Дмитровскому Князю Юрію Васильевичу (брату Іоанна Ш): „а судивъ того, сказано въ постановленіи, да доложатъ меня Князя Юрія Васильевича и азъ того самъ дозрю.“ (Ак. эв. Т. I № 373). Дѣла о душегубствѣ въ XV вѣкѣ весьма рѣдко представлялись разбирательству вотчинныхъ судей. Въ XVI же вѣкѣ дѣла о душегубствѣ, разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ, послѣ учрежденія губныхъ старость, были повсемѣстно исключены изъ вѣдомства вотчинныхъ судей.

6) Отводъ судей.

Прямаго закона объ отводѣ судей мы не встрѣчаемъ ни въ XIV, ни въ XV и въ XVI столѣтіяхъ, но практикою очевидно таковой отводъ допускался. Примѣръ таковой практики представился въ 1596 году: по иску игумена Богоявленскаго монастыря въ Важскомъ уѣздѣ Даніила, предьявленному къ Хаманемскимъ волостнымъ крестьянамъ на право владѣнія островомъ на рѣкѣ Вагѣ, излюбленный судья Василій Леонтьевъ, дружа и нарова крестьянамъ, судныя рѣчи велѣлъ записывать церковному дьячку, а не выборному земскому дьячку, и, на судѣ поспоривъ съ товарищами, съ суда съѣхалъ. По жалобѣ на все это игумена Даніила и по удостовереніи въ ея справедливости, означенное дѣло передано было на разсмотрѣніе другимъ излюбленнымъ судьямъ

Шенкурскаго стана (Ак. ист. Т. I № 248). Впослѣдствіи, именно въ 1620 году, при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ, явилось постановленіе объ отводѣ, но оно касалось однихъ губныхъ старостъ. Отводъ ихъ дозволялся впрочемъ лишь со стороны истцовъ, а не обвиняемыхъ, и притомъ заподозрѣнный староста не устранялся вовсе отъ дѣла, а къ нему для сужденія по этому дѣлу присоединялся другой губной староста. Вотъ текстъ самаго закона: „а учнуть истцы бити челомъ на губнаго старосту недружбою или поноровкою къ своему иску, и у того дѣла съ тѣмъ губнымъ старостою, на котораго бьютъ челомъ, велѣти бити иного города губному старостѣ.“ (Ак. ист. Т. III № 167 ст. 61).

Такимъ образомъ, отводъ губныхъ старостъ, собственно говоря, не допускался, излюбленныхъ же судей не запрещалось отводить, т. е. совершенно устранять отъ сужденія по дѣлу. Замѣчательно, что отводы судей въ той формѣ, въ какой они у насъ существовали въ старину, т. е. превращеніе одноличнаго суда заподозрѣннаго губнаго старосты въ коллегіальный, и прямое устраненіе отъ судебного разбирательства излюбленнаго судьи, происходили не предъ разсмотрѣніемъ иска, а во время самаго его разбора. Единственной причиной такихъ отводовъ выставлялась недружба и поноровка; но вѣроятно на практикѣ принималось также въ расчетъ при отводахъ и родство судей съ участвовавшими въ дѣлѣ лицами, хотя объ этомъ мы не находимъ никакихъ указаній въ нашихъ актахъ.

7) Должностныя лица, состоявшія при судьяхъ.

При мѣстныхъ правительственныхъ судьяхъ находились: судные мужи, дьяки, доводчики и праветчики, палачи и бирючи.

а) Судные мужи.

У намѣстниковъ, волостелей и ихъ тиуновъ, а также у губныхъ старостъ и излюбленныхъ судей постоянно въ судѣ сидѣли судные мужи, и безъ нихъ не велѣно было производить никакого суда. (Ак. ист. Т. I № 153 ст. 69). Присутствованіе на судѣ „судныхъ мужей“ составляетъ установленіе весьма важное, и намъ необходимо обратить на него особенное вниманіе.

Намѣстникамъ, волостелямъ и ихъ тиунамъ постоянно предписывалось въ уставныхъ грамотахъ не судить суда безъ сотскаго, старосты, дворскаго и лучшихъ людей. Но назначались ли эти лучшіе люди для присутствованія въ судѣ по выбору общинъ или по указанію самихъ судей сначала опредѣлено не было. Впослѣдствіи, со времени Іоанна Грознаго, судные мужи выбиравались для означеннаго дѣла по волостямъ и приводились къ присягѣ въ томъ: „что имъ на судѣ всякаго дѣла беречи въ правду, по крестному цѣлованію, безъ всякія хитрости“. По этому-то такіе оберегатели судебной правды, выборные лучшіе люди, назывались судными цѣловальниками, т. е. присяж-

ными, которымъ велѣно быти на всякомъ судѣ. (Ак. эк. Т. I № 196; Ак. юр. № 27) *).

При Грозномъ опредѣлень и порядокъ, въ какомъ судные мужи должны были являться въ судъ для исполненія своихъ обязанностей. Имъ предписывалось сидѣть въ судѣ попеременно. Такъ напр., въ Керетской и Ковдинской волостяхъ (приморскихъ) было выбрано 6 судныхъ цѣловальниковъ. Изъ нихъ одна половина, т. е. три, сидѣли на судѣ у слободчига одинъ мѣсяць; за тѣмъ слѣдовала другая смѣна, также изъ трехъ человекъ и тоже сидѣла мѣсяць. Словомъ, велись двѣ мѣсячныя очереди, по три человека въ каждой (Ак. эк. Т. I № 196). Въ Усецкихъ и Заецкихъ волостяхъ Устюжскаго уѣзда выбирались тоже при Грозномъ по два судныхъ цѣловальника на волость. (Ак. эк. Т. I № 243). Въ Заонежскихъ погостахъ у излюбленныхъ судей въ 1598 году сидѣло по 5 и 6 цѣловальниковъ. (Ак. эк. Т. II № 30).

Судные мужи, иначе судные цѣловальники, присутствуя при разбирательствахъ дѣлъ въ судѣ, по окончаніи ихъ, прикладывали руки къ подлиннымъ суднымъ спискамъ, въ которыхъ излагался процессъ суда, и которые, при судѣ намѣстниковъ и волостелей, писались земскими выборными дьяками. Эти списки, по

*) Названіе „цѣловальника“ было общимъ для многихъ выборныхъ должностей, такъ напр. были цѣловальники тюремные, кабацкіе и пр.; цѣловальники, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, не имѣли ничего общаго съ другими цѣловальниками. Они были собственно судные цѣловальники.

приложеніи къ нимъ рукъ дворскими, старостами и вообще цѣловальниками, хранились у намѣстниковъ и волостелей; копіи же съ этихъ списковъ (противни) писались намѣстничьими или волостелиными дьяками и хранились, по приложеніи къ нимъ рукъ со стороны намѣстниковъ или волостелей, у судебныхъ мужей, сидѣвшихъ въ судѣ.

На судѣ у губныхъ старость и излюбленныхъ судей сидѣли тоже судные мужи, т. е. лучшіе люди, цѣловальники. Изъ нихъ, сидѣвшіе на судѣ у губныхъ старость, въ частности назывались еще и губными цѣловальниками (Ак. эк. Т. I № 281; Ак. юр. № 58).

Губныхъ цѣловальниковъ выбиралось человекъ 5 или 6 на волость (Ак. эк. Т. I № 187). Обязанность ихъ состояла не только въ томъ, чтобы присутствовать при производствѣ суда, но и въ томъ, чтобы розыскивать разбойниковъ и татей и исполнять разныя порученія губныхъ старость, какъ то: отвозить ихъ грамоты и самихъ преступниковъ въ другія губы къ другимъ губнымъ старостамъ, когда въ томъ встрѣчалась надобность (Ак. эк. Т. I № 281). Губные цѣловальники исполняли свою службу безъ перемѣны лѣтъ по 10 и болѣе. Впослѣдствіи, въ 1632 году, царь Михаилъ Федоровичъ повелѣлъ выбирать губныхъ цѣловальниковъ только на одинъ годъ, и выбирать изъ людей добрыхъ и прожиточныхъ (Ак. эк. Т. III № 210).

Цѣловальники, сидѣвшіе на судѣ у губныхъ старость и излюбленныхъ судей, также подписывали судные списки; но самые списки эти составлялись уже не въ 2-хъ экземплярахъ, какъ при судѣ намѣстниковъ и

волостей, а только въ одномъ экземплярѣ, который хранился у самихъ судей, и подписывался какъ судьями, такъ и цѣловальниками (Ак. ист. Т. I № 165).

Изъ всего изложеннаго видно, что судные мужи, иначе судные цѣловальники, не были судьями, а только оберегателями правды на судѣ, и свидѣтелями того, что на немъ происходило. Принаравливаясь къ современнымъ понятіямъ, можно сказать, что древніе наши судные цѣловальники были своего рода присяжные засѣдатели, обязанные удостовѣрить своею подписью правильность судебного протокола, т. е. подтверждать ея достовѣрность въ внесенныхъ въ судной списокъ фактовъ судебного слѣдствія, безъ всякаго права судить о винѣ или невинности подсудимыхъ. Разумѣется, отказъ ихъ подписать судной списокъ, какъ невѣрный, могъ обратить въ ничто и самый приговоръ, и довести дѣло до представленія на разбирательство въ Мосеву. По этому неудивительно, что нѣкоторые судьи, избѣгая такой невыгодной для себя гласности, введенной въ судъ чрезъ присутствіе въ немъ выборныхъ отъ волостей и посадовъ цѣловальниковъ, не допускали ихъ иногда засѣдать при разбирательствѣ дѣлъ. Но на такіа дѣйствія судей общины неупустительно приносили жалобы въ Мосеву, что судьи судятъ „не по суду, лучшимъ людямъ на судѣ у себя быти не велятъ,“ — на что получались оттуда постоянныя предостереженія: „безъ цѣловальниковъ суда не судити никакого.“ (Ак. эк. Т. I № 196).

Итакъ, отправленіе правосудія не было у насъ въ

старину лишено своего рода гласности. Но гласность эту представляли собою лучшіе выборные люди от общинъ, оберегатели правды, хотя дѣла и не выводились, какъ нынѣ, на всеобщее позорище всякихъ случайныхъ зѣвабъ и любителей зрѣлищъ, менѣе всего помышляющихъ о правдѣ на судѣ.

б) *Дьяки.*

Дьяки были у намѣстниковъ и волостелей и ими назначались. Назывались они намѣстничьими или волостелиными дьяками.— При выборныхъ судьяхъ, т. е. при губныхъ старостахъ и излюбленныхъ судьяхъ, состояли земскіе выборные дьяки, выбравшіеся по одному въ каждой волости. Ихъ приводили къ присягѣ по той же кресто-приводной записи, какъ и судей. Дьяки, какъ выборные, такъ и невыборные, занимались составленіемъ судныхъ списковъ и вообще письмоводствомъ. Дьяки, находившіеся при губныхъ старостахъ, назывались губными дьяками (Ак. юр. №№ 150, 196, 280).

в) *Доводчики, праветчики, палачи и бирючи.*

Доводчики и праветчики назначались къ должностямъ самими намѣстниками и волостелями. Обязанность доводчика состояла въ вызовѣ къ суду по приставнымъ грамотамъ подсудимыхъ, истцовъ, отвѣтчиковъ и свидѣтелей, а также въ содержаніи подъ арестомъ людей,

„бравшихся за пристава“. Эти люди находились въ домѣ у доводчика подь присмотромъ, а иногда и въ оковахъ. Праветчики занимались взысканіемъ денегъ посредствомъ правежа по судебнымъ рѣшеніямъ. Нерѣдко доводчикомъ и праветчикомъ бывало одно и то же лицо, называвшееся такъ или иначе, смотря по роду обязанностей, которыя оно исполняло въ данное время.

У губныхъ старостъ и излюбленныхъ судей, вмѣсто доводчиковъ и праветчиковъ, находились для исполненія такихъ же обязанностей особые выборные цѣловальники, называвшіеся земскими приставами. Такъ напр., въ Рыболовлей Слободѣ Переяславскаго уѣзда, при губныхъ старостахъ, состоялъ „въ доводчиковомъ мѣсто“ особый выборный человекъ, принимавшій присягу, который обязанъ былъ „на поруки давать и на судѣ ставить“ (Ак. эк. Т. I № 242; Ак. юр. №№ 23, 283).

Въ вѣдѣніи губныхъ старостъ находились также палачи, которые были впрочемъ только въ городахъ.

Для своихъ цѣлей, именно для поимки татей и разбойниковъ, губные старосты употребляли и бирючей, на которыхъ возлагались обязанности: „въ торговые дни по торжкамъ вливать не по одинъ день о царскихъ указахъ для всеобщаго свѣдѣнія и о разныхъ распоряженіяхъ властей, а также и о поимкѣ преступниковъ“ (Ак. эк. Т. II № 22, 23; Ак. эк. Т. III №№ 50, 195, 199, 220, 252 и 287).

Вотчинные судьи имѣли то же при себѣ тиуновъ, приказчиковъ и приставовъ, а митрополиты—и своихъ волостелей. (Ак. юр. № 7; Ак. эк. Т. I №№ 17, 18, 21, 23; Ак. ист. Т. I №№ 106, 215 и др.).

Названіе мѣстъ, гдѣ производили судъ намѣстники и волостели—неизвѣстно, мѣста же, въ которыхъ судили губные старосты, именовались губными избами, а мѣста, гдѣ засѣдали для суда излюбленные судьи, носили названія судебныхъ избъ и судебныхъ (Ак. эк. Т. II № 86; Ак. юр. №№ 45 и 231).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Центральная судебная власть.

Центральную или высшую судебную власть имѣли, какъ мы сказали прежде, введенныя бояре, распределенные потомъ по Приказамъ, а также удерживали ее за собою удѣльные князья, великіе князья и цари.

Приказы въ Москвѣ образовывались постепенно. Въ жалованныхъ грамотахъ XIV и XV вѣковъ, относительно лицъ, которымъ онѣ жаловались, говорилось только: „сужу ихъ язъ, князь Великій, или бояринъ мой введенный, или дворецкій“. Этимъ введеннымъ боярамъ и дворецкому, завѣдывавшему дворцовымъ вѣдомствомъ, поручалось, до учрежденія Приказовъ, рѣшеніе тѣхъ или другихъ судныхъ дѣлъ, переносившихся по чему либо въ Москву; но всякій разъ по личному указанію великихъ князей. Такая случайная вначалѣ передача дѣлъ мало по малу приняла наконецъ характеръ опредѣленнаго направленія въ распредѣленіи ихъ между

боярами, и такимъ образомъ незамѣтно въ теченіи столѣтій образовывались древніе наши Приказы, такъ что времени, когда они собственно возникли, опредѣлить невозможно.

Въ XVI столѣтіи упоминается съ точностію только о двухъ Приказахъ, именно о Приказѣ Большаго Дворца и о Разбойномъ Приказѣ. Но въ запискѣ о Приказахъ, составленной въ началѣ XVII вѣка, вѣроятно для королевича Владислава, избраннаго въ Москвѣ царемъ, исчисляются 19 Приказовъ, учрежденныхъ, безъ сомнѣнія, гораздо раньше. Эти Приказы были слѣдующіе: 1) Приказъ Большаго Дворца; 2) Приказъ Большаго Прихода; 3) Четверти Новгородская, Владимірская, Ярославская и Галицкая (Четвертной Приказъ); 4) Стрѣлецкій Приказъ; 5) Пушгарскій Приказъ; 6) Ловчій Приказъ; 7) Сокольничій Приказъ; 8) Приказъ Иноземцевъ; 9) Ямской Приказъ; 10) Конюшенный Приказъ; 11) Холопій Приказъ; 12 и 13) два Земскихъ Приказа; 14) Денежный Приказъ (Монетный); 15) Приказъ Челобитный; 16, 17 и 18) Судные Приказы Владимірскій, Дмитровскій и Рязанскій и 19) Разбойный Приказъ (Ак. ист. Т. II № 355). Съ этимъ Приказамъ слѣдуетъ присоединить еще 20-ый Приказъ Посольскій, о которомъ упоминается въ 1601 году при царѣ Борисѣ Федоровичѣ (Ак. эк. Т. II № 20) и 21-ый Приказъ сыскныхъ дѣлъ, о коемъ въ первый разъ говорится въ царствованіе царя Михаила Федоровича (Ак. эк. Т. III № 163).

Всѣ эти Приказы, кромѣ порученнаго имъ спеціальнаго вѣдомства, иногда чисто административнаго, поль-

зовались еще и судебною властію въ назначенной для каждаго изъ нихъ мѣстности. Извѣстно, что каждому Приказу, на его содержаніе, приписывали городъ или нѣсколько городовъ съ уѣздомъ или съ частию уѣзда. Изъ такихъ то опредѣленныхъ территоріальныхъ округовъ, распределенныхъ между тѣми или другими Приказами, находившіеся тамъ намѣстники, волостели или излюбленные судьи должны были въ случаѣ надобности представлять всѣ судныя уголовныя и гражданскія дѣла въ тотъ изъ Приказовъ, которому данная мѣстность была приписана; такъ напр., судныя дѣла переносились о посадскихъ людяхъ города Романова въ Посольскій Приказъ (Ак. эк. Т. III № 14); о посадскихъ людяхъ города Шуи—въ Четвертый Приказъ (Ак. эк. Т. II № 52); о посадскихъ и волостныхъ крестьянахъ всего Важскаго уѣзда и о Переяславскихъ рыболовахъ—въ Приказъ Большаго Прихода (Ак. эк. Т. I №№ 234 и 242), а о крестьянахъ Тверскаго Спасопреображенскаго монастыря—въ Приказъ Большаго Дворца (Ак. эк. Т. II № 18) и проч.

Такимъ образомъ, Приказы, при своемъ иногда общемъ значеніи для цѣлой Россіи, касательно порученныхъ имъ дѣлъ административнаго вѣдомства, въ частности, по отношенію къ производству суда, представляли учрежденія мѣстныя, хотя и находившіяся въ Москвѣ, но вѣдавшія въ ея болѣе обширными судебными округами, чѣмъ округи намѣстниковъ, волостелей, губныхъ старостъ и излюбленныхъ судей.

Вслѣдствіе такого участія Приказовъ въ рѣшеніи судныхъ дѣлъ той или другой мѣстности, всѣ они, кромѣ

спеціально присвоенныхъ имъ наименованій, назывались и Приказами Судными, независимо отъ особыхъ Судныхъ Приказовъ Владимірскаго, Дмитровскаго и Рязанскаго. Это подтверждается слѣдующими доводами:

Въ книгѣ Разбойнаго Приказа встрѣчается постановленіе царя Ѳедора Ивановича объ отсылкѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ разбойныхъ и татебныхъ дѣлъ „въ Судный Приказъ, гдѣ кто судимъ“ (Ак. ист. Т. III № 167 ст. 18). Выраженіе этого постановленія „гдѣ кто судимъ“ указываетъ на общее распредѣленіе подсудности между Приказами и на общее наименованіе ихъ судными, потому что упомянутого выраженія никакъ нельзя относить только къ спеціально называвшимся Судными Приказами Владимірскому, Дмитровскому и Рязанскому, судившимъ, какъ скажемъ ниже, лишь лицъ высшихъ сословій; въ книгѣ же Разбойнаго Приказа, въ выраженіи „гдѣ кто судимъ“, разумѣется всякій, обвинявшійся въ разбойномъ и татебномъ дѣлѣ, слѣдовательно и лица низшихъ сословій. По этому нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ Приказы, какія бы ни были ихъ особія названія, по отношенію порученнаго имъ производства суда, именовались еще и Судными Приказами. (Ак. ѣб. Т. I № 150 ст. 7; Ак. ист. Т. IV № 186; о Россіи Котошихина ст. 95 и 98).

Изъ всѣхъ поименованныхъ выше Приказовъ, существовавшихъ по всей вѣроятности въ XVI и даже въ XV вѣкахъ, рассмотримъ съ возможною подробностію только нѣкоторые болѣе важные изъ нихъ, а именно: 1) Разбойный Приказъ; 2) Судные спеціальные Приказы; 3) Приказъ Большаго Дворца; 4) Приказъ Большаго Прихода и 5) Приказъ сыскныхъ дѣлъ.

а) *Разбойный Приказъ.*

Въ первый разъ упоминается о Разбойномъ Приказѣ въ 1539 году, въ Бѣлозерской губной грамотѣ (Ак. эк. т. I № 187). Въ этой грамотѣ предписывалось губнымъ старостамъ, послѣ казни разбойниковъ, отписывать объ оставшихся, за удовлетвореніемъ истцовъ, разбойничьихъ животахъ въ Москву боярамъ, которымъ разбойныя дѣла приказаны, именно боярину Ивану Даниловичу Пенкову съ товарищами. Впрочемъ, нельзя утверждать, что Разбойный Приказъ образованъ только въ 1539 году, потому что въ указанной выше грамотѣ не говорится объ этомъ приказѣ, какъ о чемъ либо новомъ.

Въ 1541 году, Разбойнымъ Приказомъ завѣдывалъ бояринъ Иванъ Григорьевичъ Морозовъ съ товарищами. (Ак. эк. т. I № 194). Въ 1571 году, въ наказѣ Бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ, Разбойный Приказъ названъ Разбойною Избою, въ которой засѣдали также бояре; но такое названіе было только случайное, такъ какъ въ концѣ этого же наказа сказано: „а съ разбойныхъ и татинныхъ дѣлъ имать пошлинъ по 2 алтына съ рубля, да тѣ пошлины присылать въ Москву въ Разбойный Приказъ“ (Ак. эк. т. I № 281).

Въ записи XVII вѣка для королевича Владислава, о которой мы упомянули выше, вѣдомство Разбойнаго Приказа опредѣлено такъ: „тамъ бояре и дьяки сыскиваютъ всякихъ злодѣевъ“. Олеарій, въ своемъ сочиненіи о Россіи XVII вѣка, говоритъ, что Разбойный При-

казь вѣдалъ всякаго рода грабительства, происходившія на улицахъ (вѣроятно въ Москвѣ), убійства, воровства и насилія, и что здѣсь производили о томъ слѣдствія, пытали подозрѣваемыхъ лицъ и, смотря по роду преступленій, назначали виновнымъ наказанія (Архивъ Калачова 1859 г. кн. V стр. 27).

Всѣ эти опредѣленія несовсѣмъ точны. Вѣдомство Разбойнаго Приказа совершенно соотвѣтствовало предметамъ вѣдомства, порученнымъ губнымъ старостамъ, т. е. онъ разсматривалъ сперва только разбойныя, а потомъ татинныя и душегубныя дѣла. Но кромѣ дѣлъ, поступавшихъ по какимъ либо причинамъ отъ губныхъ старостъ, Разбойный Приказъ непосредственно завѣдывалъ всѣми дѣлами о стрѣльцахъ, обвинявшихся въ разбояхъ, въ какихъ бы городахъ стрѣльцы не стояли, а также вѣдалъ судомъ губныхъ старостъ, губныхъ цѣловальниковъ и губныхъ дьяковъ (Аг. ист. Т. III № 92, V и 167 ст. 60).

Разсмотрѣніе всѣхъ указанныхъ нами дѣлъ по цѣлой Россіи давало Разбойному Приказу общее государственное значеніе. Но были и нѣкоторыя исключенія, о которыхъ скажемъ ниже. Такъ напр., въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, разбойники, пойманные на преступленіи въ самой Москвѣ, судились уже не въ Разбойномъ, а въ Земскомъ Приказѣ (о Россіи Котошихина стр. 89).

Сообразно съ общимъ устройствомъ всѣхъ нашихъ Приказовъ, къ Разбойному Приказу также была приписана въ уѣздахъ извѣстная территорія, для которой онъ былъ не Разбойнымъ только, но и мѣстнымъ Суднымъ

Приказомъ, т. е. вѣдалъ въ ней какъ гражданскія судныя дѣла, такъ и маловажныя дѣла уголовныя (Ак. ист. Т. III № 167 стр. 310).

б) *Приказы Судныя.*
(Спеціальныя)

Въ записи, составленной около 1610 года для королевича Владислава, упоминается о трехъ специальныхъ Судныхъ Приказахъ, именно Владимірскомъ, Дмитровскомъ и Рязанскомъ, изъ коихъ въ каждомъ было по боярину и дьяку (Ак. эк. Т. II № 355). Но Олеарій и Котошихинъ говорятъ уже только о двухъ Судныхъ Приказахъ; о Владимірскомъ и Московскомъ. Въ этихъ двухъ Приказахъ, по свидѣтельству тѣхъ же лицъ, непосредственно начинались, минуя мѣстныхъ судей, судныя дѣла только о лицахъ высшихъ сословій съ тою разницею, что во Владимірскомъ Приказѣ вѣдались судомъ бояре, обольничіе, думные и ближніе люди, а въ Московскомъ (вѣроятно составившемся изъ прежнихъ Приказовъ Дмитровскаго и Рязанскаго) судились стольники, стряпчіе, дворяне и всякіе помѣщики и вотчинники свѣтскаго званія. Но дѣла о всѣхъ поименованныхъ лицахъ тогда только непосредственно начинались въ Москвѣ, въ Судныхъ Владимірскомъ или Московскомъ Приказахъ, когда лица эти являлись или подсудимыми не по разбойнымъ или татевнымъ дѣламъ, или отвѣтчиками по искамъ; если же лица высшихъ сословій были сами истцами и искали чего либо съ крестьянъ, то такія дѣла, какъ гражданскія такъ и уго-

ловныя, производились и разбирались у мѣстныхъ излюбленныхъ судей, а отъ нихъ могли уже переноситься въ тотъ или другой изъ общихъ Судныхъ Приказовъ; смотря по тому, которому изъ нихъ та мѣстность, гдѣ дѣла эти возникали, была приписана.

в) *Приказъ Большаго Дворца.*

Означенный Приказъ, завѣдывая повсемѣстно за отбываніемъ тягла и сборомъ разныхъ повинностей съ крестьянъ великокняжескихъ и царскихъ селъ и деревень, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ общемъ смыслѣ и суднымъ Приказомъ относительно этихъ самыхъ крестьянъ, какъ по возникавшимъ между ними, такъ и по предъявлявшимся къ нимъ искамъ лицами другихъ сословій, низшихъ и высшихъ. — Кромѣ того, Приказъ Большаго Дворца специально вѣдалъ судныя дѣла всѣхъ монастырскихъ вотчинъ. Въ видѣ исключенія, всѣ дѣла разбойныя и татебныя царскихъ подклѣтныхъ селъ Переяславскаго уѣзда, если разбой или татьба совершались въ этихъ селахъ пріѣзжими иногородными людьми, отсылались всегда отъ губныхъ старостъ послѣ суда для доклада не въ Разбойный Приказъ, а въ Приказъ Большаго Дворца. Главное лицо, завѣдывавшее этимъ Приказомъ, называлось дворецкимъ. (Ак. эк. Т. I №№ 201, 208, 209, 240, 257 и 259; Ак. эк. Т. III № 250; Ав. ист. Т. I № 165, Ав. ист. Т. II № 355).

г. *Приказъ Большаго Прихода.*

Приказъ этотъ завѣдывалъ денежными земельными сборами, мытомъ, тамгой, вѣсами и пр. по всей Россіи.

Лица, управлявшія означеннымъ Приказомъ, назывались казначеями. Съ 1549 по 1596 годъ имъ управляли казначей Федоръ Ивановичъ Сукинъ, Иванъ Петровичъ Головинъ и бояринъ князь Иванъ Васильевичъ Сицкій. Приказъ Большаго Прихода, вѣдая государственными доходами по цѣлой Россіи, былъ въ то же время и мѣстнымъ Суднымъ Приказомъ для мѣстности въ судебномъ отношеніи ему подчиненной, именно для всего Важскаго уѣзда и для Усецкихъ и Заецкихъ волостей Устюжскаго уѣзда. Замѣчательно, что изъ Важскаго уѣзда и означенныхъ волостей Устюжскаго уѣзда всѣ разбойныя дѣла посылались не въ Разбойный Приказъ, а въ Приказъ Большаго Прихода (Ак. эк. Т. I №№ 223, 226, 230, 234, 242, 243, 254, 263, 342, 362, и 366; Ак. ист. Т. II № 355; о Россіи Ботошихина стр. 83).

д) *Приказъ Сыскныхъ дѣлъ.*

О Приказѣ сыскныхъ дѣлъ упоминается въ первый разъ въ царствованіе Михаила Федоровича (Ак. эк. Т. III № 163). Приказъ этотъ былъ учрежденъ собственно для сыска бѣглыхъ посадскихъ тяглыхъ людей, вышедшихъ изъ посадовъ во время московскаго разоренія при самозванцахъ и перешедшихъ для уклоненія отъ тягла на житье за монастырями, боярами и другими вотчинниками. Такъ какъ отъ этого произошелъ большой ущербъ въ доходахъ казны, то такихъ посадскихъ людей велѣно было отыскивать повсемѣстно и водворять на тяглѣ въ прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства. За

новое же уклоненіе отъ тягла, послѣ водворенія въ посадѣ, виновныхъ въ томъ посадскихъ людей вѣдно было ссылатъ въ Сибирь (Ак. эк. Т. III № 279 и 311). Впослѣдствіи, тоже при царѣ Михаилѣ Оедоровичѣ, производилось въ Приказѣ сыскныхъ дѣлъ кажется и дѣло объ измѣнѣ боярина Шелна (Ак. эк. Т. III № 251, 346, 347, 348, и 349). Но это представляло только исключеніе, потому что значеніе разсматриваемаго нами Приказа, какъ мѣста для отысканія уклонявшихся отъ несенія тягла людей, подтверждается и дѣлымъ рядомъ грамотъ царя Алексѣя Михайловича (Ак. эк. Т. IV № 32, 35, 39 и 158). Впрочемъ Ка-тошихинъ не упоминаетъ объ этомъ Приказѣ.

Все изложенное нами о Приказахъ устраняетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что хотя при нихъ и оставалось болѣе или менѣе общее, или даже частное, значеніе по порученнымъ имъ отдѣльнымъ административнымъ вѣдомствамъ, но что въ то же время всѣ административные приказы составляли и судебныя учрежденія для лицъ низшихъ сословій въ отведенной каждому изъ такихъ приказовъ мѣстности. Общее для всей Россіи, Впрочемъ спеціальное, значеніе, въ смыслѣ отправленія правосудія, хотя и съ нѣкоторыми изъятіями, имѣли лишь Разбойный Приказъ, Судные Приказы Владимірскій и Московскій и Приказъ Большаго Дворца: такъ Разбойный Приказъ вѣдалъ исключительно дѣла разбойныя, татвинныя и душегубныя; Судные Приказы Владимірскій и Московскій вѣдали только судныя дѣла свѣтскихъ лицъ высшаго сословія, а Приказъ Большаго Дворца разсматривалъ судныя дѣла,

возникавшія во всѣхъ монастырскихъ вотчинахъ. Но вообще значеніе Разбойнаго Приказа было нѣсколько ограничено тѣмъ, что дѣла о разбояхъ и татьбахъ, совершавшихся въ самой Москвѣ, съ XVII вѣка разбирались въ Земскомъ Приказѣ, разбойныя же дѣла царскихъ сель Переяславскаго уѣзда—въ Приказѣ Большаго Дворца, а такія-же дѣла, происходившія въ Важскомъ уѣздѣ и въ Усецкихъ и Заецкихъ волостяхъ Устюжскаго уѣзда—въ Приказѣ Большаго Прихода.

Каждымъ изъ всѣхъ выше поименованныхъ Приказовъ завѣдывали бояре или окольникіе съ 2-мя или однимъ дьякомъ, исключая Четвертей, которыя находились въ вѣдѣніи однихъ дьяковъ.

Приказы рѣшали не всѣ дѣла самостоятельно, но нѣкоторыя изъ нихъ доблаживали Великимъ князьямъ и царямъ, и ихъ приговоры приводили въ исполненіе.

При всѣхъ Приказахъ состояли дьяки, подьячіе, недѣльщики и данные пристава.

Что касается дьяковъ и подьячихъ, то значеніе первыхъ, какъ главныхъ дѣлопроизводителей, и вторыхъ, какъ лицъ занимавшихся письмоводствомъ въ Приказахъ, т. е. „съ черна на чисто переписывавшихъ,“ какъ сказано въ Судебникѣ 1550 года—не требуетъ особаго разъясненія; но о недѣльщикахъ необходимо поговорить подробнѣе.

Недѣльщики, выбравшіеся изъ лицъ низшаго сословія, составляли при Приказахъ *) отдѣльныя ар-

*) Прим. Кромѣ Приказовъ недѣльщики были еще въ Новгородѣ (Ак. юр. № 44).

тели съ обязанностію за установленное вознагражде-
ніе отбывать ту самую службу, которая въ уѣздахъ
возлагалась на доводчиковъ. Недѣльщиками они на-
зывались потому, что отправляли свои обязанности
очередью, по недѣлямъ. Всякая артель недѣльщи-
ковъ записывалась дьякомъ того Приказа, при кото-
ромъ состояла, въ особую книгу. Въ этой книгѣ по-
дробно обозначалось сколько было участниковъ (заго-
ворщиковъ) „въ заговорѣ“ (т. е. въ артельномъ дого-
ворѣ), сколько каждый участникъ имѣлъ у себя ѣздо-
ковъ, условившихся ѣздить отъ него съ приставными
грамотами. Каждому участнику „въ заговорѣ“ т. е. не-
дѣльщику дозволялось впрочемъ держать не болѣе се-
ми ѣздовъ (Аб. ист. т. I № 153 ст. 47). Сло-
вомъ, сами „заговорщики“, т. е. недѣльщики, были
хозяева, а ѣздоки — нанятые ими работники. — Какъ не-
дѣльщики, такъ и ихъ ѣздоки развозили изъ своихъ
Приказовъ въ уѣзды приставныя грамоты истцамъ и
отвѣтчикамъ, доставляли „правду“ на судъ, т. е. пред-
ставляли къ дню судоговоренія свидѣтелей, на кото-
рыхъ ссылались стороны, приводили къ допросу раз-
бойниковъ и татей, и содержали ихъ у себя подъ арее-
томъ. Недѣльщики допускались къ исполненію своихъ
обязанностей не иначе, какъ по поручнымъ записямъ.
Въ этихъ записяхъ поручители ручались, что за ихъ
порукою недѣльщики „будутъ дѣлать недѣли въ правду,
по вѣстному цѣлованію, посуловъ и поминокъ не имать,
корчмы, блядни, татьбы, зернщиковъ, подметчиковъ и
татей у себя не держать и колодникамъ не наровить,
а истцовъ и отвѣтчиковъ не волочить“. Въ случаѣ не-

исполненія недѣльщиками всего вышеизложеннаго поручители обязывались платить пеню по усмотрѣнiю Государя. (Ак. юр. № 289).

Въ нашихъ актахъ упоминается еще, кромѣ того, о площадныхъ недѣльщикахъ. Неизвѣстно составляли ли они особый разрядъ недѣльщиковъ, или же были тѣ же самые приказные недѣльщики, только выходившіе на площадь для посылокъ со стороны истцовъ по частному найму. (Ак. эк. Т. I №№ 259 и 318).

Въ числу лицъ, состоявшихъ большею частію при Приказѣ Большаго Дворца, слѣдуетъ отнести и данныхъ приставовъ. Эти пристава назначались особыми жалованными грамотами Великихъ, а иногда удѣльныхъ князей, преимущественно по монастырямъ. (Ак. эк. Т. I №№ 154, 159, 171, 175, 189, 198, 259, 368, 386; Ак. ист. Т. I №№ 119 и 125). Великіе князья жаловали имъ такихъ приставовъ съ „Дворца“ т. е. съ Приказа Большаго Дворца, въ которомъ, какъ сказано было выше, вѣдались всѣ судныя дѣла, возникшія въ монастырскихъ вотчинахъ.

Обязанность данныхъ приставовъ была та же, что и недѣльщиковъ: они ѣздили въ Москву за приставными грамотами, если искъ начиналъ тотъ монастырь, при которомъ они состояли, если же онъ былъ только отвѣтчикомъ въ дѣлѣ, то вѣроятно приставныя грамоты привозили къ даннымъ приставамъ обыкновенные недѣльщики. Одни только данные пристава могли отдавать монастырскихъ врестьянъ на поруки и сроки имъ чинить къ суду. „А опрiчь даннаго пристава, говорится въ грамотахъ, по игумена и по братью и по мо-

настырскихъ людей и отъ монастырскихъ людей и отъ старцевъ иные приставове по нихъ съ приставными не ѣздить и на поруки ихъ не дають и сроковъ имъ къ Москвѣ не чинять*.

Монастыри большею частью сами указывали на лицъ, коихъ желали имѣть у себя приставами. Нерѣдко, по просьбамъ монастырей, данные пристава и смѣнялись. Такъ напр., игумень и братія Зосиминой пустыни (въ Блинскомъ уѣздѣ) въ 1540 году жаловались Великому князю Ивану Васильевичу, что данный ихъ приставъ Тихонъ Колубаевъ, „имъ нелюбъ, дѣлъ монастырскихъ не бережетъ и старцевъ и слугъ монастырскихъ продаетъ, и что имъ любъ другой—Михалко Васильевъ“, который вслѣдствіе этого и былъ назначенъ имъ приставомъ (Ак. эк. Т. I № 189).

Данные пристава кажутся постоянно жили при монастырскихъ имѣніяхъ. Ѣздить постоянно изъ Москвы было для нихъ не удобно. Притомъ, имъ, кромѣ прямыхъ ихъ обязанностей, поручались иногда такія дѣла, которыя требовали безотлучнаго ихъ присутствія въ монастырскихъ и церковныхъ вотчинахъ. Такъ, напримеръ, данный приставъ Зосиминой пустыни Михалко Васильевъ обязанъ былъ задерживать людей, самовольно рубившихъ монастырскій лѣсъ, и представлять ихъ на судъ въ Москву (Ак. эк. Т. I № 189). На данныхъ приставахъ Троицко-Сергіева монастыря, для Бѣжицкихъ его вотчинъ, подъячаго Гридю-Бѣлаго, и Владимірскаго Дмитріевскаго Собора, подъячаго Гридю-Феодорова—возложено было задерживать всякихъ ѣздоговъ, проѣзжавшихъ чрезъ монастырскія и церковныя деревни и тре-

бывавшихъ насильно съ крестьянъ кормовъ, подводъ и проводниковъ, и представлять такихъ ѣздоковъ на судъ въ Москву (Ак. эк. Т. I №№ 159 и 198). Все это, а также и жалоба игумена Чухломскаго Покровскаго монастыря въ 1518 году великому князю Василю Ивановичу, что монастырскій данный приставъ Ивашко Михалевъ „живетъ въ отсылкахъ“—удостоверяютъ, что данные пристава должны были жить не въ Москвѣ, а при монастырскихъ и церковныхъ вотчинахъ (Ак., ист. Т. I № 125).

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Отношеніе между мѣстными и центральными судебными властями.

Отношенія между мѣстными и центральными судьями состояли въ переносѣ дѣлъ отъ однихъ къ другимъ, иного же, чисто начальническаго, подчиненія между ними не существовало.—Изъ тѣхъ неточныхъ указаній, какія имѣются по этому предмету въ нашихъ древнихъ актахъ, можно прійти къ слѣдующимъ выводамъ.

Дѣла изъ уѣздовъ къ введеннымъ боярамъ, а потомъ въ Приказы переносились: 1) по жалобамъ на приговоръ или рѣшеніе мѣстнаго судьи; 2) по представленію самихъ судей, когда имъ почему либо было „немочно“ рѣшить дѣло, или когда судьи разнорѣчили между собою относительно его рѣшенія, 3) по особому Высочайшему повелѣнію о представленіи тѣхъ или другихъ дѣлъ непосредственно въ Мосеву.

Изъ этого видно, что въ столицу поступали дѣла какъ рѣшенные, такъ и нерѣшенные.

Поговоримъ подробно о всѣхъ этихъ поводахъ къ переносу дѣлъ.

1) Переносъ рѣшенныхъ дѣлъ по жалобамъ.

Жалоба на приговоръ и рѣшеніе мѣстныхъ судебныхъ властей имѣла въ старину видъ обвиненія самихъ судей, приносившагося въ Москвѣ боярамъ и въ Приказы. Въ Судебникѣ 1497 года говорится: „а кто-рый жалобщикъ къ боярину прійдетъ, и ему жалобщикова отъ себѣ не отсылати, а давати всѣмъ жалобщикамъ управа во всемъ, которымъ пригоже“ (Ак. ист. Т. I № 105). Въ Судебникѣ же 1550 г. постановлено: а кто къ которому боярину, или къ дворецкому, или къ казначею, или къ діаку придетъ жалобникъ его приказу, и ему жалобника своего приказу отъ себе не отсылати, „а давати ему жалобникомъ своего приказу всѣмъ управа, который жалобникъ бьетъ челомъ по дѣлу (Ак. ист. Т. I № 153 ст. 7). Впрочемъ, если намѣстники или волостели „кого чѣмъ изобидятъ,“ слѣдовательно и постановленіемъ неправильнаго приговора, то потерпѣвшимъ отъ того лицамъ дозволялось жаловаться на это только въ продолженіи одного года, по истеченіи же года судамъ на намѣстниковъ и волостелей не давали (Ак. ист. Т. I № 153 ст. 24). Что рѣшенные судныя дѣла дѣйствительно переносились въ Приказы по жалобамъ, это видно изъ грамоты царя Бориса Федоровича 1603 года, въ которой упоминается о докладныхъ пошлинахъ съ вершенныхъ судныхъ дѣлъ,

присылавшихся въ Москву. (Ак. эк. Т. 11 № 25). Разумѣется, тагя дѣла поступали по жалобамъ въ тотъ Приказъ, которому была подчинена мѣстность, гдѣ первоначально судился жалобщикъ. По этому, посадскіе люди города Романова на приговоры и рѣшенія своихъ судей могли жаловаться только Посольскому |Приказу, посадскіе люди города Шуй—Четвертному Приказу и т. д.

2) Переносъ нерѣшенныхъ дѣлъ самими судьями, независимо отъ жалобъ.

Поводы къ переносу въ Приказы нерѣшенныхъ дѣлъ самими судьями были слѣдующіе:

1) Когда имъ „немочно было кончати дѣла“.

2) Когда судьи по дѣлу между собою „сопрутъ“, т. е. поразнорѣчатъ относительно его рѣшенія.

Первое основаніе къ переносу дѣлъ, если оно прии́млялось у намѣстниковъ и волостелей, имѣло опредѣленное значеніе. Въ Судебникахъ 1497 и 1550 годовъ постановлено, что тѣ изъ означенныхъ должностныхъ лицъ, кои не имѣли права боярскаго суда, т. е. большинство ихъ, не могли ни наказывать, ни оправдывать татей, разбойниковъ и душегубцевъ, и вообще преступниковъ лихихъ людей, а обязаны были производить лишь по означеннымъ дѣламъ, судебно-слѣдственныя дѣйствія, и затѣмъ судные свои списки, безъ поставленія приговоровъ, докладывать Великому князю, или удѣльному князю, или лицу старѣйшему. *) Но еще

*) Значеніе боярскаго суда намѣстниковъ и волостелей нисколько не было измѣнено и въ Судебникѣ 1550 г. если сравнить между собою статьи 60, 63, 66 и 71 (Ак. ист. Т. I № 153).

прежде Судебника 1497 года означенный законъ, въ видѣ частныхъ постановленій, встрѣчается въ нѣкоторыхъ жалованныхъ грамотахъ. Такъ напр. смѣсныя дѣла Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря по городу Дмитрову о разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ, послѣ разсмотрѣнія ихъ Дмитровскими намѣстниками совместно съ монастырскими приказчиками, по грамотѣ 1455 года, докладывались Дмитровскому удѣльному князю; Юрію Васильевичу. „А судивъ того, сказано въ грамотѣ, да доложить меня, князя Юрія Васильевича, и язъ того самъ дозрю“ (Ак. эк. Т. I № 373).

Что касается губныхъ старость и излюбленныхъ судей, то слово „немочно“ не давало имъ никакихъ опредѣленныхъ указаній, и слѣдовательно предоставляло все ихъ собственному усмотрѣнію. Въ грамотахъ говорилось только: „а въ чемъ будетъ вамъ, въ которомъ дѣлѣ, невозможно управу учинить (кончатъ немочно) и выбѣ отомъ отписали нашимъ бояромъ (или съ суда своего списки присылали къ докладу въ Москву)“ (Ак. эк. Т. I №№ 224, 234, 242, 243, 250 и 269).

Извѣстно только, что губные старосты должны были иногда представлять въ Разбойный Приказъ тѣ исгилицы, потерпѣвшихъ отъ татьбы или разбоя, по которымъ разбойники или тати, сознаваясь, говорили, что не упомянуть, что у кого татьбы и на разбоѣ всякаго живота взяли. Развычивать такихъ истцовъ нѣкоторымъ губнымъ старостамъ запрещалось, и они обязаны были отписывать о томъ въ Москву къ боярамъ въ Разбойный Приказъ и ждать указа (Ак. эк. Т. I № 330 стр. 395 и 396).

Излюбленные же судьи не имѣли права выдавать истцамъ отвѣтчиковъ головою, и дѣла, по которымъ сдѣлать это было необходимо, представлялись судьями въ докладу въ Москву (Ак. эк. Т. I №№ 234 и 250).

Кромѣ того, губнымъ старостамъ и излюбленнымъ судьямъ Устюжны-Желѣзопольской, судившимъ татѣбныя и разбойныя дѣла совместно, повелѣвалось, въ случаѣ, если въ татѣбѣ и разбоѣ обвинялись прїѣзжіе въ Устюжну люди, особенно торговые, послѣ суда судные о нихъ списки и обоихъ истцовъ присылать въ Москву въ докладу, „а безъ доклада имъ тѣхъ дѣлъ не вершить“ (Ак. эк. Т. III № 36).

Второе основаніе для переноса дѣлъ въ Москву, именно разногласіе судей относительно ихъ рѣшеній, могло имѣть мѣсто только при коллегіальномъ разсмотрѣніи дѣла, т. е. при судѣ смѣсномъ (Ак. эк. Т. I № 23), а также при судѣ губныхъ старостъ и излюбленныхъ судей. Самое выраженіе „въ чемъ ся сопруть судьи“ показывасть, что приговоръ или рѣшеніе должны были постановляться единогласно, большинство же голосовъ не имѣло никакого значенія.

3) Переносъ дѣлъ въ Москву по особымъ повеленіямъ для непосредственнаго разсмотрѣнія.

Особыя повелѣнія о непосредственномъ разсмотрѣніи дѣлъ въ Москвѣ или удѣльными князьями давались какъ льгота частными жалованными грамотами. Дѣла эти или поступали въ Приказы по принадлежности, или

непосредственно представлялись на усмотрѣніе Верховной власти.

Исчислимъ по возможности случаи такого переноса дѣлъ.

1) Дѣла о душегубствѣ въ селѣ Омуцкомъ Спасо-Евфиміевскаго монастыря подлежали въ 1425 году непосредственному суду Великаго Князя Василя Васильевича (Ак. пст. т. I № 29).

2) Дѣла о татьбахъ и разбояхъ, случавшихся въ монастырскомъ селѣ Илемнѣ Троицко-Сергіева монастыря, въ 1485 году вѣдались непосредственно Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ (Ак. эк. т. I № 113).

3) Дѣла о самовольствахъ ѣздоковъ и о скоморохахъ въ селахъ вѣкоторыхъ монастырей, а также иногда дѣла о самовольныхъ порубкахъ въ монастырскихъ лѣсахъ разсматривались (въ 1471, 1500, 1522, 1542 и 1547 годахъ) непосредственно удѣльными или Великими князьями (Ак. эк. т. I №№ 96, 150, 171, 189, 216 и др.).

4) Дѣла вѣкоторыхъ игуменовъ, архимандритовъ, братьевъ, монастырскихъ слугъ и крестьянъ, когда они были истцами или отвѣтчиками по какимъ либо дѣламъ, вѣдались (въ 1518—1543 году) непосредственно удѣльными и Великими князьями, а иногда и Приказомъ Большаго Дворца (Ак. эк. Т. I №№ 167, 171, 189, 198 и 259; Ак. ист. Т. I №№ 119 и 125).

5) Иски постороннихъ людей, предъявлявшіеся къ посадскимъ и волостнымъ людямъ Важскаго уѣзда, непосредственно разсматривались въ 1552 году въ Приказѣ Большаго Прихода (Ак. эк. Т. I № 234).

6) Иски, предъявлявшіеся къ крестьянамъ дворцовыхъ

сель Афанасьевского и Васильевского въ Московскомъ уѣздѣ, вѣданы непосредственно съ 1554 года въ Приказѣ Большаго Дворца, или самимъ царемъ (Ак. эк. Т. I № 240).

7) Иски, предъявлявшіеся къ рыболовамъ Борисоглѣбской слободы Ярославскаго уѣзда, подлежали непосредственному разбирательству съ 1584 г. царя, или Приказа Большаго Дворца (Ак. эк. Т. I № 324).

8) Дѣла, по которымъ являлся отвѣтчикомъ подрядчикъ Терехъ Ситниковъ и его люди, въ 1582 году разсматривались непосредственно въ Москвѣ боярами (Ак. эк. Т. I № 314).

9) Иски, предъявлявшіеся на кого либо изъ Переяславскихъ сокольниковъ, со времени царя Іоанна Грознаго, судилъ самъ царь или его сокольникъ, т. е. дѣла эти разсматривались въ Сокольничьемъ Приказѣ (Ак. эк. Т. II № 53).

10) Дѣла, касавшіяся сына Нофеда, братьевъ Бозьмы Минина и его крестьянъ (кромѣ дѣлъ о татѣбѣ и разбоѣ) разсматривались непосредственно въ Москвѣ. Это случилось по слѣдующему поводу. Думный дворянинъ Бозьма Мининъ билъ челомъ царю Михаилу Ѳеодоровичу, что помѣстья и вотчина его въ Нижегородскомъ уѣздѣ, что братья и сынъ его живутъ въ Нижнемъ Новгородѣ, и что имъ, и его людямъ и крестьянамъ отъ исконныхъ и погленовъ чинится продажа великая, и потому просилъ царя пожаловать: его братьевъ, сына, людей и крестьянъ ни въ чемъ въ Нижнемъ Новгородѣ судить не велѣти. Вслѣдствіе этого и послѣдовало особое повелѣніе объ изыятіи всѣхъ означенныхъ лицъ

отъ мѣстнаго суда, опричь разбоя и татьбы съ поличнымъ (Ак. эк. Т. III № 71 и 85).

11) Дѣла по искамъ на торговыхъ посадскихъ людей Юрьевца-Повольскаго разсматривались, со времени царя Михаила Феодоровича, непосредственно въ Приказѣ Большаго Дворца. Такое повелѣніе послѣдовало по жалобѣ посадскихъ людей Юрьевца Повольскаго, что при разъѣздахъ ихъ по торговлѣ вверхъ и внизъ по рѣкѣ Волгѣ, — въ Кинешму, Кострому, Ярославль, Балахну и Нижній-Новгородъ — тѣхъ городовъ посадскіе люди заводятъ на нихъ иски и убытчатъ напрасно, и что они отъ тѣхъ ихъ напрасныхъ продажъ торговъ своихъ отбыли, и потому просили пожаловать ихъ, по тѣмъ городамъ суда на нихъ давати не велѣть. Посему повелѣно было по всѣмъ означеннымъ городамъ на пріѣзжихъ торговыхъ посадскихъ Юрьевца-Повольскаго людей никому суда не давати, „опричь татиныхъ и разбойныхъ дѣлъ съ поличнымъ, а кому будетъ до нихъ какое дѣло, и они бѣ на нихъ врѣзжали бити челомъ въ Москвѣ, а на Москвѣ они судимы въ Приказѣ Большаго Дворца“ (Ак. эк. Т. III № 191).

Въ Приказахъ дѣла сыскныя, переносившіяся почему либо изъ уѣздовъ, рѣшались по пыточнымъ рѣчамъ и обыскамъ, записаннымъ на судѣ у губныхъ старость; судныя же уголовныя дѣла разсматривались не канцелярскимъ обыкновеннымъ порядкомъ, а гласнымъ докладомъ, состоявшимъ въ чтеніи мѣстнымъ судьей, отъ котораго поступило дѣло, или его уполномоченнымъ. Суднаго списка въ присутствіи сторонъ, т. е. истца и отвѣтчика. Затѣмъ, ихъ спрашивали: „таковъ ли имъ

былъ судъ, какъ въ спискѣ написано*, и въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, рѣшали дѣло.

При перенесеніи въ Приказы дѣлъ запрещалось посылать по одному судному списку, а всегда предписывалось представлять разомъ по нѣскольку судныхъ списковъ, по четыре или по пять. Судные списки къ доладу отвозили въ Москву доводчики, но при этомъ количество ѣзда нѣмъ давалось не по числу отвозимыхъ ими списковъ, а одинъ ѣздъ, смотря по разстоянію (Ак. эк. Т. I № 201; Ак. эк. Т. III № 37).

Относительно судныхъ дѣлъ, непосредственно начавшихся въ Приказахъ, постановлено было, чтобы судъ по окончаніи судоговоренія записывали дѣяки въ присутствіи бояръ, но безъ бытности сторонъ. Если же нужно было о чемъ спросить отвѣтника или истца, то ихъ призывали, спрашивали и отсылали назадъ, записаннаго же предъ сторонами не читали, а читали только боярамъ (Ак. ист. Т. I № 153 ст. 29).

Дѣла рѣшались то въ самомъ Приказѣ, то довлдавались завѣдывавшимъ приказомъ бояриномъ или дьякомъ Верховной власти.

Изложенный нами порядокъ судоустройства и распределенія дѣлъ между мѣстными и центральными судебными властями существовалъ у насъ въ XIV, XV и XVI вѣбахъ; но съ начала XVII вѣба въ этихъ отношеніяхъ наступилъ, особенно въ смутное время самозванцевъ, совершенный хаосъ. и многое въ нашихъ судахъ измѣнилось въ худшему.

Мы не считаемъ нужнымъ съ особою подробностію останавливаться на этомъ печальномъ времени, а сдѣ-

лаемъ только краткій очеркъ первыхъ десятилѣтій XVII столѣтїа относительно состоянїя тогда у насъ судебной власти.

Выборное начало въ судѣ въ означенное время повсемѣстно поколебалось, но и правительственное избранїе судей не утвердилось прочно, и къ сожалѣнїю, гдѣ было введено, не приносило пользы. Такъ напр., въ самой Перми, въ 1606 году, судѣ производилъ воевода князь Вяземскій съ подъячимъ Ѳедоровымъ, но судѣ ихъ состоялъ изъ цѣлаго ряда притѣсненїй, въ держанїи на правѣхъ на смерть, въ самопроизвольномъ изувѣченїи людей. Въ 1607 году подъячїй Ѳедоровъ смѣненъ и посланъ другой подъячїй Сафоновъ, для участїа въ производствѣ суда вмѣстѣ съ княземъ Вяземскимъ, но ходъ дѣлъ отъ этого не улучшился (Ак. эк. Т. II № 46 и 78).

Въ 1608 году являются судьями въ Перми приказный Ѳедоръ Акинѣевъ и подъячїй Романовъ, но между этими судьями шла постоянная распря, и подъячїй Романовъ не слушалъ Акинѣева, а судилъ одинъ и въ приговоры его имя писалъ за очи. (Ак. эк. Т. II № 86). Впрочемъ, приказные люди, постоянно мѣнявшїеся, судили только въ самомъ городѣ Перми, въ Пермскомъ же уѣздѣ въ то же время оставались на мѣстахъ по прежнему излюбленные выборные судьи (Ак. эк. Т. II № 69).

Въ посадѣ Шуѣ, въ 1606 году, отправляли правосудїе еще излюбленные судьи и губные старосты, но въ 1620 г. назначенъ для суда Шуйскихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей воевода Даниилъ Змѣевъ; въ Апрѣлѣ же 1621 года Змѣевъ смѣненъ, а велѣно Шуянъ судить губному старостѣ Сѣченову, не только по губнымъ, но и

по всякимъ дѣламъ; затѣмъ, въ іюлѣ 1621 года, въ Шую присланъ воеводою Ярцевъ и ему порученъ былъ судъ надъ всѣми Шуйскими посадскими людьми (Ак. эк. Т. II № 52; Ак. юр. Калачова № 55, III, IV и V).

Въ посадѣ Устюжны—Желѣзопольской и въ селахъ Устюжскаго уѣзда въ 1608 году опредѣленъ былъ судьей отъ правительства Алексѣй Суворовъ (Ак. эк. Т. II № 83), а въ 1614 году разрѣшено Устюжанамъ выбрать вновь себѣ излюбленныхъ судей (Ак. эк. Т. III № 36). Между тѣмъ, въ этомъ же 1614 году, посадскіе люди города Романова, жалуясь на то, что ихъ судятъ приказные люди, просили царя Михаила Ѳеодоровича дозволить имъ попрежнему выбрать себѣ излюбленныхъ судей, въ чемъ имъ было отказано (Ак. эк. Т. III № 14); но въ 1622 году такая же просьба крестьянъ Усьи и Заечьи рѣки удостоилась удовлетворенія (Ак. эк. Т. III № 126). Изъ приведенныхъ нами примѣровъ становится очевиднымъ какое колебаніе происходило въ правительствѣ относительно устройства мѣстнаго суда.

Постоянная смѣна судей, назначеніе ихъ то по выбору, то изъ приказныхъ людей, и притомъ неодинаковость въ этомъ отношеніи дѣйствій правительства въ той или другой мѣстности—все это, разумѣется, не могло не отразиться самымъ пагубнымъ образомъ на отправленіи правосудія въ уѣздахъ.

Кромѣ того, судебныя дѣла неудержимо сосредоточивались почти всей своею массою въ Москвѣ, мѣстнымъ же судьямъ стали предоставлять самую незначительную долю власти. Такъ, напр., изъ Четвертнаго Приказа послѣдовалъ въ 1620 году указъ, чтобы мѣстные

судьи, въ посадѣ Шуѣ, не смѣли судить исковъ, какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ, на сумму свыше 10 рублей, а представляли бы всё такіе иски въ Приказъ (Ак. юр. Калачова № 55, III, IV, V). Въ Приказъ Большаго Дворца приказано было вносить всё судныя дѣла изъ монастырскихъ вотчинъ по искамъ болѣе 20 рублей (Ак. юр. Калачова № 58, II). Хотя и дозволялось мѣстнымъ судьямъ производить судъ по дѣламъ и на большую сумму, но вершить такихъ дѣлъ они не могли, а свои судные списки обязаны были представлять для доклада въ Москву, въ Приказы (О Россіи Котошикина стр. 99).

Наконецъ, губные старосты, по порученнымъ имъ важнымъ уголовнымъ дѣламъ, почти совершенно утратили прежнее свое значеніе. Они лишены были власти самостоятельно рѣшать эти дѣла и права подвергать преступниковъ смертной казни. Имъ дозволялись лишь одни слѣдственные дѣйствія, какъ то: производство обысковъ и допросы обвиняемыхъ подъ пытку, но самыя пыточные рѣчи и все подлинное дѣло они обязаны были представлять въ Разбойный Приказъ, и затѣмъ приводить приговоры его въ исполненіе (Ак. юр. Калачова № 55, X, XI, XIX). Даже о самыхъ небольшихъ дѣлахъ, какъ то о кражѣ лошади цѣною въ 5 рублей, губные старосты должны были доносить Разбойному Приказу и дѣйствовать по его указаніямъ (Ак. юр. Калачова № 55, XXI).

Все это дѣлалось не потому, чтобъ измѣнились прежніе законы, относительно степени власти мѣстныхъ судей, а вслѣдствіе постепеннаго присвоенія Приказами

со временій самозванцевъ непринадлежавшей имъ власти, присвоенія, обратившагося наконецъ въ обычай и въ постоянную практику, не встрѣчавшую противодѣйствія со стороны Верховной власти, такъ что въ видѣ только особой льготы дано было въ 1633 году право Новгородцамъ и Псковичамъ окончательно судиться въ Новгородъ и Псковъ, безъ присылки судныхъ дѣлъ въ Москву, исключая дѣлъ о разбоѣ и татѣбѣ съ поличнымъ (Ак. эк. Т. III № 227; Ак. эк. Т. II № 30).

Такое сосредоточеніе почти всѣхъ судебныхъ дѣлъ въ столицѣ въ XVII вѣкѣ отразилось самымъ растлѣвающимъ образомъ на правосудіи того времени, и надолго оставило пагубные слѣды въ нашей общественной жизни. При подавляющемъ множествѣ дѣлъ и невозможности вникать во всѣ эти дѣла самимъ боярамъ, наступило полное господство приказныхъ и подъячихъ, преслѣдовавшихъ, при производствѣ дѣлъ, исключительно свои корыстныя цѣли. Съ тѣхъ поръ погибли, не успѣвъ развиваться, коренныя начала нашего древняго суда, возникла пресловутая „московская волокита“, крючкотворство и самое наглое, незастѣнчивое лихоимство, такъ что даже слова: „приказный и подъячій“ сдѣлались синонимами всего позорнаго и безчестнаго. Начальной причиною такого печальнаго положенія дѣлъ было злосчастное, смутное время самозванцевъ, когда колебалось значеніе власти, когда корысть составляла главное стремленіе въ жизни, и когда слова: правда и справедливость сдѣлались для многихъ пустымъ звукомъ.—Нравственная болѣзнь, пережитая русскимъ народомъ въ началѣ XVII вѣка, не прошла безслѣдно.

Она сломала многое въ юридической жизни русскаго народа, отъ чего можно было ожидать въ будущемъ благопріятнаго роста и благотворной силы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Преступленія и наказанія.

Въ древней Руси порядокъ производства уголовныхъ дѣлъ зависѣлъ главнымъ образомъ отъ существа преступленій и наказаній за преступленія.—По этому, прежде разсмотрѣнія разныхъ формъ судопроизводства, намъ необходимо указать на всѣ тѣ преступныя дѣянія, которыя, въ продолженіе XIV, XV, XVI и половины XVII вѣковъ, составляли у насъ предметъ уголовныхъ дѣлъ и опредѣлить по возможности степень самой отвѣтственности за эти дѣянія.

Обращаясь къ исчисленію преступленій въ указанный выше періодъ времени, мы находимъ слѣдующіе ихъ виды:

I. Преступное оскорбленіе чужой чести и поврежденіе чужаго здоровья.

Сюда относятся: лан, побои, раны и увѣчья.

II. Преступное ослушаніе, самовольство и самоуправство:

1) Переораніе межъ и уничтоженіе межевыхъ знаковъ.

- 2) Самовольная порубка чужаго лѣса.
- 3) Самовольная и запрещенная ловля рыбы, бобровъ и выдръ.
- 4) Самовольная пастьба скота на чужихъ земляхъ.
- 5) Самовольная ѣзда по неустановленной дорогѣ.
- 6) Самовольный прїѣздъ на пиры и братчины.
- 7) Ослушаніе по отбыванію натуральныхъ повинностей.

8) Ослушаніе мѣрамъ правительства относительно безопасности отъ пожаровъ и противъ народныхъ сходбищъ.

9) Самовольное забираіе правительственными ѣздоками подводъ, кормовъ и проводниковъ.

10) Самовольное заведеніе мытовъ и лишніе поборы на мытахъ.

11) Самовольное недопущеніе къ обыску у себя мягкой рухляди людьми, ѣхавшими изъ Сибири.

12) Самовольный отпускъ пойманныхъ татей и ихъ укрывательство.

13) Грабежъ.

III Преступленія противъ доходовъ казны:

1) Нарушеніе таможенныхъ, мытныхъ и вообще торговыхъ правилъ.

2) Корчемство виномъ.

3) Утайка сохъ.

IV. Преступленія противъ благочинія.

1) Попрошатайство.

- 2) Скоморошество.
- 3) Игра бостями и зернью.

V. Преступная ложь и подлоги:

- 1) Ложныя показанія на повальныхъ обыскахъ.
- 2) Ложное показаніе послуха.
- 3) Лжеприсяга.
- 4) Ложныя жалобы на неправосудіе и на излишнее взысканіе пошлинъ.
- 5) Ябедничество.
- 6) Подметь и подписка.

VI. Бровосмѣшеніе, блудъ и изнасилованіе.

VII. Уголовныя преступленія особой важности:

- 1) Татьба и мошенничество.
- 2) Разбой.
- 3) Душегубство.
- 4) Поджогъ.
- 5) Поддѣлка монеты.
- 6) Болдовство и гаданіе.
- 7) Еретичество.
- 8) Измѣна и лазутчество.

VIII. Преступленія противъ службы:

- 1) Неправосудіе.
- 2) Взятіе посуловъ.

3) Взятіе лишніхъ судебныхъ пошлинъ и другія.

Въ этой группировкѣ преступленій мы старались по возможности выразить господствовавшій, въ рассматриваемое нами время, взглядъ на важность каждаго изъ нихъ, не подчиняясь безусловно современной ихъ классификаціи.

Разсмотримъ въ сжатомъ очеркѣ всѣ означенные виды преступленій и наказанія за нихъ.

I. Преступное оскорбленіе чужой чести и поврежденіе чужаго здоровья.

Бъ этому виду преступленій слѣдуетъ отнести: лаи, побои, раны и увѣчья.

Лаи, т. е. оскорбленіе бранными словами, и побои считались нанесеніемъ безчестія, которое оплачивалось деньгами, смотря по человѣку. Такъ, служилымъ людямъ, получавшимъ доходы съ кормленія или денежное жалованье, а также доводчикамъ и праведчикамъ назначалась, въ удовлетвореніе за безчестіе, сумма, равная ихъ годовому содержанію, сколько считалось за ними такого содержанія по книгамъ. Впрочемъ, дворцовые дьяки получали плату за безчестіе не по присвоеннымъ имъ окладамъ, а по усмотрѣнію государей; такъ, напр., Василию Щелкалову, дьяку царя Іоанна Грознаго, по его приговору, уплачено 200 рублей за нанесеніе ему, Щелкалову, оскорбленія печатникомъ Михайловымъ. Изъ неслужилыхъ людей—большіе гости, т. е. первостатейные кунцы, за лаи и побои вознаграждались 50-ю рублями; средніе торговые люди, посадскіе и лучшіе бо-

ярские люди—5-ю рублями, а крестьяне всѣхъ наименованій—однимъ рублемъ. Женамъ всѣхъ означенныхъ лицъ, какъ служилыхъ, такъ и неслужилыхъ, за безчестіе назначалась сумма вдвое большая противъ платы, опредѣленной за оскорбленіе ихъ мужей (Ак. ист. Т. I № 153 ст. 26, 165 и 180; Ак. эк. Т. I № 257; Ак. эк. Т. II № 52; Ак. эк. Т. III № 36). За безчестіе платилось вдвое противъ установленій таксы также и мужчинамъ, но только въ томъ случаѣ, если оказывалось, что ихъ подвергали пыткамъ по ложнымъ показаніямъ на обыскахъ, и тѣмъ безчестили. (Ак. ист. Т. I № 154, V, 5).

Всѣ изложенные законы появились во 2-й половинѣ XVI вѣка, при царѣ Іоаннѣ IV; но путемъ обычая и частныхъ приговоровъ, правила, содержащіяся въ этихъ законахъ, безъ сомнѣнія примѣнялись на практикѣ гораздо ранѣе и не составляли новизны.

Въ 1645 году, при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ, постановленія о безчестіи были измѣнены относительно торговыхъ людей субонной сотни, именно: лучшимъ изъ нихъ за безчестіе назначалось 15 рублей, среднему человеку 10 рублей, а молодчому 5 рублей (Ак. ист. Т. III № 92, XLII).

Въ XIV и XV вѣкахъ намъ извѣстны только мѣстные законы о безчестіи, и ничего общаго.

Такъ въ XIV вѣкѣ относительно безчестія мы находимъ одно только слѣдующее постановленіе въ уставной Двинской грамотѣ: „а кто излаетъ боярина, или до крови ударить, и намѣстници судятъ ему по его отчеству безчестіе, тако жъ и слузъ“ (Ак. эк. Т. I № 13).

Въ XV же вѣкѣ, по записи о Новгородскомъ судѣ, за бой и вырваніе бороды взыскивали два рубля, рубль—въ удовлетвореніе обиженного и рубль— князей продажи. Если побои наносились нѣсколькимъ лицамъ, то они всѣ вмѣстѣ получали также рубль, а другой рубль назначался въ продажу князю (Ак. ист. Т. I. № 103).

Изъ всѣхъ этихъ законоположеній, не всегда точныхъ и опредѣленныхъ, для насъ важно только то, что лан и побои влекли за собою лишь денежное взысканіе.

За раны и увѣчья въ XIV вѣкѣ, по Двинской уставной грамотѣ, платилось за кровавую рану— 30 бѣлъ, а за синюю—15 бѣлъ, а вина противъ того, т. е. въ такомъ же количествѣ взыскивались и княжескія продажи за нанесеніе ранъ и увѣчий. (Ак. эк. Т. I № 13). Въ XV вѣкѣ, по Судебнику Іоанна III, за рану присуждалась плата, смотря по человѣку и по ранѣ. Въ XVI вѣкѣ, по Судебнику Іоанна IV и по судной грамотѣ удѣльнаго князя Владиміра Андреевича, за увѣчье назначалось вознагражденіе также смотря по человѣку и по увѣчью (Ак. ист. Т. I №№ 105, 153ст, 26 и 165; Ак. эк. Т. I № 257, Ак. эк. Т. III № 36).

И такъ, за раны и увѣчья присуждалось то же денежное взысканіе, количество котораго всякій разъ опредѣлялось по усмотрѣнію судей, принимавшихъ при этомъ въ соображеніе, согласно требованію закона, не только важность раны или увѣчья, но званіе лица, ко- ему тѣ или другія были нанесены.

II Преступное ослушаніе, самовольство и самоуправство.

1) Переораніе межъ и уничтоженіе межевыхъ граней.

Въ XIV вѣкѣ, по Двинской уставной грамотѣ переораніе межъ влекло за собою большую или меньшую пеню, смотря потому, чья межа была переорана. Если переорывалась частная межа между владѣнцами двухъ или нѣсколькихъ лицъ, то взыскивалось съ виновнаго вины „борань“. За переораніе общей межн между селами платилось 30 бѣлъ, а за переораніе князей межн—три сорока бѣлъ (Ак. эк. Т. I № 13).

Въ XV и XVI вѣкахъ, по Судебникамъ Іоанна III и Іоанна IV, за переораніе межн и посѣченіе граней на земляхъ Великаго князя, бояръ и монастырей били и н утомъ и взыскивали рубль въ пользу владѣльцевъ земли. Если переорывалась межа на земляхъ крестьянскихъ, то на виновныхъ „за борань“ налагали пеню въ 2 алтына (Ак. ист. Т. I № 105. 153 ст. 87; Ак. эк. Т. I № 150) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ жалованныхъ грамотахъ XVI вѣка, плата 2-хъ алтынъ уменьшалась иногда до алтына и даже до четырехъ денегъ Новгородскихъ (Ак. эк. Т. I №№ 144, 181, 183, 240; Ак. ист. Т. I № 137).

2) Самовольная порубка лѣса.

Самовольная порубка въ частномъ лѣсу наказывалась пеней въ 25 копѣекъ, въ рубль или въ 2 рубля,

а иногда только высказывались въ грамотах угрозы подвергнуть виновныхъ въ порубѣй продажѣ, но неизвѣстно въ какомъ количествѣ (Ак. эк. Т. I №№ 112, 159, 174, 189, 199, 216 и 258).

3) Самовольная и запрещенная ловля рыбы. бобровъ и выдръ.

За самовольную ловлю рыбы тамъ, гдѣ это запрещалось, назначались въ XV и XVI вѣкахъ „заповѣди“, т. е. пени, 2 рубля; изъ конхъ рубль шелъ намѣстникамъ и рубль въ пользу тѣхъ, чьи права ловлею рыбы были нарушены (Ак. эк. Т. I №№ 142, 224; Ак. ист. Т. I №№ 91, 96, и 162); Такая же заповѣдь въ 2 рубля взыскивалась и за ловлю бобровъ въ воспрещенныхъ мѣстахъ (Ак. эк. Т. I № 22).

Въ XVII вѣкѣ, въ виду того, что ловля бобровъ и выдръ капканами привела почти къ конечному истребленію этихъ животныхъ, царь Михайлъ Федоровичъ повсемѣстно запретилъ ловлю ихъ такимъ способомъ. Нарушителей этого постановленія велѣно было въ первый разъ бить кнутомъ и подвергать пени въ 2 рубля; во второй разъ—бить кнутомъ и приговаривать къ пенѣ въ 5 рублей, а въ третій разъ—бить кнутомъ и сажать въ тюрьму до царскаго указа (Ак. эк. Т. III № 256).

4) Самовольная пастьба скота на чужихъ земляхъ, копаніе на нихъ глины и вѣшаніе сѣтей.

За пастьбу скота послѣ Троицына дня на чужихъ

земляхъ взыскивалось заповѣди 2 рубля, изъ нихъ одинъ рубль поступалъ В. князю, а другой намѣстнику или волостелю (Ав. эк. Т. III № 37). За копаніе глины и вѣшаніе сѣтей безъ дозволенія владѣльца земли, на которой это дѣлалось, платилось тоже 2 рубля. (Ав. эк. Т. III № 114).

5) Самовольная ѣзда по неустановленной дорогѣ.

Самовольная ѣзда по не „пошлой“, неизстари установленной дорогѣ, а по другой, съ нарушеніемъ чрезъ то правъ частныхъ владѣльцевъ земли, наказывалась заповѣдью въ 2 рубля, при чемъ взыскивались и убытки владѣльцевъ безъ суда вдвое. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дозволялось такихъ ѣздоковъ не только не пропускать къ проѣзду по дорогѣ, но даже бить (Ав. ист. Т. I № 86; Ав. эк. Т. I №№ 61, 65, 81 и 82).

6) Самовольный приѣздъ на пиры и братчины.

За самовольный приѣздъ на пиры и братчины разрешалось незваныхъ гостей высылать вонъ „безпенно“, если же они не уходили, и случалась „баковагибель“ то эта гибель взыскивалась съ нихъ безъ суда большею частію вдвое. По уставной же грамотѣ, данной Кирилло-Бѣлозерскимъ монастыремъ своимъ вотчинамъ, самовольный приѣздъ на пиры и братчины наказывался пеней въ 2 рубля (Ав. эк. Т. I №№ 50, 72, 102, 113, 122, 123, 139 143, 144, 150, 151, 171, 181, 183, 240, 324, 329, 357; Ав. ист. Т. I №№ 110, 125, 137, 178, 188 и 200; Ав. ист. Т. II №№ 60 и 73).

7) Ослушаніе по отбыванію натуральныхъ повинностей.

Ослушаніе крестьянъ по отбыванію натуральныхъ повинностей (напр. относительно постройки ямскаго двора) влекло за собою въ 1512 году отдачу виновныхъ на поруки и приводъ ихъ на работу силою со взысканіемъ съ нихъ „ѣзда“, истраченнаго при поѣздѣ за ними, именно по деньгѣ съ каждыя двухъ верстѣ. Черезъ сто лѣтъ, во время междоусобствія и управленія государствомъ боярами, за послушаніе нѣкоторыхъ крестьянъ строить новое городовое укрѣпленіе на Бѣлоозерѣ на случай прихода Литовскихъ людей, крестьяне эти по приговору всей земли, какъ сказано въ грамотѣ, были посажены въ тюрьму на мѣсяць (Ак. эк. Т. II № 206). За недачу подводъ „по всякимъ государевымъ отпускамъ“ ослушниковъ, въ царствованіе царя Михаила Ѳедоровича, били батогами и сажали въ тюрьму на недѣлю и на мѣсяць (Ак. эк. Т. III №№ 40 и 320). За послушаніе въ дачѣ натурой хлѣба, или денегъ за хлѣбъ служилымъ людямъ, виновныхъ, при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, били батогами и сажали въ тюрьму, иногда на мѣсяць (Ак. ист. Т. III № 132; Ак. эк. Т. III № 48). Въ тоже время, за уклоненіе отъ воинской службы, и тѣчювъ, какъ ослушниковъ, наказывали батогами и сажали на время въ тюрьму или же отбирали помѣстья (Ак. эк. Т. III №№ 187 и 209).

8) Ослушаніе мѣрамъ правительства относительно безопасности отъ пожаровъ и противъ народныхъ сходбищъ.

За топку въ лѣтнее время избъ и мыленъ (бань) били батогами, сажали въ тюрьму и взыскивали заповѣди 2 рубля. Это постановленіе въ 1638 году для Шуйскихъ посадскихъ людей было отмѣнено (Ак. эк. Т. III № 278).

За нарушеніе запрещенія сходиться въ Москвѣ „за Старое Ваганково на бездѣлицу съ кабацкимъ питьемъ“ били внудомъ по торгамъ (Ак. ист. Т. III № 92, VIII). Запрещены были также въ Москвѣ, въ Китаѣ городѣ и въ Бѣломъ городѣ, кулачные бои; ослушниковъ же приводили въ Земскій Приказъ и „чинили имъ наказаніе“ (Ак. ист. Т. III № 92, XXXII).

9) Самовольное забираше правительственными ѣздоками подводъ, кормовъ и проводниковъ.

Самовольство правительственныхъ ѣздоковъ, именно, если они останавливались насильно у митрополичьихъ, монастырскихъ и другихъ крестьянъ и брали у нихъ насильно кормъ, лошадей и проводниковъ — влекло за собою взысканіе съ такихъ ѣздоковъ убытковъ означенныхъ крестьянъ безъ суда вдвое, а иногда и заповѣди въ 2 рубля (Ак. эк. Т. I №№ 61, 65, 81, 82, 96, 139, 151, 159; Ак. ист. Т. I №№ 75, 111, 125, 198 и др.).

10) Самовольное заведеніе мытовъ и лишніе на нихъ поборы.

За самовольное заведеніе мытовъ и перевозовъ, сверхъ уничтоженія ихъ, взыскивали съ виновныхъ пени 50 рублей. Тамъ же, гдѣ мосты и перевозки отдавались отъ казны на откупъ, и откупщики брали съ проѣзжавшихъ лишніе поборы, сверхъ указа, то такихъ откупщиковъ били кнутомъ и брали съ нихъ пени съ каждаго рубля откупной суммы по алтыну (Ак. ист. Т. III № 92, XXXIII; Ак. эв. Т. III № 312).

11) Самовольное недопущеніе людьми, ѣхавшими изъ Сибири, къ обыску у себя мягкой рухляди.

Всякихъ чиновъ людей, ѣхавшихъ изъ Сибири, велѣно было подвергать обыску для узнанія, не везли ли они при себѣ мягкой рухляди въ большемъ количествѣ, чѣмъ означено было въ проѣзжихъ ихъ грамотахъ. Ослушниковъ, которые къ такому обыску не допускали, предписывалось въ 1635 году наказывать за малыя вины батогами и сажать въ тюрьму на мѣсяць, а за большія вины бить кнутомъ по торгамъ и сажать въ тюрьму до царскаго указа (Ак. ист. Т. III № 184).

12) Самовольный отпускъ пойманныхъ татей и нарушеніе мѣръ противъ безопасности отъ преступниковъ.

Самовольный отпускъ татей, или самосудъ, какъ тогда это называли, наказывался большею частію взысканіемъ 2-хъ рублей, а иногда 4-хъ рублей и даже

рубля съ того, кто „изымавъ татя съ полвчнымъ“ отпускалъ его, „а себѣ бралъ посулъ“, не явивъ пойманнаго татя намѣстникамъ или волостелямъ и ихъ тиунамъ (Ак. эк. Т. I №№ 13, 123, 143, 144, 150, 181; Ак. ист. Т. I №№ 125 и 137).

Въ предупрежденіе укрывательства преступниковъ велѣно было Іоанномъ IV всѣмъ тѣмъ, у кого останавливались на ночлегъ какіе либо пріѣзжіе люди, заявлять о нихъ старостамъ и цѣловальникамъ. За нарушение этого постановленія хозяева домовъ, неизвѣстившіе о пріѣздѣ къ нимъ такихъ людей, подвергались платежу заповѣди 2 рублей (Ак. эк. Т. II № 52). При царѣ Михаилѣ Федоровичѣ, установлены были по городамъ особыя книги для записки въ нихъ всѣхъ прохожихъ и пріѣзжихъ людей съ означеніемъ: кто они, откуда пришли, въ кому, для чего и есть ли у нихъ знакомые въ городѣ. Когда знакомыхъ у прохожихъ и пріѣзжихъ людей въ городѣ не было, и они были люди сомнительныя, то ихъ задерживали и производили о нихъ розыскъ (Ак. ист. Т. III № 116).

За слабое охраненіе содержавшихся въ тюрьмахъ преступниковъ тюремными сторожами, именно за отлучки ихъ изъ тюремъ, гдѣ они обязаны были находиться день и ночь, виновныхъ сторожей били батогами и сажали въ тюрьму на день (Ак. ист. Т. III № 163).

13) Грабежъ.

Мы составимъ себѣ совершенно ошибочное представленіе о словѣ „грабежъ“ въ старину, если будемъ усваивать ему современное о немъ понятіе.

Подъ грабежемъ разумѣли въ обширномъ смыслѣ вообще насильственное завладѣніе чужимъ имуществомъ. Въ этомъ случаѣ грабежъ могъ и не составлять самостоятельнаго преступленія, а рассматривался иногда какъ разбой, что видно изъ выраженія въ разныхъ грамотахъ: „разбойники разбиваютъ и животы грабятъ“. (Ак. эк. Т. I № 187 и др.). Въ частности же подъ грабежемъ, какъ самостоятельнымъ преступленіемъ, понимали только открытое отнятіе самоуправствомъ у кого либо его движимой собственности, вслѣдствіе личныхъ какихъ либо съ нимъ неудовольствій и столкновений. Въ такомъ смыслѣ грабежъ считался преступленіемъ меньшимъ, чѣмъ татьба, и потому и наказывался гораздо легче послѣдней, именно пеней въ 50, 20 и 10 рублей, смотря по человѣку, или взысканіемъ лишь цѣны ограбленнаго имущества (Ак. эк. Т. I №№ 92, 187, 257; Ак. эк. Т. II № 43; Ак. эк. Т. III № 36; Ак. юр. № 17).

Только въ пограничныхъ мѣстахъ съ Литвою, по политическимъ причинамъ, грабежъ, произведенный за рубежомъ, наказывался, при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ, батогами или кнутами и заключеніемъ въ тюрьму, смотря по винѣ и по человѣку (Ак. ист. Т. I № 116). Ратныхъ людей за грабежъ во время похода били батогами, а за большія вины кнутомъ (Ак. эк. Т. III №№ 223 и 224).

III. Преступленія противъ доходовъ казны

1) Нарушеніе таможенныхъ мытныхъ и вообще торговыхъ правилъ. За нарушение торговыхъ

постановленій назначались вообще заповѣди или пени изъ этихъ заповѣдей, одна не имѣли никакихъ названій, а другія именовались промытомъ, протаможьемъ и проплатеньемъ. Заповѣди, не носившія особыхъ названій взыскивались: 1) за продажу товаровъ безъ вѣса; 2) за продажу товаровъ безъ мѣры; 3) за продажу товаровъ не въ пятенную мѣру, т. е. безъ казеннаго клейма; 4) за отысканіе у кого либо неклеименной мѣры (непечатной); 5) за производство торговли въ недозволенныхъ мѣстахъ и 6) за продажу соли съ кардехою. Заповѣди съ особыми названіями взыскивались: 1) промытъ за провозъ товаровъ мимо мытовъ, т. е. мостовъ и перевозовъ, гдѣ сидѣли мытчики, для избѣжанія платы имъ мыта; 2) протаможье — за покупку и продажу товаровъ безъ явки таможенникамъ и безъ уплаты установленныхъ пошлинъ; 3) проплатенье — за покупку и продажу лошади безъ явки пятенщикамъ и безъ положенія ими на лошадей пятна или клейма, съ цѣлью избѣгнуть определенной за то платы. — Всѣ эти заповѣди, съ названіями и безъ названій, взыскивались большею частію въ количествѣ 2-хъ рублей, а иногда и въ меньшей суммѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ пени присоединялась и конфискація товаровъ въ княжескую или царскую казну, такъ напр. при производствѣ торговли въ недозволенныхъ мѣстахъ. Всѣ поименованныя нами пени налагались на виновныхъ безъ судебного производства; но если возникалъ споръ между таможенниками, мытниками и пятенщиками и тѣми лицами, съ которыхъ они требовали уплаты пени, то тогда только производили

судъ и обыскомъ обыскивали.) Ак. эк. т. I №№ 14, 100, 123, 134, 177, 188, 230, 263, 269, 288, 298, 331, 332, 334, 342, 352, 356, 362, 363, 366, и 367 Ак. ист. т. I №№ 137 и 138),—Въ 1632 году за промышть наказывали батогами и сажали въ тюрьму (Ак. эк. т. III, № 132).

2) Корчемство виномъ. За такое корчемство, т. е. за тайную продажу питей и иностранныхъ винъ, продавцы наказывались заповѣдью въ 2 рубля, а съ „питуховъ“ т. е. съ покушниковъ корчемнаго вина для питья, взыскивалось по полуполтинѣ съ человѣка (Ак. эк. Т. I №№ 234, 269 и 352; Ак. ист. Т. II № 30; Ак. юр. № 28). За держаніе питей въ монастыряхъ не для себя, а для тайной продажи, велѣно было Іоанномъ Грознымъ въ 1577 году смирять виновныхъ не заповѣдью, а кнудомъ (Ак. ист. Т. I № 191).

Въ 1623 году, при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ, за продажу корчемнаго вина платилось пени въ первый разъ продавцами 2 рубля, а питухами по полуполтинѣ съ человѣка; во второй разъ продавцами 5 рублей, а питухами по полтинѣ съ человѣка, и, кромѣ того, первыхъ заключали въ тюрьму на два и на три дня, и были, по освобожденіи изъ тюрьмы, батогами нещадно „чтобъ стоило кнутья“; въ третій же разъ взыскивали съ питуховъ по 1 рублю съ человѣка, и съ продавцовъ 10 рублей, заключали послѣднихъ въ тюрьму до царскаго указа и описывали ихъ дворы и животы (Ак. эк. Т. III № 146).

3) Утайка сохъ. 36 утайку сохъ, по которымъ разлагались подати и поборы, съ виновныхъ взыски-

вали вдвое противъ того, что слѣдовало получить съ сохи (Ак. эк. Т. I № 32)*).

IV, Преступленія противъ благочинія.

1) Попрошатайство. Попрошатаямъ (просившимъ милостыню) запрещалось ѣздить по волостямъ и собирать жито. Виновныхъ въ нарушеніи этого запрещенія ставили на судъ, но какому подвергали ихъ наказанію неизвѣстно (Ак. эк. Т. I №№ 144, 150 и 171).

2) Скоморошество. Скоморохи въ нашихъ древнихъ актахъ описываются такъ: „они на улицахъ, торжищахъ и распутіяхъ сатанинскія игры творятъ, сатанинскія пѣсни поютъ, въ бубны, въ гусли, въ домры и въ волюнки играютъ и въ сурны ревуть, руками плескаютъ и пляшутъ, и всякія бѣсовскія игры играютъ“ (Ак. эк. Т. III № 264; Т. IV №№ 59 и 98). За самовольную игру по деревнямъ скоморохи высылались вонъ безпенно и представлялись на судъ, но какому подвергались наказанію неизвѣстно.

Въ 1555 году, по постановленію собора Троице-Сергіева монастыря, запрещено было держать въ его монастырской Присѣцко и волости скомороховъ. За на-

*) Сохою называлась извѣстная обстановка хозяйственного быта. Въ сохѣ считались: 1) имѣвшій трехъ лошадей; 2) владѣвшій кожевнымъ заводомъ; 3) владѣвшій неводомъ или лавкою, или кузницей. Четыре пѣшіе челоуѣка составляли соху; плугъ или ладья считались порознь за двѣ сохи. Кто сидѣлъ «на исполовнѣ» т. е. на половинѣ вышесказаннаго, тотъ принимался за полъ сохи.

рушение этого постановления, сотскій въ сотнѣ котораго находили означенныхъ лицъ, платилъ пеню въ 10 рублей, а скомороховъ „бивъ, да ограбивъ“ выбивали изъ волостивонъ (Ак. эк. Т. I № 244; Ак. ист. Т. III № 92, X). При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1649 году, велѣно было, гдѣ „объявляются домры и сурны, и гудки, и гусли, и хари и всякіе гудебные бѣсовскіе сосуды“ изломавъ, жечь, а самихъ скомороховъ бить батогами (Ак. ист. Т. IV № 35).

3) Игра костями и зернью. Костари и зернщики, игравшію костями и зернью, ставились въ одинъ разрядъ вообще съ лихими людьми, и имъ предписывалось казнь чинить по Судебнику 1550 года, но въ этомъ Судебникѣ ни слова не говорится о костаряхъ и зернщикахъ. Впрочемъ, нельзя думать, чтобы они подвергались смертной казни, такъ какъ частные монастырскіе уставы, всегда согласовавшіеся въ своихъ постановленіяхъ съ общимъ закономъ или съ существовавшимъ обычаемъ, этого не подтверждаютъ. Именно, изъ уставной грамоты Соловецкаго монастыря, изданной въ 1548 году, видно, что съ монастырскихъ крестьянъ, уличенныхъ въ игрѣ зернью, взыскивали по полтинѣ съ каждаго игрока въ пользу монастыря и выбивали ихъ изъ волостивонъ (Ак. эк. Т. I № 221; Ак. эк. Т. IV № 232). При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ зернщиковъ били батогами (Ак. ист. Т. IV № 35).

V. Преступная ложь и подлогъ.

1) Ложныя показанія на повальныхъ обыскахъ. Если дававшіе показанія на обыскѣ уличались

въ томъ, что они солгали, то изъ нихъ выбирали лучшихъ людей, человекъ 5 и 6 изъ ста, а иногда 2-хъ или 3-хъ человекъ, и били ихъ кнутомъ. Изъ этого числа исключались игумены, священники и диаконы, которыхъ за такую ложь отсылали къ суду святительскому. Кроме того, со всѣхъ виновныхъ взыскивали противъ установленной платы за безчестіе—вдвое въ пользу неправильно ими оговоренныхъ, если эти оговоренные, вслѣдствіе означеннаго ложнаго показанія, подвергались пыткѣ. (Ак. ист. Т. I № 154, V ст. 5 и 6; Ак. ист. Т. III № 167. ст. 2).

2) Ложное показаніе послуха. Ложное показаніе послуха влекло за собою взысканіе съ него истцова исба и убытковъ (Суд. 1497 г.)

3) Лжеприсяга. За ложное показаніе подъ присягою назначалась казнь, что Государь укажетъ (Ак. ист. Т. II № 85).

4) Ложныя жалобы на неправосудіе или на излишнее взысканіе пошлинъ. Если кто, будучи виноватъ, лгалъ на боярина и дьяка и говорилъ, что они неправильно рѣшили дѣло, или пошлинъ взяли больше, чѣмъ слѣдовало, то такого жалобщика били кнутомъ и заключали въ тюрьму (Ак. ист. Т. I № 153 ст. 6, 7, 8 и 34).

5) Ябедничество. Ябедниками называли людей, начинавшихъ одни и тѣ же исба дважды и трижды, писавшихъ въ жалобницахъ ложно „исба велики“, а также составлявшихъ за деньги затѣйныя жалобы и лгавшихъ на судъ, и тѣмъ умножавшихъ „негожія тяжи“ (Ак. эк. Т. I № 257; Ак. ист. Т. I № 154, X).

По судебнику Іоанна IV, ябедниковъ, если они были „вѣдомо лихіе“ казнили смертною казнію. Но затѣмъ, при томъ же Государѣ, въ концѣ XVI вѣка, ябедниковъ велѣно было наказывать кнутомъ и высылать въ украинскіе города (Сѣвскъ и Бурскъ). Иногда, вмѣсто высылки въ украинскіе города высылали ябедниковъ только изъ волости, гдѣ они жили, вонъ, безъ ограбленія животовъ.—Однакожь, ябедники, которые ложно обвиняли кого въ крамолѣ или въ рокошѣ противъ царя, подвергались смертной казни. (Ак. ист. Т. I №№ 154, XX, 165; Ак. эк. Т. III № 36).

6) Подметъ и подписка. Подметчиками называли такихъ людей, которые тайкомъ вносили къ кому либо въ домъ какія либо краденныя или ограбленныя вещи, съ цѣлію взвести на него обвиненіе въ татѣбѣ и разбоѣ (Ак. юр. №47; Герберштейнъ стр. 82). Подписчиками называли тѣхъ, кои подписывали чужія руки и вообще составляли нарядные (подложные) документы. Подметчиковъ и подписчиковъ казнили смертію (Ак. ист. Т. I. №№ 105 и 153).

Подлоги въ духовныхъ завѣщаніяхъ изслѣдовывались духовнымъ судомъ.

VI. Кровосмѣшеніе, блудъ и изнасилованіе.

За кровосмѣшеніе и блудъ, по суду духовному, заключали въ монастырь. Такъ, въ 1628 году, по указу патріарха Филарета Никитича, сынъ боярскій Нехорошко Семичевъ, „за его великое воровство, за беззаконное блудное дѣло, что онъ воровалъ, съ рабами

„своими съ дѣвками многожды блудилъ, и прижилъ съ „ними семеро ребятъ, а тѣ дѣвки межъ собою двоюродныя сестры“—былъ высланъ въ Корельскій Никольскій монастырь, гдѣ велѣно было его сковать въ желѣза, заставлятъ его сѣять на братью въ хлѣбнѣ, муку, выгребать изъ печи пепель и всякую монастырскую черную работу работать, съ запрещеніемъ давать ему причастіе, кромѣ смертнаго часа (Ак. эк. Т. III № 177).

Въ 1633 году, въ тотъ же монастырь, былъ сосланъ „столяникъ Колычевъ „за блудное дѣло, что онъ беззаконствомъ съ женкою прижилъ трое ребятъ“. Условія заключенія въ монастырь были тѣ самыя, что и для Семичева, хотя въ настоящемъ случаѣ кровосмѣшенія не существовало (Ак. эк. Т. III № 226).

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ смотрѣли на блудъ несравненно снисходительнѣе.—Именно, по наказу патріарха Іоакима для своихъ патріаршихъ сель, велѣно было приказнибу тѣхъ сель съ дѣвокъ и вдовъ, прижившихъ незаконно ребятъ, а также съ тѣхъ, съ которыми дѣти были прижиты взыскивать пени по 2 рубля 8 алтынъ съ полуденьгою съ человѣка (Ак. эк. Т. IV № 198).

Изнасилованье тоже подлежало духовному суду, но какъ наказывалось неизвѣстно.

VII. Уголовныя преступленія особой важности.

1) Татьба и мошенничество. За татьбу въ XIV вѣкѣ, какъ за первую, такъ и за вторую съ полничнымъ—

взыскивали продажу, равную стоимости поличнаго; за третью же татьбу съ поличнымъ подвергали смертной казни черезъ повѣшеніе. При этомъ каждаго татя пятали (Ак. эк. Т. I. № 13).

Въ XV вѣкѣ, по Судебнику 1497 года, татя, пойманнаго въ первый разъ съ поличнымъ били кнутомъ и взыскивали продажу; пойманнаго же во второй разъ съ поличнымъ—казнили смертію. Впрочемъ, тати, вѣдомые лихіе, хотя бы пойманные съ поличнымъ и въ первый разъ, а также церковные (святотатцы) и головные тати *) наказывались смертію во всякомъ случаѣ (Ак. ист. Т. I. № 105; Ак. эк. Т. № 150).

Въ XVI вѣкѣ, въ 1549 году, татей за первую татьбу съ поличнымъ били кнутомъ, взыскивали съ нихъ продажу и выбивали изъ земли вонъ (т. е. изъ волости). За другую татьбу съ поличнымъ виновныхъ били кнутомъ, отсѣкали имъ по одной рукѣ и выбивали ихъ изъ земли вонъ.—За третью татьбу съ поличнымъ, уличенныхъ въ этомъ, били кнутомъ и казнили смертію, именно вѣшали въ томъ мѣстѣ, гдѣ тати были пойманы съ татьбою (Ак. эк. Т. I. № 224).

Про Судебнику 1550 года, за первую татьбу съ поличнымъ били кнутомъ и отдавали на поруки, а по неимѣнію порукъ заключали въ тюрьму доколѣ порука будетъ; за вторую же татьбу съ поличнымъ казнили смертію. Но тати, вѣдомые лихіе, а также церков-

*) Подъ головными татями разумѣли лицъ, продававшихъ чужихъ холоповъ за своихъ, или вольныхъ людей подъ видомъ холоповъ, по подложнымъ документамъ.

ные и головные тати подвергались смертной казни за татьбу съ поличнымъ и въ первый разъ. (Ак. ист. Т. I № 153 ст. 52, 55, 56, 60 и 61).

Въ книгѣ разбойнаго Приказа, составленной при царѣ Іоаннѣ IV въ 1556 году, было постановлено: за одну татьбу съ поличнымъ бить кнутомъ и отдавать на поруки, а при неимѣннн порукъ заключать въ тюрьму; за двѣ татьбы бить кнутомъ и отсѣкать руку, оставляя тата на свободѣ; за три, четыре татьбы и больше—казнить смертію. Церковныхъ татей подвергали смертной казни и за первый разъ (Ак. эк. Т. II № 225; Ак. ист. Т. III № 167).

Въ 1556 и 1561 годахъ появилось слѣдующее постановленіе о первой татьбѣ: „А кого приведутъ съ поличнымъ впервые, ино его судити, и назовутъ его въ обыскѣ лнхимъ человѣкомъ, и его пытать, а скажетъ на себя самъ, ино его казнить смертною казнію, а не скажетъ на себя, ино вкннуть въ тюрьму до смерти; а скажутъ на обыскѣ „что онъ добрый человѣкъ, и того поличнаго сыскивать судомъ и дѣло вершити по суду“ (Ак. ист. Т. I № 165; Ак. эк. Т. I № 257; Ак. эк. Т. № III 36).

За татьбу, за Литовскимъ рубежемъ, били батогами, кнутомъ, сажали въ тюрьму, смотря по винѣ и по человѣку (Ак. ист. Т. III № 116).

Замѣчательно, что въ старину у насъ за кражу гончихъ и борзыхъ собакъ суда никакого не давали, а только за вразу дворовыхъ цѣпныхъ собакъ, при чемъ дворовый кобель оцѣнивался въ рубль (Ак. ист. Т. I № 154, XV).

Изъ всего сказаннаго нами о татьбѣ видно, что въ древнемъ русскомъ правѣ различали, кромѣ нѣкоторыхъ видовъ татьбы, еще и то, въ который разъ она была совершена, и пойманъ ли тать съ поличнымъ или безъ поличнаго, а также считался ли онъ вѣдомымъ лихимъ или нѣтъ; взломы же при кражахъ, имѣющіе такое важное значеніе въ настоящее время, въ старину вовсе не вліяли на измѣненіе существа наказанія, а могли развѣ по усмотрѣнію судей увеличивать лишь его мѣру.

Мошеничествомъ, по Судебнику 1550 года, называлось похищеніе чрезъ обманъ. Оно наказывалось также, какъ и татьба (Ак. ист. Т. I № 153 ст. 58).

2) Разбой. Въ XV вѣкѣ разбойникамъ вообще назначалась продажа и казнь (Ак. эк. Т. I № 123). Въ Судебникѣ 1497 года постановлено было: „а доведутъ на кого разбой, а будетъ вѣдомой лихой, того велѣти казнити смертною казнію“ (Ак. ист. Т. I № 105).

Въ XVI вѣкѣ разбойниковъ также казнили смертію, а иногда предъ совершеніемъ смертной казни наказывали еще кнутомъ (Ак. эк. Т. I №№ 150, 187, 192, 234, 257; Ак. ист. Т. I № 153 ст. 59). По Бѣлозерской губной грамотѣ 1571 года, разбойниковъ казнили смертію только тогда, если по обыскамъ они обазывались лихими людьми, и сами сознавались въ своихъ преступленіяхъ послѣ пытки; но если они послѣ пытки ни въ чемъ не сознавались, то, не смотря на неодобреніе ихъ на обыскѣ, ихъ не казнили смертію, а заключали въ тюрьму на всю жизнь (Ак. эк. Т. I № 281).

При царѣ Борисѣ Федоровичѣ Годуновѣ, разбойниковъ, сознавшихся, въ распросѣ и съ пытки, хотя въ

одномъ разбоѣ, но сопровождавшимся убійствомъ или поджогомъ—казнили смертію. Наказывали лишеніемъ жизни также и тѣхъ разбойниковъ, которые участвовали въ трехъ разбояхъ, хотя бы при этомъ не было ни убійства, ни поджога. Если же разбойники сознавались въ одномъ или въ двухъ разбояхъ, но при томъ не совершали ни убійства, ни поджога, то такихъ разбойниковъ не казнили смертію, а заключали въ тюрьму до указа, указъ же этотъ большею частью состоялъ въ наказаніи виновныхъ кнутомъ и въ ссылкѣ въ отдаленные города (Ак. эк. Т. № 225; Ак. ист. Т. I № 187; Ак. юр. Балачова № 55, XIX).

За укрывательство разбойниковъ виновные платили безъ суда въ пользу истцовъ ихъ испи вдвое, и, кромѣ того, подвергались казни и продажѣ (Ак. эк. Т. I №№ 187, 192, 194, и 224).

Въ 1552 году повелѣвалось казнить смертію тѣхъ, кои не представляли лихихъ людей судьямъ, животы же таковыхъ укрывателей отдавались истцамъ.— Та община, гдѣ ловили разбойника или татя помимо ея, а также люди, отказавшіеся идти въ погоню за разбойниками, платили выти, т. е. опредѣленные вычеты изъ своего имущества въ пользу истцовъ.

За примиреніе съ разбойниками, т. е. за подачу въ Приказъ мировыхъ челобитень по разбойнымъ дѣламъ, виновные подвергались пени — „не мири съ съ разбойники,“ — такъ выражено въ законѣ основаніе къ установленію этой пени (Ак. ист. т. III № 167 ст. 25, 28 и 41).

3) Душегубство. Въ XIV вѣкѣ пойманный душегубецъ отдавался на судъ намѣстникамъ или волосте-

лямъ, но къ чему приговаривался положительно неизвѣстно. Видно только, что господинъ, убивавшій неумышленно своего холопа, не подлежалъ никакой отвѣтственности. Что не преслѣдовались лишь неумышленные убійства господами своихъ холоповъ— это усматривается изъ самыхъ выраженій закона, а именно: “кто осподарь огрѣшится—ударить своего холопа или рабу, а случится смерть, въ томъ намѣстниці не судятъ, ни вины не емлютъ.” Выраженіями „огрѣшится, случится“ прямо опредѣляется неумышленность дѣйствія; слова же „вины не емлютъ“ доказываютъ, что задругубство не на разбоѣ, виновные подвергались въ XIV вѣкѣ, какъ и во время дѣйствія Русской Правды, только денежнымъ взысканіямъ.— Если душегубецъ не отыскивался, то та волость, въ которой совершалось убійство, обязана была платить виру, иногда въ количествѣ 10 рублей (Ак. эк. Т. I № 13),

Въ XV и XVI вѣкахъ душегубцы подвергались продажѣ и казни. Вѣдомый лихой душегубецъ, особенно совершавшій убійство на разбоѣ, подвергался смертной казни. Такой же казни всегда подлежалъ и холопъ, убивавшій своего господина.—Если же кто совершалъ душегубство „по грѣхомъ“, въ ссорѣ, или уапчался въ убійствѣ посредствомъ поля (судебнаго поединка), то таковой душегубецъ, какъ невѣдомый лихой, подвергался взысканію продижи (Ак. эк. Т. I №№ 123, 150, 240; Ак. ист. Т. I №№ 105, 153 ст. 59 и 61).

Въ XVII вѣкѣ (въ 1625 году) душегубецъ, убивавшій кого либо въ дражѣ, неумышленіемъ, или пьянымъ дѣломъ, подвергался наказанію кнута и от-

давался на чистую поруку съ записью (Ак. ист. Т. I № 167).

Если душегубца не отыскивали, то городъ или волость, гдѣ совершено убійство, платили виру въ 4 рубля, въ 2 рубля или даже въ рубль. Если же случалась насильственная смерть, но нехитростнымъ дѣломъ, напр. если кого „дерево заразить, или кто съ дерева убьется, или звѣрь съѣсть, или утонеть, или возомъ сотреть, или отъ своихъ рукъ утерлется, или сгорить, или громъ убьеть, или подблннуть мертвымъ незнаемымъ человѣкомъ“, то во всѣхъ этихъ случаяхъ виру не взысывалось (Ак. эк. Т. I №№ 123, 143, 144, 150, 171, 181, 183, 217, 234, 240, 273 и 324).

Родственники убитаго получали съ виновнаго „за убитую голову“ головщину (Ак. юр. №№ 17, 22). Такая головщина имѣла мѣсто еще и въ XVII вѣкѣ.— Такъ, въ 1616 году, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, Семейбо Серебренницыцъ за убійство своей жены, вѣроятно въ ссорѣ или подъ пьяную руку, заплатилъ отцу убитой—головщину сто рублей (Ак. ист. Т. III 68).

Дѣла о неумышленныхъ убійствахъ могли прекращаться миромъ, о чемъ при свидѣтеляхъ составлялись мировыя записи, но не предъ губными старостами, а предъ воеводами (Ак. юр. № 270).

4) Поджогъ. Въ Судебникахъ 1497 и 1550 годовъ сказано: „зажигальнику, вѣдомому лихому чловѣку, живота не дати, казнити его смертною казнію“. Впослѣдствіи стали наказывать смертію преимущественно поджигателей при разбояхъ. Умышленные же поджигатели, сдѣлавшіе поджогъ изъ вражды

или въ ссорѣ не считались вѣдомыми лихими людьми, и потому не подвергались смертной казни, а только платили убытки, причиненные пожаромъ, или выдавались головою потерѣвшимъ до исбуна (Ак. ист. Т. I № 105 и 153; Ак. юр. № 10).

5) Поддѣлка монеты. Въ древнѣйшихъ нашихъ актахъ и въ обоихъ Судебникахъ ни слова не говорится о поддѣльвателяхъ монеты; но въ одной грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича 1637 года сдѣлана неопредѣленная впрочемъ ссылка, что такихъ преступниковъ въ прежнее время казнили смертію; именно заливали имъ воровскими деньгами горло. Когда это было изъ приведенной грамоты не видно.

Однакожь, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, за поддѣлку монеты не казнили смертію, хотя въ его время такое преступленіе было весьма распространено. Такъ, изъ той же грамоты 1637 года видно, что тогда въ разныхъ мѣстахъ Россіи „объявились денежные воры, и переиманы на Москвѣ и въ городахъ многіе, и въ распросахъ и съ пытокъ говорили на себя, что они рѣзали матошняки сами и съ матошниковъ переводили чеканы, и деньги дѣлали мѣдныя, и тѣ мѣдныя деньги серебрили; а иные дѣлали деньги въ серебрѣ съ мѣдью, мѣшали мѣди въ серебро вполы и въ треть; а иные воры денежнымъ ворами у себя на подворьяхъ пристани чинили и воровскія деньги у денежныхъ воровъ имали завѣдомо“.

Всѣ эти преступники были наказаны не смертію, а кнутомъ и заключены скованными въ тюрьму по смерти, при чемъ на каждомъ изъ нихъ выжжено было пятно

„воръ“ „чтобы такіе воры впредь были знатны“.— Впрочемъ, въ грамотѣ, въ которой объявлялось о послѣдовавшемъ наказаніи означеннымъ преступникамъ, въ видѣ угрозы, прибавлено, что на будущее время виновныхъ въ поддѣлкѣ монеты станутъ по прежнему казнить смертію: „растопа воровскія деньги, горло залвать, а животы ихъ брать въ казну“ (Ак. эк. Т. III № 266).

6) Колдовство и гаданіе. Въ рассматриваемое нами время вѣрили, что вѣдуны и вѣдуныи могли насылать на людей всякія лиха вѣдовствомъ по вѣтру и выниманіемъ слѣда (Ак. эк: Т. II № 10). Царь Іоаннъ Грозный, въ своемъ посланіи къ монахамъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, заявлялъ прямо, какъ о фактѣ неподлежащемъ сомнѣнію, что Собакины хотѣли его съ дѣтьми извѣсти чародѣйствомъ, но что Богъ его отъ того укрѣлъ, и ихъ злодѣйство объявилось (Ак. ист. Т. I № 204).

При такой всеобщей вѣрѣ въ колдовство, неудивительно, что дѣла о колдунахъ возникали въ старину нерѣдко. Такъ, въ 1555 году, волхвовъ и бабъ в о р о ж е й, объявившихся въ Присѣдской волости Троицко-Сергіева монастыря, велѣно было „би въ, да ограбивъ“ выбивать изъ волости вонъ (Ак. эк. Т. I. № 244). Въ 1606 году производилось въ Перми дѣло о напущеніи на людей иботы крестьянкою Тренкою Талевымъ и посадскимъ человѣкомъ Семейкою Ведерникомъ. Талева сбвнялъ церковный дьячекъ Оничко Кичимовъ въ томъ, что Талевъ испортилъ его жену, напустивъ на нее иботу, а торговый человѣкъ Прокофій Охлупинъ донесъ на Ведерника, что онъ тоже, напущеніемъ иботы,

испортилъ торговыхъ людей Лалетина и Норицына.— По этому дѣлу, безъ обыска, Талева „пытали и огнемъ жгли и на пыткѣ три встряски были, и вбинули въ тюрьму“, а Ведерника пытали дважды и посадили въ тюрьму. По жалобѣ на все это Талева и Ведерника въ Четвертной Приказъ, велѣно было произвести объ нихъ обыски, дѣйствительно ли они людей портятъ, и если скажутъ на обыскѣ, что они людей не портятъ, то ихъ предписывалось въ такомъ случаѣ выпустить изъ тюрьмы. (Ак. ист. Т. II № 66). Въ 1647 году крестьявнинъ Мишка Ивановъ за чародѣйство былъ высланъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, гдѣ его держали „подъ крѣпкимъ началомъ“ (Ак. эк. Т. IV № 18).

Гаданія также воспрещались и влекли за собою строгое наказаніе. Такъ, въ 1628 году, церковный дьячекъ Семейко Григорьевъ, у котораго были найдены „гадальныя тетради“, именуемая „Рафля“, былъ высланъ въ Нижегородскій Печерскій монастырь, гдѣ онъ, скованный въ ножныя кандалы, занимался черными монастырскими работами въ теченіи года. (Ак. эк. т. III № 176).

7) Еретичество. Какъ наказывали за еретичество, видно только изъ частныхъ примѣровъ, общаго же постановленія по этому предмету не было.

Такъ, въ XV вѣкѣ, Псковичи казнили стригольниковъ смертію: но Митрополитъ Фотій, въ своемъ посланіи къ Псковичамъ 1427 года, увѣщевалъ ихъ казнить стригольниковъ „не смертными, а внѣшними казнями и заточеніями. Ак. ист. Т. I № 34). При Іоаннѣ III, совращавшихся въ жидовскую вѣру, наказывали градскою казнію (Ак. ист. Т. I № 285).

Въ XVI вѣкѣ, при царѣ Іоаннѣ IV, въ 1554 году, еретики Бурццынъ и Рукавовъ были подвергнуты въ Москвѣ смертной казни черезъ сожженіе (Ак. эк. Т. I № 239).

Въ XVII вѣкѣ, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ 1619 году, старуха княгиня Елена Мосальская выслана была изъ Москвы въ Горницкій женскій монастырь, вѣроятно за какое нибудь заблужденіе относительно вѣры, какъ объ этомъ можно заключить изъ самыхъ выраженій, употребленныхъ въ грамотѣ о высылкѣ старухи Мосальской. Въ монастырь предписано было „отдать ее подъ начало доброй и крѣпкой духовной старицы, которая бы ее къ спасенію привела и къ церкви велѣла бы ходить ежедневно,“ при чемъ запрещалось впускать къ ней кого либо въ монастырь, чтобы она, „зря на прелесть мірскую, не отпадала надеждою къ Богу (Ак. эк. Т. III № 104).

Въ 1623 году, князь Иванъ Хворостининъ, который „воскресеніе мертвыхъ лжюю быти вѣнн“, высланъ былъ за это въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, съ подтвержденіемъ держать относительно Хворостинина береженіе, чтобы къ нему никто не приходилъ и книгъ бы недобрыхъ и писемъ не приносилъ. Впрочемъ, князь Хворостининъ находился въ монастырѣ не болѣе мѣсяца и снова возвращенъ въ Москву (Ак. эк. Т. III №№ 147 и 149).

Въ 1632 году, по распоряженію патріарха Филарета Никитича, Нижегородскаго Воскресенскаго дѣвничьяго монастыря попъ Иванъ, за то, что смущалъ людей своимъ безумнымъ ученіемъ и въ людяхъ многую

смуту чинилъ, высланъ былъ въ Борельскій Никольскій монастырь, гдѣ велѣно было держать его въ хлѣбнѣ скованнымъ и заставлятъ его сѣять на братью муку цѣлый годъ, а послѣ года отписать въ Москву: „каково его житіе будетъ“ (Ак. эк. Т. III № 198).

8) Измѣна и лазутчество. Ни въ уставныхъ грамотахъ, ни въ Судебникахъ мы не встрѣчаемъ преступленія измѣны. Объ измѣнникахъ въ нашихъ актахъ упоминается со времени самозванцевъ, въ началѣ XVII вѣка; но съ ними расправлялись мѣстныя власти совмѣстно съ общинами. Такъ, напр., въ отпискѣ къ Вычегодцамъ въ 1609 году воеводы Вербышева сказано: „а мы на Вологдѣ послѣста измѣны нѣкоторыя не вѣдаемъ, а гдѣ въ комъ свѣдаемъ такую измѣну, и тѣхъ людей на Вологдѣ имаемъ и на пыткахъ брѣвскихъ пытаемъ, а по сыскѣ и по винѣ, кого доведется, измѣнниковъ и казни предаемъ съ Вологжаны вмѣстѣ“ (Ак. эк. Т. II № 99). Въ томъ же 1609 году, на Вяткѣ князь Ухтомскій и Василій Ивановъ, поговоря съ Вятчанами, пойманнаго съ воровскимъ листомъ отъ самозванца Чуватку Яковлева, пытали и огнемъ жгли на огнѣ, желая разузнать: кто его съ такимъ листомъ на Вятку прислалъ? Чуватка сказалъ, „что напросился самъ, чтобы на Вяткѣ смуту учинить, чтобы Государю Василію Ивановичу измѣнили. И его, Чуватку, за его воровство, всею Вятскою землею приговорили повѣсити“ (Ак. эк. Т. II № 100).

Въ 1634 году, бояринъ Михаи́лъ Шеинъ и окольнічій Измаи́ловъ съ сыномъ, за измѣну подѣ Смоленскомъ во время войны съ поляками, по приговору царя Ми-

апла Ѳедоровича и всѣхъ бояръ, присуждены были къ смертной казни чрезъ отсѣченіе головъ, что и совершено въ Москвѣ 28 апрѣля 1634 года; вотчины же, дворы и животы базненныхъ взяты въ казну (Ак. эк. Т. III № 251).

Постановленіе о лазутчикахъ, вредившихъ русскимъ интересамъ во время войны, издано царемъ Іоанномъ IV въ 1581 году и касалось частнаго случая. Именно, Кипріану Оничкову поручено было оберегать Поморье и Соловецкій монастырь отъ нападеній со стороны шведовъ, и при этомъ предписывалось: „сыскивать накрѣпко про мужиковъ Иломонскаго и Карьятскаго погостовъ,“ подозрѣвавшихся въ лазутчествѣ въ пользу шведовъ. Въ случаѣ, если бы оказалось, что мужики „воровали и лазучить ходили въ Нѣмцы и на наши мѣста Нѣмцовъ приводили,“ то таковыхъ мужиковъ велѣно было казнить смертію (Ак. эк. Т. I № 310 *).

VIII. Преступленія по службѣ.

1) Преступленія по службѣ централь-ныхъ судей, а также дьяковъ и подъячихъ въ Приказахъ. Если бояринъ, дворецкій, казначей или дьякъ (самостоятельно завѣдывавшіе Приказомъ)

*) Въ городахъ, пограничныхъ съ Литвой, у насъ были офиціальныя лазутчики, которые выбирались воеводами изъ посадскихъ людей и крестьянъ, изъ людей добрыхъ и разумныхъ; ихъ приводили къ присягѣ и посылали въ Литву лазучить и вѣстей всякихъ про-вѣдывать (Ак. ист. Т. III № 116).

обвиняли кого не по дѣлу, но „безъ всякой хитрости“, то не подлежали за то отвѣтственности, только судъ назначался съ головы, т. е. сначала. (Суд. 1550 г. ст. 2).

Но если означенные судьи обвиняли кого не по дѣлу за посулы, то, кромѣ платежа истцова иска, съ нихъ взыскивали втрое всѣ судебныя пошлины и подвергали нени по усмотрѣнію Государя (Суд. 1550 г. ст. 3).

Если же они обвинялись только въ томъ, что взяли лишнія судебныя пошлины, то пошлины эти взыскивались съ нихъ втрое (Суд. 1550 г. ст. 8, 9, 10, 33, 34, 42 и 74).

Если дьякъ составлялъ подложный судный списокъ или дѣла записывалъ не по суду, за посулъ, но безъ вѣдома судей, то дьяба заключали въ тюрьму (Суд. 1550 г. ст. 4).

Если дьякъ подписывалъ приставную грамоту, а въ приставной было иска меньше вѣда, или подписывалъ приставную безъ недѣльщика, то съ дьяба взыскивали искъ по приставной и пеню по усмотрѣнію Государя (Суд. 1550 г. ст. 44).

Если подъячій ради посула записывалъ дѣло не по суду, безъ дьячаго приказа, то подъячаго били кнутомъ (Суд. 1550 г. ст. 5).

Если у подъячаго вынимали дѣло или судный списокъ (долженствовавшій храниться у дьяка за печатью), то подъячаго били кнутомъ; если же у подъячаго отыскивали дѣло за городомъ или на подворьи (т. е. если дѣло было вынесено имъ изъ Приказа), то

подьячаго за это казнили торговою казнію и выкидывали пзъ подьяччхъ: „и ни у кого ему въ подьяччхъ не быти“. (Суд. 1550 г. ст. 28).

Если у подьячаго вынимали приставную срочную (срочныя должны были храниться у дьяковъ), то на дьякѣ взыскивали искъ, написанный въ срочной, а со своимъ подьячимъ дьякѣ самъ вѣдался. (Суд. 1550 г. ст. 41).

2) Преступленіе по службѣ мѣстныхъ судей и земскихъ дьяковъ. Если намѣстники и волостели, непозучившіе права боярскаго суда, и всѣ тіуны подвергали безъ доклада продажъ или казни тая, душегубца и вообще лихаго человѣка, или отпускали ихъ, то, сверхъ взысканія съ намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ истцовыхъ исковъ вдвое, ихъ заключали въ тюрьму до Государева указа (Суд. 1550 г. ст. 71).

За неправильное составленіе судныхъ списковъ, виновные въ томъ намѣстники, волостели и ихъ тіуны, по изобличенію ихъ въ этомъ преступленіи судными мужами, подвергались взысканію истцовыхъ исковъ и платежу пени по усмогрѣнію Государя (Суд. 1550 г. № 69).

Если оказывалось, что нѣкоторые изъ судныхъ мужей, при чтеніи имъ неправильно составленнаго намѣстниками, волостелями или ихъ тіунами суднаго списка, только „по списку такали“, подтверждаютъ его справедливость, и такимъ образомъ принимали участіе въ преступленіи, то такихъ судныхъ мужей подвергали такому же наказанію, какъ судей (Суд. 1550 г. № 69).

За выдачу кому холопа или рабы безъ доклада, ямьстники и волостели, немѣвшіе права боярскаго суда, подвергались взысканію убытковъ вдвое въ пользу того господина, отъ коего отсужденъ былъ холопъ или раба. Если это дозволялъ себѣ тиунъ, то, сверхъ взысканія съ него убытковъ, его заключали въ тюрьму (Суд. 1550 г. ст. 66 и 67).

Губныхъ старостъ за понаровку разбойникамъ подвергали бязни и продажѣ, а также взыскивали безъ суда вдвое иски людей, ограбленныхъ разбойниками (Ак. эк. Т. I №№ 187, 192 и 194).

Губнымъ монастырскимъ приказчикамъ, за небреженіе отпосигельно сыска татей и разбойниковъ въ монастырскихъ селахъ, грозили смертною казнію и взысканіемъ истцовыхъ исковъ безъ суда (Ак. эк. Т. I № 330).

Излюбленные судьи, если они судили непрямо, другу въ судѣ норовили, а недругу мстили, имали посулы и поминки, чинили обиды и насилія, и ихъ хитростію или небреженіемъ учпялось какое либо дѣло, подвергались смертной казни „безъ отпросу“, шпвоты ихъ отдавались истцамъ, а остатокъ животовъ тому, кто на нихъ о томъ доводилъ (Ак. эк. Т. I №№ 231, 242, 243. 250; Ак. эк. Т. III № 126).

Такая угроза смертію излюбленнымъ судьямъ едва-ли приводилась когда либо въ исполненіе. Такъ, напр., въ 1596 году, излюбленный судья Василій Леонтьевъ за то, что дружилъ и паровилъ крестьянамъ, по дѣлу ихъ съ Богоявленскимъ монастыремъ о землѣ, не подвергся за то никакой отвѣтственности, а только

самое дѣло было взято отъ него и передано на рѣшеніе другому судѣ (Ав. ист. Т. I № 248).

Если земскіе дьяки записывали судныя, обыскныя и всякія дѣла не предъ губными старостами и не предъ излюбленными судьями, или держали дѣла у себя, то такихъ земскихъ дьяковъ, вмѣстѣ съ губными старостами и излюбленными судьями, велѣно было казнить смертію, а животы ихъ отдавали тому, кто на нихъ объ этомъ преступленіи доводитъ (Ав. эк. Т. I №№ 234 и 257; Ав. ист. Т. I № 165).

Мы не думаемъ, чтобы такой жестокой законъ имѣлъ когда либо практическое примѣненіе. Самая его жестокость, несоотвѣтственная существу проступка, ясно догадывается, что онъ былъ изданъ ради одного устрашенія. И дѣйствительно, въ 1606 году, царемъ Василиемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, этотъ непрактическій законъ былъ отиѣненъ, и постановлено было: „а учнетъ земскій дьячекъ судныя и обыскныя и всякія дѣла записывати одинъ, не предъ излюбленными судьями, или которое дѣло земскій дьячекъ учнетъ держати у себя, и кто на нихъ доведеть, и излюбленными судьями и тѣмъ дьячкамъ быти отъ насъ (царя) въ великой опалѣ и животы ихъ велимъ взять на насъ“ (Ав. эк. Т. II № 52).

3) Преступленія по службѣ недѣльщичковъ, доводчиковъ и другихъ должностныхъ лицъ. Если недѣльщикъ бралъ посулъ за судью или за себя, то недѣльщика казнили и торговою казнію, взыскивали съ него втрое больше посула и исключали изъ недѣль (Ав. ист. Т. I № 153 ст. 32).

За причиненіе кому нибудь какой обиды ѣздо-
бомъ, ѣздившимъ отъ котораго либо недѣльщика, искъ
обиженнаго брали съ недѣльщика, а самаго ѣздока каз-
нили торговою казнію (тамъ же ст. 47).

Если ловили ѣздока, незаписаннаго въ бѣлгахъ ни
за какимъ недѣльщикомъ, то ѣздока казнили торговою
казнію и взыскивали съ него истцовъ искъ безъ суда
(тамъ же, ст. 47).

Когда недѣльщикъ выходилъ изъ недѣль, то ѣздки
его въ томъ же городѣ не могли ѣздить отъ другаго
недѣльщика. За нарушеніе этого правила, такого ѣздо-
ка подвергали торговой казни и заключали въ тюрьму,
а искъ брали на томъ недѣльщикѣ, отъ котораго озна-
ченный ѣздокъ ѣздилъ (тамъ же, ст. 47).

Если ѣздокъ ѣздилъ въ томъ же городѣ, въ кото-
ромъ жилъ, то съ него брали истцовъ искъ безъ суда
и казнили торговою казнію (тамъ же ст. 47).

За причиненіе „заговорщикомъ“ (т. е. участникомъ
въ артели недѣльщиковъ) кому либо продажи и обидъ,
истцовъ искъ брали на всемъ заговорѣ (т. е. со
всей артели), а самаго заговорщика заключали въ
тюрьму (тамъ же, ст. 47).

Если недѣльщикъ отпускалъ татя или разбойника
за посулы, или отдавалъ татя на поруки безъ доклада
и безъ боярскаго и безъ дьячаго вѣдома, то съ такого
недѣльщика брали истцовъ искъ вдвое, казнили его
торговою казнію, заключали въ тюрьму и подвергали
пени по усмотрѣнію Государя (тамъ же, ст. 53 и 54).

Доводчики и вообще намѣстничьи и волостельныя
люди, при отдачѣ кого либо на поруки до суда и

послѣ суда, должны были, если не было порукъ, заявлять о томъ въ городѣ—городовому приказчику, дворскому, старостѣ и цѣловальникамъ, а въ волости—старостѣ и цѣловальникамъ которые у намѣстниковъ, волостелей и ихъ тиуновъ въ судѣ сидѣли. Если же доводчики не исполняли этого требованія, и, не явя означеннымъ лицамъ, сводили къ себѣ человека, непявшаго порукъ, и ковали, то съ нихъ брали безчестіе и псаи вдвое (тамъ же, ст. 70).

Въ старину у разныхъ денежныхъ сборовъ въ пользу казны находились особыя цѣловальники. Такихъ цѣловальниковъ, за нерадѣніе по порученному имъ дѣлу и корыстолюбіе, били батогами и отставляли отъ должностей (Ак. эк. Т. III № 313).

Расхищеніе казны должностными лицами называлось татьбою, и потому, вѣроятно, и называлось, какъ татьба (Ак. ист. Т. 11 № 98).

4) Царскіе выговоры за преступленія по службѣ. За преступленія по службѣ, безъ преданія виновныхъ суду, объявлялись имъ иногда только выговоры отъ имени царя. Такъ, напр., въ 1607 году, царь Василій Ивановичъ Шуйскій объявилъ выговоръ пермскому воеводѣ, князю Вяземскому, за притѣсненіе имъ вятскихъ торговыхъ людей, прѣзжавшихъ для торговли въ Пермь. Вятчане жаловались, что князь Вяземскій ихъ мучилъ на правожѣ, билъ и увѣчилъ. За это князю Вяземскому объявленъ былъ отъ царя выговоръ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „ты то дѣлаешь негораздо, дуростью, воровствомъ, по посуламъ, и ты бѣ впередъ такъ не дуровалъ, Вятскихъ торговыхъ людей

напрасно не билъ и продажи и насильства имъ не чинилъ“ (Ак. эк. Т. II № 78).

Въ 1608 году былъ объявленъ выговоръ царемъ Василиемъ Ивановичемъ Шуйскимъ подъячелу Романову, по жалобѣ на него воеводы пермскаго Федора Акинфова, что Романовъ его не слушаетъ, пишетъ дѣла у себя на подворьѣ съ земскими дьячками, а въ судную избу не ѣздитъ. За такия дѣйствія Романову былъ объявленъ отъ царя выговоръ въ такой формѣ: „ты то дѣлаешь воровствомъ, что пишешь дѣла наши у себя на подворьѣ съ земскими дьячки и судныя дѣла судишь и приговариваешь одинъ, безъ Федора, а его имя въ приговоръ пишешь за очя и въ судную избу не ѣдишь, и только впередъ учишь такъ дѣлати, и тебѣ пѣзъ Перми быти сослану въ Сибирь“ (Ак. эк. Т. II № 86).

Въ 1630 году царемъ Михаиломъ Федоровичемъ былъ объявленъ выговоръ пермскому воеводѣ Линеву за то, что онъ отказалъ Философову, назначенному приставомъ при ссыльномъ нѣмцѣ Дорнѣ, посадить въ тюрьму сторожей, оберегавшихъ Дорна, за нерадивое исполненіе ими своихъ обязанностей, говоря, что тюрьма поставлена на татей и разбойниковъ, а не на сторожей. Выговоръ объявленъ былъ въ слѣдующихъ словахъ: „ты то дѣло дѣлаешь негораздо, плутаешь, что велишь на сторожей ставить особую тюрьму; только для сторожей сдѣлать новая тюрьма, и то будетъ недешево, да и нечего для того тюрьмы ставить, чтобы мужика на день вкнутъ въ тюрьму. А только впередъ такъ станешь плутать, и тебѣ отъ насъ быть въ опалѣ“ (Ак. ист. Т. III № 163).

Изъ всего изложеннаго нами въ этой главѣ видно, что за преступленія въ XIV, XV, XVI и въ половинѣ XVII вѣковъ назначались слѣдующія наказанія:

1) Смертная казнь, совершавшаяся преимущественно чрезъ повѣшеніе, а иногда чрезъ сожженіе и отсѣченіе головы.

2) Лишеніе свободы, именно тюремное заключеніе на опредѣленный срокъ или до смерти, или заключеніе въ монастырь, вѣроятно до исправленія.

3) Тѣлесныя наказанія, какъ то: наказаніе батогами, бвutomъ и отсѣченіе руки.

4) Денежныя взыскапія, подь названіемъ продажъ, заповѣдей, пеней, вытей и истцовыхъ исковъ вдвое и пр.

Наказанія эти назначались то отдѣльно, то по нѣсколькѣ разомъ. Бъ нимъ присоединялась иногда высылка въ отдаленные города, преимущественно украинскіе, выбитіе изъ волости вонъ и ограбленіе, что напоминаетъ „потокъ и разграбленіе“ по Русской Правдѣ, наложеніе на преступника клеймъ, удаленіе отъ званія подьячаго и выкинутіе изъ недѣль.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сыскъ, судъ и управа по уголовнымъ дѣламъ.

Всѣ уголовныя дѣла по разсмотрѣннымъ нами преступленіямъ были трехъ родовъ. По однимъ изъ такихъ дѣлъ давали судъ, въ особомъ судопроизводственномъ значеніи этого слова; по другимъ — производили сыскъ, сыскивали всякими сыски накрѣпко, а по третьимъ, по очевидности проступковъ, чинили управу, т.е. подвергали наказанію безъ формальнаго о нихъ суда. Такимъ образомъ, дѣла уголовныя раздѣлялись на управныя, судныя и сыскныя. (Ак. эк. Т. I № 234; Ак. ист. Т. I № 221; Ак. эк. Т. III №№ 34 и 325).

Слово „управа“ не всегда, впрочемъ, означало расправу безъ суда; напротивъ, оно понималось и въ смыслѣ отвѣтственности за преступленіе, хотя бы назначенію такой отвѣтственности предшествовалъ судъ или сыскъ. Это видно изъ слѣдующихъ выраженій разныхъ древнихъ грамотъ: „давати судъ и управа“, или „въ душегубствѣ, и въ татьбѣ, и въ разбоѣ, и о вся-

внхъ дѣлахъ земскихъ управа чинити по Судебнику“, или „да по своему суду и по сысву межъ ними управу учинитъ“ (Ак. ист. Т. I № 221, II; Ак. эк. Т. I № 234; Ак. эк. Т. II № 43; Ак. эк. Т. III № 126).

Но несомнѣнно и то, что управа иногда производилась безъ всякаго суда или сысва. Такъ напр. за насильственные поборы съ брестьянъ правительственными ѣздоками и за самовольные прѣѣзды на пиры и братчины—виновныхъ наказывали взысканіемъ съ нихъ причиненныхъ ими убытковъ безъ суда. Точно также безъ суда взымалась и пеня за неплатежъ тамги за товары; но если торговые люди утверждали, что они заплатили тамгу таможенникамъ, а послѣдніе такой платежъ отрицали, то тогда только, для разрѣшенія возникшаго спора, „давали судъ и обыскомъ обыскивали“ (Ак. эк. Т. I № 269). Такимъ образомъ, управными дѣлами въ тѣсномъ смыслѣ назывались такія дѣла, за которыя большею частію назначали наказаніе прямо безъ суда. Это по преимуществу были тѣ дѣла, по которымъ не возникало частныхъ исковъ, а нарушались только распоряженія правительства самовольствомъ или явнымъ ослушаніемъ. Въ подобныхъ случаяхъ быстрая кара считалась необходимою; но если обвиняемый представлялъ доказательства своей невинности, то могъ производиться судъ и по управнымъ дѣламъ.

Что касается судебныхъ и сыскныхъ дѣлъ, то для опредѣленія ихъ сущности и различія въ судопроизводствѣ по нимъ, необходимо вникнуть въ слѣдующія выраженія нашихъ древнихъ актовъ:

„Взыщеть кто на комъ бою и грабежу, и то сыскивати, а сыщуть, что на него бой и грабежь былъ, и потому отвѣтника обвинити. А на грабежь видоковъ нѣтъ (а на грабежь сыску нѣтъ), и въ томъ присуждати цѣлованіе. Кто въ чемъ скажется виновать, то на немъ взяти, а въ достали судъ и правда и крестное цѣлованіе. А кого приведуть съ поличнымъ впервые, ино его судити, да про него обыскивати, и назовуть его въ обыскѣ лихимъ человекомъ, ино пытати, а скажетъ на себя самъ, ино его казнити смертною казнію. А скажутъ въ обыску, что онъ добрый человекъ, и того поличнаго сыскивати судомъ, и дѣло вершити по суду. На которыхъ людей истцы бьютъ челомъ въ татѣбѣ и въ разбоѣ имянно, безъ поличнаго, безъ язычной молвки, и не по лихованнымъ обыскамъ, то тѣхъ челобитчиковъ отсылать изъ Разбойнаго Приказа въ Судный Приказъ, гдѣ кто судимъ, а будетъ въ Судномъ Приказѣ сыщется, что тѣ дѣла дошли до пытокъ, то тѣхъ истцовъ и отвѣтниковъ изъ Суднаго Приказа отсылати въ Разбойный Приказъ“ (Ак. ист. Т. I № 165; Ак. эк. Т. I №№ 257 и 269; Ак. эк. Т. II № 36; Ак. ист. Т. III № 167 ст. 18).

Изъ всего вышесказаннаго усматривается, что слова: судъ, судити, имѣли общее и частное значеніе. Въ общемъ смыслѣ всякое судебное разбирательство какого-бы ни было дѣла называлось судомъ. Производили судъ не только по маловажнымъ преступленіямъ, какъ-то о бояхъ, но и по болѣе важнымъ, напр. о разбояхъ. Но въ тѣсномъ смыслѣ подъ судомъ разумѣли особый порядокъ судопроизводства, от-

личный отъ сыска; напр. воръ, пойманный съ поличнымъ и признанный на обыскѣ добрымъ человекомъ, судился судомъ, а не сыскомъ и дѣло о немъ вершилось по суду, и не въ Разбойномъ Приказѣ, а въ одномъ изъ Судныхъ Приказовъ. Съ другой стороны, когда обвиняемые въ татьбахъ и разболахъ безъ поличнаго, переданные для суда изъ Разбойнаго въ Судные Приказы, доходили до пытокъ, то такихъ обвиняемыхъ снова передавали въ вѣдомство Разбойнаго Приказа, т. е. прекращали судъ и начинали сыскъ. И такъ, судомъ назывался такой порядокъ судопроизводства, при которомъ не было пытокъ, а доказательствами служили: свидѣтельскія показанія, поле и брестное цѣлованіе. Разсматривавшіяся этимъ порядкомъ дѣла, какъ уголовныя, такъ и гражданскія, назывались судными дѣлами.

Что касается словъ: сыскъ, обыскъ, сыскивати, обыскивати, то они имѣли также значеніе общее и частное.

Въ общемъ смыслѣ обыски могли производиться по всякимъ уголовнымъ дѣламъ, какъ по суднымъ, такъ и по сыскнымъ. Но при судѣ, какъ особомъ порядкѣ судопроизводства, обыски чрезъ окольныхъ людей или чрезъ послуховъ и видоконъ производились для изслѣдованія факта преступленія и отношенія къ нему обвиняемаго, а при сыскѣ, въ частномъ значеніи этого слова, обыски производились для опредѣленія не только того, виновенъ ли обвиняемый во взведенномъ на него преступленіи, но и того, лихой ли онъ человекъ или нѣтъ, т. е. слѣдуетъ ли его под-

вергнуть пытке или не слѣдуетъ. Такой сыскъ, который могъ вести къ пытке, и при которомъ дѣло рѣшалось по пыточнымъ рѣчамъ обвиняемаго, рассматривался какъ особый порядокъ судопроизводства, отличный отъ производства суда въ тѣсномъ смыслѣ. Дѣла, къ которымъ примѣнялся такой сыскъ, назывались сыскными и дѣлами.

Такимъ образомъ судъ и сыскъ составляли двѣ особыя формы судопроизводства.

Сыскъ, какъ особый порядокъ судопроизводства, употреблялся только при рѣшеніи дѣлъ о важнѣйшихъ уголовныхъ преступленіяхъ, влекшихъ за собою при извѣстныхъ обстоятельствахъ смертную казнь. Сюда относятся татьба съ поличнымъ, разбой, душегубство, поджогъ, ябдничество, подписка, измѣна и пр. Другія же преступленія, за которыя назначались временное заключеніе въ тюрьмѣ или въ монастырѣ, наказаніе кнутомъ или денежныя взысканія, если только эти преступленія не подлежали управѣ безъ суда, рассматривались не сыскнымъ, а суднымъ порядкомъ.

Однакожъ, нельзя оставить безъ вниманія того обстоятельства, что и при важнѣйшихъ, означенныхъ выше преступленіяхъ, сыскъ, какъ особый порядокъ судопроизводства, не всегда употреблялся. Такъ напр., дѣла о татьбахъ и разбояхъ безъ поличнаго, когда противъ обвиняемыхъ исцы не представляли никакихъ другихъ доказательствъ, кромѣ поля и крестнаго цѣлованія, рассматривались формою суда, а не сыска, на что указываютъ и часто встрѣчающіяся въ нашихъ актахъ выраженія: „а побьются на полѣ въ поджогѣ,

или душегубствѣ, или въ разбоѣ или татѣбѣ". Извѣстно, что порядокъ сыска не допускалъ поля, и что если оно, какъ видно изъ приведенныхъ выраженій, допускалось, то это означаетъ, что противъ обвиняемыхъ въ означенныхъ преступленіяхъ не было представлено истцами никакихъ другихъ доказательствъ, кромѣ поля, т. е. суда Божія, и потому въ подобныхъ случаяхъ и важныя уголовныя дѣла разсматривались судомъ, а не сыскомъ.

Но иногда и при полныхъ доказательствахъ вины, напр. по дѣламъ о душегубствѣ и о поджогахъ, сыска не производили, а дѣло рѣшалось по суду, и влекло за собою не смертную казнь, а лишь денежныя взысканія. Эта повидному очевидная непоследовательность объясняется тѣмъ, что убійцы и поджигатели, не смотря на всю тягость ихъ преступленій, не всегда, по господствовавшимъ въ древности понятіямъ, считались лихими людьми, которые одни только и подлежали сыску и казни. Поджигателей и убійцъ не признавали лихими людьми, если они совершали убійства и поджоги не при разбояхъ, а при ссорахъ или пьянымъ дѣломъ. Поэтому, даже умышленные поджигатели, если поджогъ сдѣлали они изъ неудовольствія на кого либо, а не при разбоѣ, не подвергались смертной казни, а приговаривались порядкомъ суда къ взысканію причиненныхъ ими убытковъ (Ак. юр. № 10). Дѣла объ убійствахъ при самовольныхъ набѣздахъ на чужія земли, вслѣдствіе сосѣдскихъ ссоръ и несогласій, а также при дракахъ, и не умышленіемъ, а пьянымъ дѣломъ-влекли

за собою тоже лишь плату по суду головничества и могли прекращаться миромъ (Ак. юр. №№ 17 и 270).

Кромѣ того, составители подложныхъ документовъ, напр. купчихъ, какъ завѣдомо лихіе люди, судились сыскомъ и подвергались пыткамъ, а тѣ, кои подговаривали ихъ въ свою пользу къ такому преступленію, не считались лихими людьми, и потому судились порядкомъ суда и несли лишь денежную отвѣтственность. Такъ напр., подписчикъ Васька Ивановъ, человекъ убогій, кормившійся перомъ, жившій въ Москвѣ у людей гдѣ день, гдѣ ночь, и судившійся прежде за подписки, уличенъ былъ въ 1547 году въ составленіи подложной купчей крѣпости, по подговору князя Юрія Токмакова, желавшаго присвоить себѣ вотчину Ивана Шереметева. За это Васька Ивановъ былъ пытанъ, и слѣдовательно судился сыскомъ, а подговорившій къ преступленію Иванова, князь Токмаковъ, судился судомъ и приговоренъ былъ лишь къ денежной отвѣтственности (Ак. юр. Калачева № 52, V).

Очевидно, что лихими людьми считались лица, совершавшія важныя преступления какъ бы въ видѣ промысла; единичные же случаи противозаконныхъ дѣланій, не смотря на всю ихъ возмутительность, не дѣлали еще, по господствовавшему у насъ въ старину понятіямъ, человека завѣдомо лихимъ, и потому преступники сего рода всегда судились судомъ, исключая татей и разбойниковъ, и то не всегда подлежащихъ сыску, какъ мы указали выше.

Все сказанное нами въ этой главѣ приводитъ къ

тому выводу, что по уголовнымъ дѣламъ въ старину производились: управа, судъ и сыскъ въ тѣсномъ значеніи этихъ словъ.

Управа состояла въ безотлагательномъ наказаніи виновныхъ безъ суда.

Судъ, какъ особый порядокъ судопроизводства, принималъ за доказательства свидѣтельскія показанія, поле и крестное цѣлованіе, а сыскъ, въ смыслѣ отдѣльной формы уголовного процесса, — исключительно пытку.

Сыску подлежали только важнѣйшія уголовныя дѣла, и то при извѣстныхъ обстоятельствахъ, именно при основательности уликъ и при несомнѣнности, что обвиняемые были или могли быть, по роду сдѣланныхъ ими преступленій, завѣдомо лихими людьми. Главнымъ образомъ сыскной порядокъ примѣнялся къ разбоямъ и татбамъ съ поличнымъ, а также къ душегубствамъ и поджогамъ, совершеннымъ при разбояхъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Поручительство и личное задержание по суднымъ и сыскнымъ дѣламъ.

Прежде нежели приступимъ къ разсмотрѣнiю порядка судопроизводства по сыскнымъ и суднымъ дѣламъ, постараемся уяснить въ краткомъ очеркѣ значенiе по древнему нашему праву поручительства и личнаго задержанiя, такъ какъ о томъ и другомъ намъ придется постоянно упоминать впоследствии, и потому необходимо въ совокупномъ изложенiи представить о нихъ предварительно волюнѣ ясное и точное понятiе.

а) Поручительство.

Порука въ старину имѣла у насъ самое обширное примѣненiе какъ на судѣ, такъ и вѣн суда, и потому се можно раздѣлить на несудебную и судебную.

Несудебная порука примѣнялась во многихъ и въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ жизни. Порученныя записи давались: въ исправномъ исполненiи долж-

ностей, какъ то должностей недѣльщиковъ, стрѣльцовъ, земскихъ и церковныхъ дьячковъ, въ точномъ исполненіи подряда и поставки, въ окончаніи на срокъ той или другой работы и проч. (Ак. юр. №№ 289—331; Ак. эк. Т. I № 274).

Судебная порука была двухъ видовъ. Эти виды въ Судебникѣ 1550 г. различены такъ: порука до суда и порука послѣ суда (Ак. ист. Т. I № 153 ст. 70); въ уставной же книгѣ Разбойнаго Приказа они весьма удачно названы: порукою къ суду и порукою съ суда (Ак. ист. Т. III № 167 стр. 303). Первая изъ нихъ называлась еще статною порукою отъ употреблявшихся въ поручныхъ записяхъ словъ: „стать или ставиться къ суду“ (Ак. ист. Т. III № 167 стр. 308; Ак. юр. № 307, I, П. III).

Скажемъ отдѣльно о каждой изъ этихъ порукъ.

1) Порука къ суду.

Порука къ суду составляла первоначальную мѣру противъ уклоненія отъ судебного разбирательства и употреблялась исключительно въ судныхъ дѣлахъ, какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ. Въ сыскныхъ же дѣлахъ порука къ суду не применялась, а замѣнялась отдачею обвиняемыхъ „за пристава,“ о чемъ мы скажемъ ниже. Если тати и разбойники и отдавались иногда на поруки, то лишь въ томъ случаѣ, когда о нихъ, по недостаточности уликъ, производился судъ, а не сыскъ (Ак. эк. Т. II № 120).

Порука къ суду по суднымъ дѣламъ, т. е. отдача

лицъ. прикосновенныхъ къ дѣлу, подъ надзоръ поручителей, состояла въ томъ, что съ послѣднихъ бралась приставомъ поручная записка, въ которой они ручались, что истецъ или отвѣтчикъ явятся въ назначенный срокъ на судъ. Такія поручныя записки брались не только относительно явки на судъ кого либо предъ правительственными судьями, но также относительно явки на судъ предъ судьями вотчинными.

Приведемъ для примѣра двѣ поручныя записки къ суду въ подлинномъ ихъ текстѣ, хотя нѣсколько въ сокращенномъ видѣ.

На монастырскаго слугу Тихвинскаго Богородицкаго монастыря, Ѳедора Кошелева, было взведено въ 1635 году пришлымъ челоукомъ Осипомъ Никитинымъ обвиненіе (безъ поличнаго) въ кражѣ у него двухъ лошадей. Дѣло подлежало разсмотрѣнію монастырскаго вотчиннаго суда, именно игумена съ братьею, а потому велѣно было монастырскому приказчику Василію Климентьеву, исполнявшему обязанности пристава, отдать Кошелева на поруки относительно явки его къ суду. Поручителями по Кошелевъ явились Булыгинъ и Ояковъ, которыми и дана была Климентьеву слѣдующая поручная записка.

„Се язь Карпъ Булыгинъ да язь Ѳедотъ Ояковъ выручили есми у приказнаго Василія Климентьева Пречистыя Богородицы Тихвина монастыря слугу Ѳедора Кошелева, въ томъ, что на него билъ челоукъ пришлый челоукъ Осипко Никитинъ въ дву лошадахъ: и сму Ѳедору, за нашею порукою, ставитъся предъ государемъ игуменомъ съ братьею въ монастырѣ, покамѣсть

дѣло вершится; а будетъ онъ, Ѳедоръ, не учнетъ ставиться по вся дни, пока мѣсть его въ томъ дѣлѣ спроситъ, и мы поручники Карпъ и Ѳедотъ въ его Ѳедорово мѣсто. А на то послухъ Потапьевъ“ (Ак. юр. № 307, 1).

Другое дѣло, по которому поручную запись мы изложимъ ниже, производилось въ Москвѣ, по всей вѣроятности, въ Приказѣ Большаго Дворца, такъ какъ дѣло это касалось двухъ монастырей. — Оно состояло въ томъ, что слуга Богоявленскаго монастыря (подворья Троицко-Сергіева монастыря въ Москвѣ), Власть Мартыновъ, купилъ лошадь у крестьянина Троицко-Ипатьевского монастыря, Тимоея Андреева, а потомъ сталъ сомнѣваться, не купилъ ли онъ лошадь браденую. По челобитной о томъ Мартынова, Тимоея Андреевъ показалъ на допросѣ, что онъ самъ купилъ эту лошадь у слуги Троицко-Ипатьевского монастыря, Пимена Тихонова. Такимъ образомъ, оказывалась надобность допросить на судѣ Пимена Тихонова, на котораго надало подозрѣніе въ продажѣ краденой лошади. Поэтому съ приставною грамотою былъ посланъ изъ Москвы въ Бострому приставъ (недѣльщикъ) Тимоей Захаровъ, для отдачи Тихонова на поруки относительно явки его на судъ. Вслѣдствіе сего, Захаровымъ была взята по Пименѣ Тихоновѣ въ 1613 году слѣдующая поручная запись:

„Се язь Бузьма Игнатьевъ, да язь Осипъ Артемьевъ, да язь Пятой Аксентьевъ, да язь Второй Семеновъ, а прозвищемъ Холопъ, да язь Смирной Басаевъ, Троицкіе крестьяне Ипатьевского монастыря, выручили есмь у пристава Тимоея Захарова Троицкаго слугу Пимена

Тихонова, въ томъ, что ему, за нашею порукою, стать на Москвѣ, что билъ челомъ на Троицкаго крестьянина Тимошу Андреева Богоявленскаго монастыря слуга Власъ Мартыновъ, что тотъ Власъ купилъ лошадь у Тимоши, а тотъ Тимоша купилъ ту лошадь у того Пимена: и тому Пимену ѣхать за нашею порукою къ Москвѣ и очистить того Тимошу; а не поѣдетъ тотъ Пименъ за нашею порукою къ Москвѣ и не станеть у очищенья, ино на насъ на поручникахъ проѣсть и волокита взять Тимошѣ и убытки всѣ. А на то послухъ Потапъ Григорьевъ, церковный дьячекъ“ (Ак. юр. № 295).

Иногда въ поручныхъ записяхъ къ суду отвѣтственность поручителей опредѣлялось такъ: „на насъ на поручникахъ взять истцовъ искъ весь сполна и убытки“. Въ нѣкоторыхъ изъ записей прибавлено еще: „и пеня, что Государь укажетъ“. (Ак. юр. № 307. II—VII).

Если по судному дѣлу у отвѣтника не находилось поручителей, то онъ отдавался, какъ и обвиняемый по сыскному дѣлу, „за пристава“. Въ чемъ состояла эта отдача мы объяснимъ ниже.

2) Порука съ суда.

Порука съ суда употреблялась какъ въ сыскныхъ, такъ и въ судныхъ дѣлахъ.

По сыскнымъ дѣламъ, по окончаніи суда, отдавались на поруки: 1) тати, уличенные въ первой татьбѣ, послѣ наказанія ихъ кнутомъ; 2) оговоренные въ разбоѣ, если обыска о нихъ нельзя было сдѣлать,

а они не сознавались въ преступленіи послѣ пытокъ; 3) укрыватели татейной и разбойной ружьяди; 4) покупщики завѣдомо похищенныхъ вещей, добытыхъ разбоемъ.—Самая порука съ суда въ татейныхъ, разбойныхъ и вообще въ сыскныхъ дѣлахъ состояла въ ручательствѣ поручителей, что лицо, взятое ими на поруку, не будетъ впередъ, подѣ ихъ надзоромъ, красть и никакимъ воровствомъ промышлять.

Приведемъ для ясности образецъ такой поруки.

Мордвинъ Богдашка Мелишевъ и мордвинъ Маляка Щаевъ были пойманы съ поличнымъ, съ краденымъ медомъ изъ бортнаго дерева, и, послѣ пытки, какъ сознавшіеся въ первой татейбѣ, наказаны батогами, вмѣсто бнута, и отданы на чистыя поруки съ записью.

Эта записъ заключалась въ слѣдующемъ:

„Се язь Данило Жубанъ, да язь Ерема Исаевъ, да язь Малко Мелишевъ и др. всѣ мы порутчики поручились есми приставу Любиму Мартынову по Богдашкѣ Мелишевѣ и Малякѣ Щаевѣ въ томъ, что приведенъ онъ Богдашка съ краденымъ медомъ, а Маляка Щаевъ съ нимъ въ той кражѣ былъ товарищъ, и имъ Богдашкѣ и Малякѣ впредь, за нашими поруками, меду не красть и никакимъ воровствомъ не промышлять; а буде, они, Богдашка и Маляка, впредь учнутъ за нашу порукою красть, или какимъ воровствомъ промышлять, и на насъ, на порутчикахъ, пени Великаго Государя, а пени намъ порутчикамъ, что Великій Государь укажетъ“.
(Ак. гор. Калачева № 100 стр. 624).

По суднымъ дѣламъ, какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ, порука съ суда состояла въ ручатель-

ствѣ или о добромъ впредь поведеніи лица, отдававшася на поруки, или о неуклоненіи обвиненнаго отъ правеза и платежа иска.

Такъ напр., по судному дѣлу объ убійствѣ въ дракѣ, производившемуся въ 1621 году, въ вотчинномъ монастырскомъ судѣ, 26 человекъ крестьянъ дали поручную запись приказчику Меншикову по Иванѣ Петровѣ и сынѣ его Нежданѣ въ томъ: „что былъ грѣхъ таковъ: Ивановъ сынъ Нежданъ съ Овдійкомъ Ковригинымъ убили до смерти крестьянина, сосѣда Иванова, Перваго Задворнаго: и впредь Ивану Петрову и сыну его Неждану, живучи за нашею порукою, тѣми лихими дѣлами не промыслять, никакихъ лихихъ дѣлъ не чинить, и на ту вдову на Матрену и на ея дѣти никакимъ зломъ не помышлять, и убійства смертнаго не чинить. А учнетъ Иванъ или сынъ его Нежданъ впредь такимъ воровскимъ дѣломъ промыслати и такое бездѣліе чинити, и на ту вдову и на ея дѣти зло помышляти, ино на насъ на поручникахъ, по сей поручной записи, 50 рублей денегъ взяти“. (Ак. юр. № 301, I).

Въ примѣръ поруки съ суда о правезной ставкѣ приведемъ слѣдующую поручную запись:

По судному дѣлу между Бѣлозерскими посадскими людьми Реутовымъ и Ширяевымъ было опредѣлено судьей взыскать съ Ширяева 20 рублей. По окончаніи суда, 6 человекъ Бѣлозерцевъ поручились приставу Бубнову, исполнявшему рѣшеніе судьи, въ томъ, что Ширяевъ будетъ ставиться на Бѣлозерѣ у приказной избы на правезѣ по вся дни, и съ Бѣлоозера, не заплатя тѣхъ денегъ, не съѣдетъ, въ противномъ случаѣ поручители

обязывались заплатить пеню, что Государь уважаетъ и истцовъ искъ (Ав. юр. № 316, III).

Если порукъ съ суда не находилось, то, по сыскнымъ дѣламъ, обвиненныхъ сажали въ тюрьму, пока отыскивалась порука, а по суднымъ дѣламъ обвиненныхъ отдавали „за пристава“, какъ скажемъ о томъ ниже.

б) *Личное задержаніе.*

Говоря о поручительствѣ, мы не разъ упоминали объ отдачѣ „за пристава“, а также и о заключеніи въ тюрьму. Поговоримъ теперь подробнѣе объ этихъ двухъ видахъ личнаго задержанія.

1) Отдача за пристава.

Отдача „за пристава“ состояла въ томъ, что тѣ или другія лица по разнымъ преступленіямъ передавались на руки приставу (недѣльщику или доводчику) на сохраненіе, т. е. подвергались аресту. Приставъ, которому отдавался кто либо на сохраненіе, вводилъ его къ себѣ въ домъ и могъ даже заковывать его въ желѣза. За такой надзоръ за арестованнымъ приставу давалась извѣстная пошлина, но арестованный содержался при этомъ на свои собственныя средства или на средства своихъ родныхъ.

По сыскнымъ дѣламъ всякій обвиняемый немедленно, до окончанія суда, отдавался за пристава, т. е. подвергался аресту, такъ какъ поручительство въ этомъ случаѣ не допускалось.

По суднымъ дѣламъ отдача „за пристава“ имѣла мѣсто какъ до суда, такъ и послѣ суда, и всегда только по неотысканію порукъ. Это видно: 1) изъ Двинской уставной грамоты 1398 года, въ которой сказано: „а по желѣзнаго взяти четыре бѣлки только челоувѣа скують, а не будетъ по немъ поруки, а чрезъ поруку не ковать“ (Ак. эк. Т. I № 13); 2) изъ Судебника 1550 года, гдѣ говорится что если по комъ поруки не было, то намѣстничьи и волостелины люди могли сводить такихъ людей къ себѣ въ домъ и ковать, предъявивъ ихъ напередъ въ городѣ городовому приказчику, а въ волости—старостѣ и цѣловальникамъ (Ак. ист. Т. I № 153 ст. 70); 3) изъ уставной грамоты Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря 1593 года, въ которой постановлено: „а по желѣзнаго доводчику имати съ челоувѣа по 2 деньги на день и на ночь, по комъ поруки не будетъ“ (Ак. эк. Т. I № 358); 4) изъ нѣкоторыхъ правыхъ грамотъ (Ак. юр. №№ 1—22).

Если по рѣшенному судному дѣлу обвиненный, за немѣніемъ порукъ, отдавался за пристава, то задержаніе арестованнаго продолжалось или во все время пока онъ ставился на правожѣ, или до отдачи его истцу головою до искупа (Ак. юр. № 10).

2) Тюремное заключеніе.

Въ тюрьму въ древности заключались только тѣ, о конхъ дѣла были уже рѣшены, и которые по закону подлежали тюремному заключенію на срокъ или на всю жизнь. По сыскнымъ дѣламъ обвиненные, если

присуждались къ выдачѣ на поруки, содержались въ тюрьмѣ пока не находилось порукъ. Такимъ образомъ, до суда обвинявшіеся въ важныхъ преступленіяхъ отдавались за пристава, а послѣ суда, по произнесеніи приговора, заключались въ тюрьму. Словомъ, предварительный арестъ и тюремное заключеніе въ старину у насъ строго различались.— Впрочемъ, въ XVII вѣкѣ стали сажать въ тюрьму не только оговоренныхъ въ татьбахъ и разбояхъ, но даже отвѣтчиковъ по исковымъ дѣламъ. Но послѣднее обстоятельство было лишь злоупотребленіемъ, которое и прекращено въ 1637 году царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, повелѣвшимъ въ исковыхъ дѣлахъ никого въ тюрьму не сажать, а отдавать за пристава (Ак. эк. Т. III № 272).

Самыя тюрьмы въ городахъ строились у насъ сначала на счетъ общинъ, а со времени царя Бориса Ѳедоровича Годунова на счетъ казны (Ак. эк. Т. II № 19; Ак. эк. Т. III № 140). Содержавшіеся въ тюрьмахъ получали пищу и одежду отъ своихъ родныхъ, а при неимѣніи ихъ питались подаеніемъ, для чего выводились изъ тюремъ съованными на торги и по домамъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Судопроизводство по сыскнымъ дѣламъ.

Данныя для изслѣдованія судопроизводства по сыскнымъ дѣламъ находятся главнымъ образомъ въ указанной книгѣ Разбойнаго Приказа, напечатанной два раза: 1) въ актахъ экспедиціи т. II послѣ 1605 года (№ 225) и 2) въ актахъ историческ. Т. III подъ 1631 годомъ (№ 167).—Но отсюда не слѣдуетъ, что эта книга появилась только въ XVII столѣтіи; напротивъ, изъ нея самой усматривается, что она составлена была еще при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, и только отчасти дополнена и измѣнена царями Ѳедоромъ Ивановичемъ, Борисомъ Годуновымъ и Михаиломъ Ѳедоровичемъ. Дополнительные статьи въ Судебнику XVI вѣка даже прямо опредѣляютъ, что „указная книга Разбойнаго Приказа“ издана въ 1556 году, послѣ учрежденія Іоанномъ IV губныхъ старостъ, и что затѣмъ она была вновь переписана въ Разрядѣ въ 1617 году, при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, и передана въ Разбойный Приказъ (Ак. ист. Т. III № 92, VI *).

*) Въ началѣ статей указанной книги Разбойнаго Приказа, напечатанной въ актахъ экспедиціи тома II-го подъ № 225, сдѣлана, какъ

Указная книга Разбойнаго Приказа и нѣкоторые другіе акты, на которые мы сошлемся впоследствии, составляютъ для насъ единственные источники къ изложенію судопроизводства по сыскнымъ дѣламъ.

Но, прежде нежели приступимъ къ означенному изложенію, укажемъ предварительно на различія, существовавшія между сыскнымъ судопроизводствомъ и судопроизводствомъ по суднымъ дѣламъ.

Различія эти заключались въ слѣдующемъ: 1) судопроизводство по сыскнымъ дѣламъ открывалось немедленно, по возникновеніи самаго дѣла, т. е. безсрочно, во всякое время; къ судопроизводству же по дѣламъ суднымъ приступали не тотчасъ по предъявленіи иска, а въ извѣстныя, заранѣе опредѣленныя закономъ для каждой мѣстности, сроки, и притомъ не болѣе трехъ разъ въ году (Ак. эк. Т. III № 272; Ак. эк. Т. I №№ 123, 143, 181, 183, 201, 259, 324 п пр.).

2) Судопроизводство по сыскнымъ дѣламъ не могло оканчиваться примиреніемъ, тогда какъ по всѣмъ дѣламъ суднымъ примиреніе допускалось во всякое время. Извѣстно, что потерпѣвшій отъ разбоя, за подачу мировой челобитной, подвергался пени, „не мирись съ разбойники“; и что за самовольный отпускъ пойманныхъ съ поличнымъ татей, виновнымъ назначалось тоже де-

видно изъ примѣчанія, находящагося въ концѣ этого тома, слѣдующая приписка: „списокъ съ тетрадей, каковы присланы изъ Разряда въ Разбойныя Приказы о указѣ разбойныхъ и татянныхъ дѣлъ“ (Прим. къ № 225 Ак. эк. Т. II).

нежное взысканіе (Ак. ист. Т. III № 92, VI и № 167 ст. 41; Ак. эв. Т. I №№ 13, 123, 143, 144, 150 181 и пр.);

3) Сыскное судопроизводство всегда влекло за собою пытку, тогда какъ при судопроизводствѣ по суднымъ дѣламъ она никогда не употреблялась.

Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду, что судопроизводство по сыскнымъ дѣламъ въ указной книгѣ Разбойнаго Приказа, въ губныхъ грамотахъ и въ другихъ актахъ примѣняется исключительно къ разбоямъ и татьбамъ, но безъ сомнѣнія такой же порядокъ суда соблюдался при разслѣдованіи и другихъ преступленій, подлежавшихъ сыску.

По сему, излагая сыскное судопроизводство, мы поневолѣ должны ограничиться разсмотрѣніемъ его только относительно дѣлъ о разбояхъ и татьбахъ.

Обозрѣвая это судопроизводство въ общихъ чертахъ, мы раздѣляемъ его на три отдѣла и находимъ, что оно заключалось:

- 1) въ разслѣдованіяхъ: а) по лихованнымъ обыскамъ;
 - б) по пыточному оговору (язычной молвѣ); в) по жалобамъ потерпѣвшихъ лицъ;
 - 2) въ удовлетвореніи истцовъ,
 - 3) въ постановленіи приговоровъ.
-

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Разслѣдованія по сыскнымъ дѣламъ.

Разслѣдованія по лихованному обыску, по язычной молвѣ и по жалобамъ потерпѣвшихъ лицъ имѣли каждое свои особенности и входили въ дѣло, какъ части одного цѣлаго, но могли составлять и отдѣльныя производства, особенно изслѣдованіе по жалобамъ потерпѣвшихъ лицъ.

I. Разслѣдованіе по лихованному обыску.

Въ древней Руси нерѣдко, въ случаяхъ умноженія въ какой либо мѣстности разбоевъ и татей, посылали изъ Москвы особыхъ обыщиковъ для розыска и поимки разбойниковъ и татей. Но обыщики эти приносили мало пользы относительно поручавшагося имъ дѣла, а напротивъ, какъ видно изъ многихъ грамотъ, причиняли мѣстному населенію, среди котораго дѣйствовали, одни только убытки, такъ что оно старалось даже

уклоняться отъ содѣйствія обыщигамъ въ поимкѣ татей и разбойниковъ (Ав. эк. Т. I № 187 и др.). Жалобы на притѣснительныя дѣйствія обыщиговъ побудили Іоанна Грознаго, въ первой половинѣ XVI вѣка, установить постоянныхъ мѣстныхъ выборныхъ обыщиговъ, подъ названіемъ губныхъ старостъ, съ обязанностію не только ловить, но и казнить разбойниковъ.—Губнымъ старостамъ вмѣнялось въ обязанность, по полученіи вѣсти, что разбойники разбили то или другое село или деревню, тотчасъ, не дожидаясь предъявленія исковъ, гнаться за разбойниками и ловить ихъ не только въ своемъ округѣ, но даже и въ другихъ округахъ, хотя бы и въ Новгородской землѣ.—Съ цѣлью предупрежденія разбоевъ, губнымъ старостамъ дозволялось также задерживать и всѣхъ проѣзжихъ подозрительныхъ людей „необычайныхъ и незнаемыхъ“, которые „сказывались неимянно и непутно“ (Ав. эк. Т. I №№ 187, 192, 194, 224).

Съ учрежденіемъ губныхъ старостъ, посылка особыхъ обыщиговъ изъ Москвы, для поимки татей и разбойниковъ, на время прекратилась, однакожь ненадолго: ихъ вскорѣ стали посылать по прежнему. Въ 1627 году царь Михаилъ Федоровичъ хотя и постановилъ: „впредь сыщиговъ, для сыску татинныхъ, разбойныхъ и убійственныхыхъ дѣлъ, въ города не посылать, а сыскивать татинныя, разбойныя, убійственныя и всякія губныя дѣла губнымъ старостамъ“ (Ав. эк. Т. III № 171); но онъ же самъ вынужденъ былъ отступить отъ своего повелѣнія, потому что для дѣйствія противъ разбойниковъ нерѣдко являлась необходимость въ военной силѣ. Такъ, въ 1636

году, посланъ былъ въ Пермь Великую Ябовъ Загряжскій съ пушбарями, посадскими и сошными людьми со всякимъ-ратнымъ боемъ, для сыска и поимки разбойниковъ и татей (Ак. ист. Т. III № 194).

Въ 1644 году въ Суздаль, Шуъ и въ Костромскомъ уѣздѣ злодѣйствовала разбойничья шайка Мишки Толстаго, Васьки и Гришки Мурашѣиныхъ, грабила и убивала людей и поджигала дома; мѣстные же губные старосты писали, что имъ на разбойниковъ ходить не съ кѣмъ. По этому, для поимки означенной шайки былъ посланъ изъ Москвы князь Щетининъ и ему велѣно было, собравши людей и вооруживши ихъ, ходить для поимки разбойниковъ со всякимъ ратнымъ боемъ (Ак. эк. Т. III № 325).

Посылка особыхъ обыщиковъ для прекращенія разбоевъ продолжалась и въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича. Въ 1652 году посланъ для этой цѣли изъ Москвы въ Переяславль Рязанскій стольникъ Алексѣй Плещеевъ, и ему велѣно было ловить разбойниковъ, татей, убійцъ и всякихъ лихихъ людей, и ходить на нихъ „со всякимъ ратнымъ боемъ“ (Ак. эк. Т. IV № 54). Въ 1667 году тоже разосланы были изъ Москвы во всѣ города особые сыщики для поимки разбойниковъ и татей (Ак. эк. Т. IV № 159).

Какъ особые сыщики, высылавшіеся съ военною силою противъ разбойниковъ, такъ и губные старосты обязаны были, прежде поимки лихихъ людей, произвести въ данной мѣстности большой повальныи обыскъ для полученія свѣдѣнія, кто въ этой мѣстности занимается разбоями и татьбами. Для этой цѣли

особые сыщики или губные старосты собирали въ назначенномъ или мѣстѣ съѣздъ со всего уѣзда: князей, дѣтей боярскихъ, ихъ приказчиковъ, архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ, поповъ, дьяконовъ и крестьянъ всѣхъ наименованій, съ выти по человѣку; за тѣмъ, приведши мирскихъ людей къ присягѣ, спрашивали послѣднихъ по крестному цѣлованію. а духовныхъ лицъ по священству: кто у нихъ на посадѣ и въ уѣздѣ лихіе люди, тати и разбойники, къ кому разбойники и тати прѣѣзжаютъ и разбойную рухлядь привозятъ, и отъ кого на разбой ѣздатъ, и кому разбойную рухлядь продаютъ за разбойное? При этомъ обыскнымъ людямъ дѣлалось увѣщаніе, чтобы они въ обыскѣ рѣчи свои сказывали прямо, въ правду, по крестному цѣлованію, а не лгали и лихихъ бы людей не укрывали, а добрыхъ бы людей напрасно не клепали, и по дружбѣ или по недружбѣ рѣчей не говорили бы ни на кого; а учнутъ лгать, лихихъ людей укрывать, а добрыхъ людей напрасно клепать, а послѣ про то сыщется, и тѣмъ обыскнымъ людямъ быти казненнымъ (Ак. эк. Т. I № 330).

Кого на такомъ обыскѣ собранныя лица называли лихими людьми, разбойниками и татями, то тѣ рѣчи обыскныхъ людей губными дьяками записывались въ списки, и къ этимъ спискамъ спрошенныя на обыскѣ, умѣвшіе грамотѣ, прикладывали руки, а за неграмотныхъ прикладывали руки ихъ отцы духовные. Послѣ сего, за тѣми людьми, которыхъ на обыскѣ называли лихими людьми, хотя бы къ нимъ и не было предъявлено исковъ, обыщики или губные старосты посылали

и велѣли ставить ихъ предъ собою, или принимали мѣры къ ихъ поимкѣ (Ак. эк. Т. I № 281 и 330).

Для этой цѣли употреблялись и бирючи, которые кликали по торгамъ о задержаніи тѣхъ или другихъ лицъ. Люди, ловившіе татей и разбойниковъ, обязаны были и оберегать ихъ и не допускать до побѣга, пока не представляли пойманныхъ преступниковъ надлежащимъ судьямъ (Ак. эк. Т. III № 37).

О всѣхъ „облихованныхъ“ такимъ образомъ на обыскѣ лицахъ, по задержаніи ихъ, начиналось разбойное или татейное дѣло, по такъ называвшемуся „лихованному обыску.“

Итакъ дѣло по лихованному обыску начиналось, какъ мы уже сказали: 1) большимъ повальнымъ обыскомъ и 2) записываніемъ рѣчей обыскныхъ людей въ списки.—За тѣмъ, по задержаніи указанныхъ на обыскѣ лицъ людей,—они отдавались „за пристава“, т. е. подвергались предварительному аресту; имущество же ихъ, дворы, хлѣбъ молоченный и еще несобранный переписывалось, а что можно запечатывалось,—и все это отдавалось на сбереженіе стороннимъ людямъ съ порукami, пока не рѣшится дѣло (Ак. эк. Т. I № 281 и 330; Ак. ист. Т. III № 167 ст. I).

Лицо, отданное такимъ образомъ за пристава по лихованному обыску, подвергалось сперва распросу по введеннымъ на него обвиненіямъ, а потомъ пыткамъ. При чемъ его подробно спрашивали: какъ давно онъ занимается разбоемъ или татейкою, кого именно разбивалъ и обиравалъ, и сколько у кого лошадей, денегъ и всякаго живота на разбоѣ или татейкѣ взял?

(Дв. эк. Т. I № 330). Сознавшійся при распросѣ въ разбоѣ или татьбѣ не избавлялся тѣмъ отъ пытки: его, не смотря на это пытали, въ томъ: не совершилъ ли онъ какого либо разбоя или татьбы, и кто были его сообщники?

О самымъ видахъ пытки, производившейся у насъ въ старину, сохранилось весьма мало свѣдѣній.

Хотя Герберштейнъ, въ своемъ сочиненіи о Россіи въ княженіе Великаго князя Василя Ивановича (1503 — 1535), и говоритъ, что пытка пойманному разбойнику состояла въ ломаніи ему пятокъ, но этотъ рассказъ не подтверждается нашими отечественными письменными памятниками. Олеарій, описывавшій состояніе Россіи въ XVII вѣкѣ свидѣтельствуетъ, что между разными пытками, употреблявшимися въ русскихъ судахъ въ то время, всего чаще прибѣгали къ слѣдующей пыткѣ. Преступнику стягивали руки за спину, и въ такомъ положеніи поднимали его за руки по веревкѣ вверхъ между двумя столбами съ перекладиной, похожими на висѣлицу. Для большаго мученія, привязывали къ ногамъ его тяжелый деревянной обрубокъ, на который палачъ становился еще своими ногами, вслѣдствіе чего тѣло преступника растягивалось до нельзя. Иногда подъ поднятымъ такимъ образомъ вверху преступникомъ раскладывали огонь.

Кромѣ описанной пытки, Олеарій упоминаетъ еще: 1) обрיתіе преступнику головы съ поливаніемъ на нее капля по каплѣ холодной воды; 2) о нанесеніи преступнику ударовъ кнутомъ съ прижиганіемъ происшедшихъ отъ

того равъ раскаленнымъ желѣзомъ (Архивъ Калачева 1860 г. Кн. V).

Такъ описываютъ иностранцы пытки, бывшія въ Россіи въ старину, но и наши отечественные источники по этому предмету представляютъ тоже мало удовлетворительныхъ свѣдѣній.

Когда были введены у насъ пытки—неизвѣстно. Въ первый разъ о нихъ упоминается въ Судебникѣ 1497 года, но о самыхъ способахъ ихъ производства въ XV и XVI вѣкахъ въ нашихъ актахъ нѣтъ никакихъ указаній. Однакожь, имѣя въ виду, что въ древности на Руси вообще строго держались старыхъ обычаевъ, мы въ правѣ заключить, что въ XV и XVI вѣкахъ пытки были у насъ тѣ же самыя, какія употреблялись въ XVII вѣкѣ, о которыхъ сохранились нѣкоторые свѣдѣнія.

Въ началѣ XVII вѣка, именно въ 1609 году, упоминается о пыткѣ посредствомъ жженія на огнѣ. Такая пытка была произведена на Вяткѣ надъ измѣнникомъ Яковлевымъ, пойманнымъ, съ возмутительнымъ (воровскимъ) листомъ отъ самозванца. Яковлева, какъ сказано въ грамотѣ: „пытали, жгли на огнѣ, а потомъ повѣсили“ (Ак. эк. Т. II № 100).

Затѣмъ, Котошихинъ, бѣжавшій въ Швецію въ 1666 году, повѣстствуя о Россіи въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, описываетъ производившіяся у насъ въ то время пытки довольно сходно съ рассказомъ Оларія.

Котошихинъ говоритъ: „сымутъ съ вора (преступника) рубашку, и руки его позади завяжутъ, подлѣ кисти, веревкою, обшита та веревка войлокомъ, и поды-

мутъ его къ верху, учинено мѣсто, что и висѣлица, а ноги свяжутъ ремнемъ; и одинъ человѣкъ, палачъ, вступить ему въ ноги на ремень своею ногою, и тѣмъ его оттягиваетъ, и у того вора руки станутъ прямо противъ головы его, а изъ суставовъ выйдутъ вонъ; и потомъ сзади палачъ начнетъ бити по спинѣ кнutomъ изрѣдка, въ часъ боевой ударовъ бываетъ тридцать или сорокъ; и какъ ударить по которому мѣсту по спинѣ, и на спинѣ станетъ такъ слово въ слово будто большой ремень вырѣзалъ пожемъ мало не до костей. А учиненъ тотъ кнутъ ремennyй, плетеной, толстой, на концѣ вязанъ ремень толстой, шириною на палецъ, а длиною будетъ 5 локтей. Будетъ съ первыхъ пытокъ воръ не винытъся, и его спустя недѣлю времени пытаются въ другой разъ и въ третій“. Кроме этой, Котошихинъ описываетъ еще слѣдующія пытки: „свяжутъ руки и ноги, и вложатъ межъ рукъ и межъ ногъ бревно, и подымутъ на огонь; а инымъ, разжевши желѣзные клещи на краснo ломаютъ, ребра“. Впрочемъ, женщины избавлялись отъ этихъ послѣднихъ двухъ видовъ пытки (стр. 91 и 92).

Изъ подлиннаго сыскаго дѣла XVI вѣка видно, что пытки производились подъ пыточными башнями, и что при этомъ хотя пытаемыхъ и били кнutomъ, но не всегда давали имъ по 30 и 40 ударовъ, а ограничивались и меньшимъ ихъ числомъ, именно 10-ю или 15-ю ударами (Ак. юр. № 30).

Изъ всего изложеннаго о пыткахъ усматривается, что для нихъ устраивались особыя помѣщенія подъ названіемъ пыточныхъ башенъ, и что самыя пытки производились чрезъ палачей. Пытки были неодинако-

вы, а вѣроятно соразмѣрялись съ важностію взведенныхъ на обвиняемыхъ преступленій. Виды пытокъ были слѣдующіе: 1) поднятіе на дыбу за руки, связанныя назадъ, причемъ изрѣдка били кнутомъ по спинѣ; 2) жженіе огнемъ, для чего обвиняемому продергивали бревно чрезъ связанныя руки и ноги, и держали спиною подъ огнемъ; 3) ломаніе раскаленными желѣзными вѣщами реберъ. Очень вѣроятно, что всѣ эти виды пытокъ по слѣдовательно употреблялись и надъ однимъ и тѣмъ же преступникомъ, если онъ пытался три раза. Число ударовъ кнутомъ, данныхъ кому либо при пыткѣ, означалось въ сыскомъ производствѣ (Ак. юр. № 30).

Болѣе трехъ пытокъ съ недѣльными между ними промежутками, для каждаго изъ обвиняемыхъ не допускалось; но иногда, въ неважныхъ случаяхъ, ограничивались и одною пыткою (Ак. ист. Т. III № 167 ст. 5; Ак. юр. № 30).

При пыткахъ всегда находились не только губные старосты и вообще судьи, но и судные мужи, т. е. дворскіе старосты и лучшіе люди, цѣловальники, безъ бытности которыхъ пытка не могла производиться. Пыточные рѣчи обвиняемаго записывалъ земскій дьякъ, и къ нимъ прибавляли руки какъ судьи, такъ и судные мужи (Ак. эк. Т. I №№ 192 и 194).

Когда лихованный на обыскѣ челоувѣкъ, послѣ пытки, сознавался въ разбояхъ или татьбахъ, то, если онъ подлежалъ смерти, его казнили смертною казнію, иногда послѣ предварительнаго наказанія кнутомъ (Ак. эк. Т. I № 192), а если не подлежалъ лишенію жизни, то подвергался установленному закономъ наказанію или

отдачѣ на поруки, по немѣннѣю же порукѣ заключался въ тюрьму, пока находилась порука. Впрочемъ, если по истеченіи двухъ лѣтъ и больше содержанія въ тюрьмѣ поруки для него не было, то такого преступника, по свидѣтельству Ботошихина, ссылали въ дальніе города въ Сибирь и въ Астрахань на вѣчное житіе (стр. 91).

Тѣхъ, которые по лихованному обыску были подвергнуты пыткѣ, и послѣ пытки въ разбойхъ и татьбахъ не сознавались, заключали въ тюрьму на всю жизнь, если они были оговорены на обыскѣ въ такихъ преступленіяхъ, которыя влекли за собою смертную казнь; если же они подлежали при сознании подъ пытку меньшимъ наказаніямъ, то ихъ отдавали на поруки съ записью, а при немѣннѣю порукѣ заключали въ тюрьму, пока порука будетъ.

Какъ исключеніе изъ общаго правила, допускалась пытка и безъ лихованнаго обыска, но лишь тогда, когда дворяне, приказные люди или дѣти боярскія приводили къ сыщкѣ или къ губному старостѣ своихъ крестьянъ, и объявляли на нихъ разбой или татьбу имянно (т. е. съ точнымъ указаніемъ, гдѣ и у кого они произвели разбой или татьбу). Въ этомъ случаѣ приведенныхъ людей, по приводѣ, спрашивали и безъ обыска пытали и указъ чинили до чего доведется (Аб. ист. Т. I № 167 ст. 12 и 16).

Если тотъ, кого на обыскѣ называли лихимъ человѣкомъ, разбойникомъ и татемъ, билъ челомъ, что обыскные люди облиховали его по недружбѣ, неправдою, и просилъ о производствѣ о немъ другаго повальнаго

обыска, то его по первому обыску пытали, но когда под пыткой онъ не сознавался во взведенномъ на него преступленіи, производили о немъ другой повальный обыскъ. Если же на этомъ последнемъ обыскѣ многіе люди его одобрявали, и ихъ числомъ было больше, чѣмъ обыскныхъ людей на первомъ лихованномъ обыскѣ, то обвиняемаго не подвергали наказанію, а отдавали на поруки одобрявшимъ его на второмъ обыскѣ людямъ (Ак. ист. Т. I № 167 стр. 310).

Когда опороченные по лихованному обыску люди, сознаваясь въ разбояхъ или татьбахъ, никого не оговаривали въ соучастіи съ собою, то ихъ подвергали установленному наказанію, а самое дѣло оканчивалось. Но если они оговаривали подъ пыткой въ соучастіи съ собою въ разбояхъ или татьбахъ другихъ лицъ, тогда надъ оговоренными лицами начинался особый отдѣлъ производства по сыскному дѣлу, именно производство по такъ называвшейся въ старину „язычной молвѣ“.

II. Раслѣдованіе по язычнымъ молвамъ.

Кто, бывъ пытанъ по лихованному обыску, и сознавшись въ преступленіи, оговаривалъ въ соучастіи съ собою другихъ лицъ еще незадержанныхъ, тотъ, по отношенію къ этимъ послѣднимъ, назывался „языкомъ“, а оговоръ его подъ пыткой именовался „язычною молвою“. Въ такомъ случаѣ, смертная казнь надъ языкомъ, если онъ ей подлежалъ, откладывалась до окончанія суда надъ оговоренными имъ лицами, такъ какъ въ

языкѣ состояла надобность для дальнѣйшаго изслѣдованія дѣла. Но если было нѣсколько языковъ, и они оговаривали однихъ и тѣхъ же людей, то оставляли неказненнымъ, до раскрытія преступленія по оговору, только одного языка, а другихъ казнили смертію, если они ей подлежали (Ак. эк. Т. I № 330).

По язычнымъ молвкамъ оговоренныхъ людей задерживали, а если они находились не въ той губѣ, гдѣ дѣло производилось, а въ другомъ губномъ округѣ, то къ губнымъ старостамъ этихъ округовъ посылались съ той губы, гдѣ возникло дѣло, губные цѣловальники съ грамотами о задержаніи тѣхъ людей и навазаніи ихъ по разслѣдованіи дѣла (Ак. эк. Т. I №№ 187, 194 П, 284).

Но потомъ велѣно было присылать оговоренныхъ людей туда, гдѣ содержались оговорившіе ихъ языки. Посланные съ грамотами цѣловальники, взявши съ собою стороннихъ людей, чловѣкъ трехъ или четырехъ, при нихъ отдавали грамоты губнымъ старостамъ, къ которымъ онѣ были написаны. Если по тѣмъ грамотамъ оговоренныхъ людей означенные губные старосты не присылали, то объ этомъ предписано было доносить въ Москву Разбойному Приказу (Ак. эк. Т. I № 330).

Язычныя молвки признавались несомнительными или сомнительными, и, смотря потому за какія ихъ принимали, были установлены н нѣкоторыя особенности при судопроизводствѣ по нимъ.

**1) Судопроизводство по несомнительнымъ языч-
нымъ молвкамъ.**

Язычныя молвки считались несомнительными, если языки оговаривали кого съ трехъ пытокъ. Но если они, оговоривъ кого съ двухъ пытокъ, съ третьей, или идучи на казнь, стали бы стоваривать, то такой стоворъ считали недѣйствительнымъ и ему не вѣрили (Аб. эк. Т. I № 330). При этомъ, для несомнѣнности оговора, требовалось также, чтобы языки опознали и указали оговоренныхъ ими лицъ, поставленныхъ въ толпѣ совершенно постороннихъ дѣлу людей.

Но язычнымъ молвкамъ могли оговариваться тѣ или другія лица: а) въ совершеиіи самаго разбоя или татьбы; б) въ пристанодержательствѣ (въ станахъ и приѣздахъ); в) въ подстрекательствѣ (въ подводахъ); г) въ укрывательствѣ (въ понаровкахъ); д) въ поглажѣ за разбойное и татебное, и, наконецъ, е) въ сбытѣ завѣдомо разбойной и тативной рухляди.

Въ первыхъ четырехъ случаяхъ оговора, судопроизводство для оговоренныхъ было иное, чѣмъ въ случаяхъ поклажи и сбыта разбойнаго и татебнаго имущества.

А) Судопроизводство по оговору въ совершеиіи разбоя или татьбы, въ пристанодержательствѣ, подстрекательствѣ и укрывательствѣ.

Судопроизводство какъ по оговору въ совершеиіи или укрывательствѣ самаго разбоя или татьбы, такъ и въ подстрекательствѣ бѣ тому и въ пристанодержа-

тельствѣ татей и разбойниковъ, было, во всѣхъ этихъ случаяхъ, совершенно одинаково. Разница въ судопроизводствѣ по означеннымъ оговорамъ происходила не отъ существа самаго оговора, а отъ того, сдѣланъ ли онъ былъ однимъ языкомъ или двумя и тремя языками.

а) *Разсмѣдованіе по язычной молвѣ одного языка.*

По язычной молвѣ, оговоренныхъ людей, какъ мы сказали, задерживали, затѣмъ ставили ихъ съ очей на очи съ языкомъ, но среди толпы другихъ неоговоренныхъ лицъ, и требовали, чтобы онъ въ этой толпѣ опозналъ и указалъ тѣхъ, кои были имъ оговорены. Если языкъ опознавалъ ихъ въ толпѣ и показывалъ имъ въ глаза то, что прежде говорилъ о нихъ за очи, въ распросѣ и съ пытки, то оговоренныхъ языкомъ лицъ отдавали „за пристава“, т. е. подвергали предварительному аресту, а дворы ихъ, животы и хлѣбъ переписывали, запечатывали и сдавали на храненіе стороннимъ людямъ до рѣшенія дѣла. Послѣ сего объ оговоренныхъ и опознанныхъ въ толпѣ языкомъ лицахъ производили большой повальный обыскъ, т. е. „обыскивали про тѣхъ людей многими людьми“.

Если на обыскѣ оговоренныхъ языкомъ называли лихими людьми, разбойниками или татями, то ихъ по язычной молвѣ и по лихованному обыску, послѣ распроса, подвергали пытѣ, и за тѣмъ, въ случаѣ признанія, смотря по винѣ, или подвергали смертной казни или другому установленному закономъ на-

казанію. Если же обличованный на обыскъ челоѣкъ подѣ пыткой не сознавался во взведенномъ или во взведенныхъ на него преступленіяхъ, а онъ, при сознаніи, подлежалъ бы смертной казни, то его, не смотря на записательство, казнили смертію (Ав. эк. Т. I №№ 281 и 330). Но этотъ строгій законъ былъ отмѣненъ боярскимъ приговоромъ при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, именно: обличованныхъ по обыску и несознавшихъ подѣ пытку въ разбояхъ и татьбахъ, влекшихъ за собою смертную казнь, запрещено было казнить смертію, а велѣно было заключать въ тюрьму на всю жизнь (Ав. пст. Т. III № 167 ст. 9).

Лица, оговоренныя языкомъ и обличованныя на обыскъ въ разбояхъ и татьбахъ меньшей важности, за которые смертной казни не назначалось, не могли, разумѣется, при несознаніи заключаться на всю жизнь въ тюрьму; ихъ, вѣроятно, отдавали на поруки, а при неизмѣнни поруки сажали въ тюрьму пока находилась порука.

Если на обыскъ оговореннаго языкомъ одобривали, называли добрымъ челоѣкомъ, то его, по одной язычной молвѣ, пытки не подвергали, а отдавали на поруки одобрившимъ его обыскнымъ людямъ, животы же его распечатывали и отдавали ему на руки.

Если случалось, что на обыскъ оговореннаго челоѣка одна половина обыскныхъ людей называла добрымъ, а другая половина лихимъ, то такого оговореннаго языкомъ подвергали пыткѣ, и если онъ сознавался, то поступали такъ, какъ сказано выше, а при несознаніи отдавали на чистую поруку съ записью одобрившимъ его обыскнымъ людямъ.

Но если въ той половинѣ обыскныхъ людей, которая называла оговореннаго языкомъ лихимъ человекомъ, было большее число лицъ, чѣмъ въ половинѣ его одобрившей, именно 15 или 20 человекъ, то оговореннаго также подвергали пыткамъ и при сознаниіи приговаривали его къ установленному закономъ наказанію; а при несознаниіи, если онъ обвинялся въ преступленіи, влекшемъ за собою смертную казнь, заключали, по язычной молвѣ и обыску, въ тюрьму на всю жизнь; при обвиненіи же въ меньшихъ винахъ, отдавали на поруки одобрившимъ его обыскнымъ людямъ.

Итакъ, по язычной молвѣ одного языка, оговоренное имъ лицо не подвергалось пыткамъ. Для этого требовалось еще, чтобы всѣ обыскные люди, или по крайней мѣрѣ половина ихъ, называли его „лихимъ человекомъ“.

Но былъ случай, когда по язычной молвѣ и одного языка дозволялось подвергать оговореннаго пыткамъ. Это допускалось, если оговоренный называлъ себя бродягою, о которомъ никто ничего не зналъ, такъ что обыскъ становился невозможнымъ. Такого человека, по одной язычной молвѣ, безъ обыска, пытали, и, при сознаниіи во взведенныхъ на него преступленіяхъ, назначали установленное закономъ наказаніе, смотря по винѣ, а при несознаниіи отдавали на поруки съ записью; по неимѣнію же поручителей заключали его въ тюрьму до ихъ отысканія.

б) Разслѣдованіе по язычнымъ молвамъ двухъ или трехъ языковъ.

Если кого оговаривали въ разбояхъ или татьбахъ

два или три языка, то по прежнимъ постановленіямъ также сначала производили обыскъ. Если на обыскъ всё обыскные люди, или только половина ихъ, называли оговореннаго лихимъ человѣкомъ, то его пытали, и при сознаниіи подвергали установленному наказанію. Впрочемъ, дозволялось, по язычной молвкѣ двухъ или трехъ языковъ, пытатъ оговоренныхъ ими людей и до обыска, если просили о томъ истцы. (Ак. эк. Т. I №№ 281 и 330). Но впоследствии принято было за правило, по оговору двухъ или трехъ языковъ, оговореннаго ими человѣка пытатъ и до обыска, и если во взведенныхъ на него преступленіяхъ онъ не сознавался и послѣ пытки, то тогда уже производился о немъ обыскъ (Ак. ист. Т. III № 167 ст. 5), и, смотря по обыску, поступали съ нимъ какъ сказано выше.

Если оговоренный въ разбояхъ и татьбахъ съ пытки въ томъ не сознавался, а на обыскъ обыскные люди говорили, что не знаютъ какой онъ человѣкъ, добрый или лихой, то, при обвиненіи въ преступленіяхъ, влекшихъ за собою смерть, его заключали въ тюрьму до смерти; при меньшихъ же винахъ отдавали на поруки, и только по неизвѣстн порукъ сажали въ тюрьму, пока находилась порука.

Если языки оговаривали чьихъ либо крестьянъ вмѣстѣ съ ихъ господами, — дворянами, приказными людьми и дѣтьми боярскими, — то по язычнымъ молвкамъ пытали напередъ оговоренныхъ крестьянъ, а потомъ уже ихъ господъ.

Б) Судопроизводство по оговору въ поклажѣ или продажѣ разбойной и татинной рухляди.

Если языкъ или языки оговаривали кого либо съ пытокъ въ поклажѣ у него добытаго разбоемъ или татьбою имущества завѣдомо за разбойное и татинное, то такого оговореннаго не подвергали пыткѣ, а взыскивали съ него только поклажу и отдавали на чистую поруку съ записью, съ указанными выше послѣдствіями при неимѣніи порукъ. Когда же языкъ или языки говорили, что положили у кого добытое преступленіемъ имущество „за чисто“, а не за разбойное и татинное, то съ такого взыскивали только поклажу безъ отдачи на поруки.

Въ случаѣ оговора языкомъ или языками кого либо, что продали ему имущество за вѣдомо за разбойное и татинное, оговореннаго также не подвергали пыткѣ, а брали у него назадъ купленную рухлядь, или цѣну за нее, и отдавали на чистую поруку въ записью, чтобы ему впредь не воровать; при неимѣніи же порукъ—сажали его въ тюрьму до отысканія поручителей. Когда же языкъ или языки говорили, что продали кому разбойную или татинную рухлядь „за чисто“, то на такомъ оговоренномъ брали выть въ истцовы искн: „не купи безъ поруки“.

2) Судопроизводство по сомнительнымъ язычнымъ молвкамъ.

Если языкъ или языки оговаривали кого въ разбоѣ или татьбѣ „за очи“, а въ толпѣ съ неоговоренными лицами его не узнавали, или узнавши съ него сгова-

ривали, т. е. снимали оговоръ, то возникало сомнѣніе: „не по засылкѣ ли языкъ или языки не узнаютъ оговореннаго или съ него сговариваютъ?“ По этому, для открытія истины, языковъ подвергали новой пыткѣ.

Если языки съ пытки показывали, что оговореннаго ими они поклепали напрасно, то его, не смотря на это, отдавали за пристава, и производили о немъ обыскъ, и затѣмъ поступали съ нимъ по указаніямъ обыска, именно, при одобреніи на обыскъ отъ суда его освобождали, а при отзвѣ о немъ всѣхъ обыскныхъ людей или части ихъ, что онъ лихой человекъ, пытали и поступали съ нимъ, какъ выше было сказано, при изложеніи судопроизводства по сомнительнымъ язычнымъ молвкамъ.

Если же языки говорили съ пытки, что они сняли съ кого либо оговоръ „по засылкѣ“ (т. е. по подговору или по подкупу), и если открывалось, что „засылка“ дѣйствительно была, то уличенныхъ въ засылкѣ били внутромъ, а съ оговоренными лицами поступали такъ, какъ выше изложено.

Наконецъ язычнымъ молвкамъ вовсе не давали вѣры и не начинали дѣла:

1) Если языкъ съ пытокъ не оговаривалъ кого либо въ разбояхъ и татьбахъ, а начиналъ его оговаривать уже шедши на казнь.

2) Если языкъ съ первой и второй пытки не оговаривалъ кого въ разбоѣ или татьбѣ, а сталъ оговаривать его только съ третьей пытки.

3) Если языки оговаривали въ преступленіяхъ лицъ, приведшихъ ихъ въ губу, т. е. передававшихъ татей или разбойниковъ въ руки судебной власти. Въ послѣднемъ

случаѣ постановлено было не вѣрить оговору потому, какъ сказано въ законѣ, „чтобы всякимъ людямъ безстрашно было воровъ въ губу приводить“ (Ак. ист. Т. III № 167 ст. 36).

4) Если тати и разбойники, просидѣвъ въ тюрьмѣ долгое время, полгода, годъ и больше, учнутъ говорить, затѣвая воровствомъ, какую либо татинную и разбойную молвеу на иныхъ людей, для своей корысти, а прежде въ распросѣ и съ пытки на нихъ не говорили, то тѣмъ язычнымъ молвкамъ не вѣрили, „чтобы въ томъ неповиннымъ людямъ тягости и убытка не чинилось“ (Ак. ист. Т. III № 167 стр. 305).

III. Разслѣдованіе по жалобамъ потерпѣвшихъ лицъ.

Жалобщики могли обвинять кого либо въ разбоѣ или татѣ съ поличнымъ, безъ поличнаго и по неотведеннымъ слѣдамъ. Сообразно съ этими родами обвиненій устанавливались и особыя правила для судопроизводства. При этомъ необходимо также обратить вниманіе на порядокъ суда по жалобамъ объ убійствѣ въ дракѣ или пьянымъ дѣломъ.

Потерпѣвшимъ лицамъ, когда ограбившіе ихъ разбойники или обворовавшіе тати скрывались, давались, по просьбѣ самихъ потерпѣвшихъ лицъ, погонныя грамоты. Такъ, въ 1589 году, у крестьянина Тавренской волости Вятскаго уѣзда, Спирба Иванова, вѣдомый тать Клинь уворовалъ рыжаго мерина, и по просьбѣ Иванова земскій судья Тавренской волости,

Лука Шабановъ, выдалъ Иванову погонную грамоту. Въ грамотѣ этой было написано: „гдѣ Ивановъ того татя настигнетъ, въ городѣ, на посадѣ или въ которыхъ слободахъ, и вы-бѣ господья (т. е. мѣстныхъ власти) пожаловали людей сколько надобѣ съ кѣмъ бы ему (Иванову) мочно того свѣдомаго татя поймати, а мы ему даля за свѣдомымъ татемъ погонцевъ, сотскаго Чистякова и крестьянина Назарова; а лихому бѣ есте не норовили. Къ сей погонной Тавренской волости земскій судья Лука Шабановъ руку приложилъ.“ (Арх. юр. № 363). Смотря по результатамъ такой погони, если она удавалась, потерпѣвшій могъ начинать дѣло или по поличному, или безъ поличнаго, или по неотведеннымъ слѣдамъ.

а) Обвиненіе въ разбой и татѣбѣ съ поличнымъ.

Поличное въ старину имѣло болѣе тѣсное значеніе, чѣмъ въ настоящее время. Въ древнихъ грамотахъ оно опредѣляется такъ: „а поличное то, что выймутъ изъ влѣти изъ за замка; а найдутъ что въ дворѣ или въ пустой хороминѣ, а не за замкомъ, ино то не поличное“ (Арх. эк. Т. I №№ 123, 143, 144, 150, 181, 240; Арх. ист. Т. I № 137).

Въ постановленіяхъ царя Ивана Грознаго дается иногда болѣе подробное объясненіе, что слѣдовало въ то время называть поличнымъ. Именно поличнымъ называли то „если кто выметъ его въ избѣ, или въ влѣти, и въ бакой нибудь хороминѣ за замкомъ, а лошадь или корову въ дворѣ или въ хороминѣ за за-

поромъ, ино то поличное; а кто у кого выметъ поличное въ избѣ или въ клѣти, или въ пустой хорминѣ, не за замкомъ, или лошадь и корову въ хлѣвѣ незаперто, то не поличное“ (Ав. эк. Т. III № 37).

Если истецъ предполагалъ у кого либо найти поличное, то долженъ былъ обратиться къ судьямъ съ просьбой о дачѣ ему на такую выемку пристава. При этомъ, если истцу надлежало искать поличнаго въ присудѣ вотчинномъ, напр. въ присудѣ монастыря, то онъ долженъ былъ брать еще и другаго пристава отъ игумена или инаго какаго либо вотчиннаго судьи. Затѣмъ уже, вмѣстѣ съ приставами, старостами и добрыми людьми (понятыми), истецъ могъ приступить къ выемкѣ поличнаго. Но предварительно, предъ выемкой, у истца спрашивали, какаго именно поличнаго онъ ищетъ („выспрашивали у истца о поличномъ имянно“). (Ав. эк. Т. I №№ 242, 243; Ав. эк. Т. III №№ 114 и 126). Излюбленнымъ судьямъ вмѣнялось въ обязанность самимъ ѣздить съ истцами для выемки поличнаго (Ав. эк. Т. I №№ 234 и 250).

Самая выемка поличнаго производилась довольно своеобразно, какъ это видно изъ подробнаго описанія такой выемки въ домѣ князя Юрія Токмакова.

Въ 1547 году, къ царю Іоанну IV-му обратился съ просьбою Иванъ Шереметевъ о назначеніи ему пристава для выемки подложной бунчей крѣпости на его Шереметева вотчины, находившейся и составленной въ домѣ князя Юрія Токмакова. По приказанію царя, даны были Шереметеву приставами: городской приказчикъ Михайлъ Кленовъ и три недѣльщика: Хохловъ,

Жуговъ и Апраксинъ, и имъ велѣно было ѣхать, вмѣсто истца, съ человѣкомъ Шереметева, Олешкою, въ дворъ князя Юрія Токмакова для выемки означеннаго поличнаго. Пристава, о которыхъ мы упомянули выше, взявши съ собою понятыхъ людей добрыхъ: Дементьева, Степанова, Ѳедотова, Старова, Семенова и Григорія и Андрея Ивановыхъ, отправились въ домъ князя Токмакова. По приѣздѣ на мѣсто выемки, истецъ Олешка предъ понятыми и предъ княземъ Юріемъ Токмаковымъ „разволочился до нага“ (т. е. раздѣлся до нага), и князь Юрій предъ приставами и понятыми самъ осматривалъ и обыскивалъ Олешку и „во рту у него шупаль“. Затѣмъ Олешка, въ сопровожденіи приставовъ, понятыхъ и князя Юрія, сталъ искать поличнаго, и пришелъ къ запертой комнатѣ, по открытіи которой въ ней нашли подложную купчую брѣпость и самого ея составителя „подпищика“ Васью Иванова. (Ак. юр. Балачева № 52, V стр. 194).

Нѣтъ сомнѣнія, что такой порядокъ выемки поличнаго примѣнялся и въ другихъ случаяхъ, исключая разумѣется выемки поличнаго, котораго нельзя было истцу спрятать при себѣ, напр. лошади, коровы и т. п.

Объяснивъ значеніе поличнаго, по которому въ старину начинался сыскъ, и указавъ порядокъ выемки поличнаго, перейдемъ теперь къ самому изложенію судопроизводства по поимѣ съ поличнымъ.

Если кого, по обвиненію въ разбоѣ или татьбѣ, приводили съ поличнымъ впервые, то производили о приведенномъ обыскѣ, и названнаго на обыскѣ „лихимъ человѣкомъ“ пытали. Затѣмъ, сознавагося подѣ

пыткою, подлежавшаго смерти, казнили смертію, а не подлежавшаго — подвергали установленному наказанію и отдавали на поруки. Но если подь пыткою приведенный съ поличнымъ не сознавался, то въ случаѣ обвиненія его въ преступленіи, влекшемъ за собою смертную казнь, онъ не подвергался смертной казни, а заключался въ тюрьму на всю жизнь; а при обвиненіи въ преступленіяхъ меньшей важности, не подвергая его никакому наказанію, отдавали только на поруки.

Если же, приведеннаго съ поличнымъ впервые, называли на обыскъ добрымъ человѣкомъ, то дѣло о сыскѣ прекращалось, а истецъ могъ отыскивать своего поличнаго формою суда. (Ак. эк. Т. I № 257).

Когда тати или разбойника приводили съ поличнымъ въ другой разъ, то его прямо пытали, безъ обыска, и сознавшася подвергали установленному закономъ наказанію, а о не сознавшихся производили обыскъ и затѣмъ, смотря по обыску, рѣшали дѣло какъ сказано выше.

Если кто опознавалъ у кого либо татѣбное, а онъ сводилъ съ себя до 10 изводовъ, то не подвергался ни сыску, ни суду (Ак. эк. Т. I №№ 13 и 123).

Если приведенные съ поличнымъ тати или разбойники оговаривали съ пытокъ другихъ лицъ въ какомъ либо соучастіи съ собою, то начиналось разслѣдованіе по явнымъ молвкамъ, сообразно съ тѣмъ, какъ нами уже объяснено (Ак. ист. Т. I № 153).

Эти правила, относительно привода разбойниковъ и татей съ поличнымъ, имѣли силу при дѣйствіи обоихъ Судебниковъ и нѣкоторыхъ уставныхъ грамотъ (Ак. ист.

Т. I № 137; Ак. эк. Т. III 36), но въ указной книгѣ Разбойнаго Приказа они были измѣнены. Въ ней, при приводѣ съ поличнымъ обращалось преимущественно вниманіе на то, были ли соблюдены всѣ условія, требовавшіяся закономъ при выемкѣ поличнаго. Отъ соблюденія или несоблюденія этихъ условій зависѣлъ и самый порядокъ судопроизводства.

Поэтому, если кого либо, по обвиненію въ разбоѣ или татѣбѣ, приводили съ поличнымъ, а поличное то вынато было у приведеннаго приставомъ съ понятыми, и онъ поличнаго не отводилъ и не очищалъ, то приведеннаго человѣка по поличному прямо пытали и „указъ чинили до чего доводилось“.

Если приведенный съ поличнымъ говорилъ, что его „ополичили сильно“, т. е. подбросили поличное, а оно вынато было безъ пристава и понятыхъ, то тогда производили обыскъ, гдѣ именно поличное вынато, и „по сыску указъ чинили до чего доводилось“.

Если кто пристава съ понятыми не давалъ вынуть у себя поличнаго, или отнималъ у нихъ поличное уже вынатое, то, при подтвержденіи означенныхъ обстоятельствъ произведеннымъ о томъ обыскомъ, обвиняемаго пытали и „указъ чинили до чего доводилось“.

Когда приведенный съ поличнымъ, по обвиненію въ разбоѣ или татѣбѣ, въ распросѣ до пытки, добровольно сознавался во взведенномъ на него преступленіи, то его, не смотря на это, пытали, не совершалъ ли онъ другихъ разбоевъ или татѣбъ, и затѣмъ, на основаніи пыточныхъ его рѣчей, поступали съ нимъ какъ выше нами объяснено.

Если кто опознавалъ у кого свое имущество, похи-

щное у него при разбоѣ или татьбѣ, лошадь или что нибудь, т. е. по старинному выраженію „поимался за поличное“, а тотъ у кого поймаются въ распросѣ говорилъ, что поличное онъ то купилъ или вымѣнялъ у другаго лица, а это послѣднее оговоренное лицо въ продажѣ и въ мѣнѣ не сознавалось, то сперва пытали того, кто былъ задержанъ съ поличныхъ, и если съ пытки не сговорить съ того, у кого купилъ, или вымѣнялъ поличное, то и послѣдняго также пытали, и рѣшали дѣло по пыточнымъ рѣчамъ (Арх. ист. Т. III № 167 стр. 304).

б) Обвиненіе въ разбоѣи татьбѣ безъ поличнаго.

Если кто обвинялъ кого въ произведеніи у него татьбы, а поличнаго при этомъ не было, то производили обыскъ, и если по обыску пять или шесть добрыхъ дѣтей боярскихъ или крестьянъ (по Судебнику 1497 г.) или 10 и 15 дѣтей боярскихъ добрыхъ, или 15 и 20 крестьянъ добрыхъ (по Судебнику 1550 г.) подъ присягою показывали, что обвиняемый — тать, а довода на него въ прежнихъ кражахъ не было, у кого онъ красть и кому татьбу платилъ, то съ такого взыскивали истцовы иски безъ суда и отдавали его на крѣпкія поруки, а при неимѣніи порукъ заключали въ тюрьму, пока порука находилась.

Но эти постановленія Судебниковъ въ указной книгѣ Разбойнаго Приказа были отмѣнены.

Въ ней сказано: если истцы учнутъ искать разбоевъ и татьбъ имянно безъ поличнаго, а языки на нихъ въ разбояхъ и въ татьбахъ не говорятъ, а истцы на нихъ, опричь крестнаго цѣлованія и поля, улики никоторыя не

скажутъ, то про тѣхъ людей обыскивать, и скажутъ въ обыску, что они лихіе люди, а лиха про нихъ въ обыску имянно не скажутъ, то такихъ людей по обыскамъ пытать, а не скажутъ на себя съ пытокъ, и тѣхъ людей заключали въ тюрьму или на смерть, или до Государева указа, смотря по существу введеннаго на нихъ преступленія. (Ав. эк. Т. I № 330; Ав. ист. Т. III № 167 ст. 17).

Но и этотъ законъ измѣненъ былъ при царѣ Федорѣ Ивановичѣ, имено: такіа дѣла о разбояхъ и татьбахъ безъ полпчнаго велѣно было разсматривать въ Судныхъ Приказахъ, гдѣ кто судимъ, т. е. производить эти дѣла формою суда, а не сыска; и только въ томъ случаѣ, когда въ Судномъ Приказѣ усматривали, что „тѣ дѣла дошли до пытокъ“, ихъ передавали въ Разбойный Приказъ (Ав. ист. Т. III № 167 ст. 18).

в) Обвиненіе въ разбой и татьбы по слѣдамъ.

Въ жалованныхъ грамотахъ 1410 и 1423 годовъ встрѣчается слѣдующее постановленіе: „а у кого учинится какова гибель, и кто пригонитъ какой слѣдъ къ кому на чью землю, а государь тое земли обрѣзъ (т. е. конецъ слѣда) у него возьметъ, да слѣдомъ введетъ, а не сведетъ слѣду съ своей земли, и гибельника (потерпѣвшее лицо) обыщетъ у него дворъ и поля, и не выметъ полпчнаго, ино у него гибель пропала“ (т. е. дѣло оканчивалось). (Ав. эк. Т. I. №№ 18 и 21).

Въ книгѣ же Разбойнаго Приказа неотведеніе слѣдовъ влекло за собою уже другія послѣдствія.

Именно, если кого либо разбивали разбойники или та-ти обградывали, и онъ и посторонніе съ нимъ люди, гнав-шись по слѣдамъ за разбойниками или татями, пріѣз-жали въ какое либо село или деревню, и тѣ люди, къ которымъ слѣды приводили, этихъ слѣдовъ отъ себя не отводили, то, по жалобѣ на то потерпѣвшаго лица, производили о томъ обыскъ; и если „погонные люди“ (т. е. гнавшіеся съ потерпѣвшимъ за преступниками) подтверждали на обыскѣ, что обвиняемые отъ себя слѣ-довъ не отвели, то ихъ за неотведеніе слѣдовъ по обы-ску пытали и рѣшали дѣло по ихъ пыточнымъ рѣ-чамъ изложеннымъ выше способами (Ав. ист. Т. III № 167 ст. 26).

г) *Обвиненіе въ убійствѣ.*

Если убійство совершалось при разбоѣ, то о немъ разслѣдованіе производилось вообще порядкомъ сыска, нами изложеннаго; убійство же въ дракѣ неумышлені-емъ, или пьянымъ дѣломъ, до царствованія царя Миха-ила Ѳедоровича, разслѣдывалось формою суда, а не сы-ска. Но царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ велѣно было всякаго убійцу помѣщичьяго человѣка, по жалобѣ по-мѣщика, если только трупъ убитаго (corpus delicti) былъ налицо, подвергать пыткѣ, для разслѣдованія „какимъ обычаемъ убійство учинилось: умышленіемъ или въ дракѣ неумышленіемъ, или пьянымъ дѣломъ? Эта пытка производилась только одинъ разъ, и кажется не повторялась. Если убійца съ пытки говорилъ, что убилъ въ дракѣ неумышленіемъ, или пьянымъ дѣломъ, то убій-

цу, если онъ былъ крестьянинъ, били кнутомъ, отдавали на чистую поруку съ записью и выдавали тому помѣщику, у кого онъ крестьянина убилъ, съ женою и дѣтьми въ холопы.—Если же убійца былъ сынъ боярскій, то его заключали въ тюрьму до Государева указа, а изъ его помѣстья брали лучшаго крестьянина съ женою и дѣтьми (нераздѣленными) и отдавали тому помѣщику, у котораго сынъ боярскій крестьянина убилъ. (Ав. ист. Т. III № 167 стр. 303).

Такимъ образомъ, при всѣхъ изложенныхъ нами разслѣдованіяхъ по сыскнымъ дѣламъ, пытка считалась самымъ существеннымъ средствомъ къ раскрытію истины.—Но употребленіе ея вовсе не зависѣло отъ усмотрѣнія самихъ судей. Они не могли подвергать ей по собственному произволу, такъ какъ условія примѣненія пытки были въ точности опредѣлены закономъ.—Исчислимъ всѣ эти условія. Пыткѣ прямо подвергали: 1) тѣхъ, которыхъ называли лхими людьми на обыскѣ; 2) тѣхъ, конхъ оговаривали въ преступленіи два или три языка; 3) тѣхъ, конхъ приводили съ поличнымъ, и то только впоследствии, а прежде и ихъ не пытали безъ обыска, кромѣ случая привода съ поличнымъ вторично. Итакъ, пытка могла производиться только на основаніи лхованнаго обыска, оговора двухъ или трехъ языковъ и поличнаго, включая сюда и *corpus delicti* при убійствахъ и неотведенныхъ слѣдахъ. Но пзъ этихъ общихъ правилъ были сдѣланы исключенія. Именно: 1) пытали безъ о б ы с к а, если дворяне обвиняли въ разбояхъ и татьбахъ своихъ собственныхъ крестьянъ, съ точнымъ обозначеніемъ сдѣланныхъ ими преступленій; 2) пытали

по оговору одного языка, когда предварительного обыска объ оговоренномъ, какъ о бродягѣ, нельзя было сдѣлать.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Удовлетвореніе истцовъ.

Животы разбойниковъ и татей, т. е. ихъ имущество, продавалось для удовлетворенія истцовъ. Но если разбойники или тати, не подвергавшіеся смертной казни, не могли удовлетворить потерпѣвшее лицо въ его искѣ, то отдавались ему, за порукою, головою до „искупа“; если же истецъ не хотѣлъ давать за татей или разбойниковъ поруки, то ихъ отдавали на поруки другому лицу, и за его порукою взыскивали съ нихъ истцовъ искъ правеемъ. Имущество казненныхъ смертію преступниковъ обращалось на удовлетвореніе истцовъ, если такое имущество у нихъ оказывалось.

Эти постановленія дѣйствовали во времена обонихъ Судебниковъ; но въ указной книгѣ Разбойнаго Приказа и въ другихъ современныхъ ей грамотахъ были введены слѣдующія болѣе подробныя правила относительно удовлетворенія истцовыхъ исковъ при татьбахъ и разбояхъ.

Первымъ основнымъ правиломъ, установленнымъ въ книгѣ Разбойнаго Приказа, было то, что къ удо-

влетворенію истцовыхъ исковъ привлекались не только сами тати и разбойники, но и всё, какимъ бы то ни было, даже случайнымъ образомъ, входившіе въ дѣло лица. Съ нихъ брали такъ называемую „выть въ истцовы искн.“ Слова „выть“ и „развычивать“ нерѣдко употреблялись въ нашихъ актахъ. Подъ „вытью“ разумѣлся вычетъ у кого либо опредѣленной части имущества для удовлетворенія истцовъ.*) Слово „развычивать“ означало распредѣленіе имущества вытчиковъ, т. е. лицъ, подвергшихся взысканію выти между истцами.

Послѣ этихъ предварительныхъ объясненій, приступимъ къ указанію всѣхъ тѣхъ лицъ, съ которыхъ взыскивались выти въ истцовы искн. Не говоря уже о томъ, что всѣ животы разбойниковъ передавались въ выть истцамъ, выти взыскивались: 1) съ оговоренныхъ языкомъ или языками лицъ, но одобренныхъ на обыскѣ, которыхъ хотя и отдавали на поруки безъ наказанія, но, по язычной молвеѣ, взыскивали съ нихъ въ истцовы искн выть; 2) съ поручителей, взявшихъ оговореннаго человѣка на поруки, въ томъ случаѣ, если онъ за нихъ порукою воровалъ; 3) съ обыскныхъ людей, если они кого одобривали на обыскѣ, или укрывали, а потомъ обнаружилось противное; 4) съ засыльщниковъ, которые засылали кого въ языкамъ для подкупа ихъ снять оговоръ съ огово-

*) Подъ вытью разумѣлся еще опредѣленный отдѣлъ сельской общины, несшей по раскладкѣ, известную часть тягла. Въ этомъ смыслѣ напр. и говорилось: „взять съ выти по человѣку“.

ренныхъ ими людей; 5) съ дворянъ, приказныхъ людей и дѣтей боярскихъ, которые не поставляли оговоренныхъ языками своихъ крестьянъ на судъ, или ихъ укрывали; 6) съ ослушниковъ, которые слыша крикъ разбиваемыхъ людей, не давали помощи и не шли въ погоню за разбойниками; 7) съ погостовъ, сель, вотчинъ и помѣстій, гдѣ проживалъ разбойникъ или тать; но этотъ законъ отмѣненъ былъ царемъ Федоромъ Ивановичемъ; 8) съ принявшихъ поклажу завѣдомо за разбойное и татинное; 9) съ покупателей имущества завѣдомо за разбойное или татинное, или хотя и за чисто, но безъ поруки; 10) съ господъ за служившихъ у нихъ въ дворѣ людей, оговоренныхъ языками въ разбояхъ и татбахъ.

Такимъ образомъ, изъ разбойничьихъ и татинныхъ животовъ, а также изъ вытей вытчиковъ, взыскивавшихся въ половину противъ истцовыхъ исковъ, составлялось то количество имущества, которое развычивали между истцами. При этомъ раздавали имъ или животы разбойниковъ и татей по оцѣнкѣ, или деньгами, по продажѣ этихъ животовъ, а также денежныя выти вытчиковъ. Если всего этого для удовлетворенія истцовъ было недостаточно, то остальной, недостающей иску, суммы не разводили на вытчиковъ, и истцы должны были довольствоваться тѣмъ, что получали. Если же, за удовлетвореніемъ истцовъ, оказывался остатокъ, то его брали въ казну, и объ этомъ доносилось въ Москву въ Разбойный Приказъ (Ад. эк. Т. I №№ 192, 194 и 324.) Впрочемъ, иногда остатки

животовъ татинныхъ отдавались намѣстникамъ, волостелямъ и ихъ тиунамъ за ихъ пошлину, когда еще татинныя дѣла находились въ ихъ вѣдѣніи (Ак. эк. Т. I № 224; Ак. ист. Т. I № 137; Ак. эк. Т. III № 36).

Самое развычиваніе животовъ и вытей происходило по особымъ подробнымъ, установленнымъ для того, правиламъ.

1) Если разбойники или тати съ чытби говорили и мянно, что у кого взяли, то исбъ истцовъ, согласно съ показаніемъ преступниковъ, удовлетворялся сполна.

2) Если разбойники или тати сознавались подъ пыткою, что разбивали или обирадывали кого либо и „животы ихъ имали“, но не опредѣляли точно того, что именно ими было взято. то истцамъ выдавалось изъ имущества преступниковъ и изъ вытей вытчиковъ половинная сумма ихъ иска.

3) Если же разбойники или тати говорили, что брали у потерпѣвшихъ лицъ ихъ животы, но сколько именно не помнятъ, то истцамъ выдавали въ вознагражденіе только одну четверть предъявленнаго ими иска.

За имущество, показанное истцами взятыхъ у нихъ на разбояхъ и татьбахъ, истцы удовлетворялись не по той цѣнѣ, которую они выставляли въ своихъ искахъ. а по особой установленной таксѣ.

По этой таксѣ: 1) лучший конь цѣнился въ 5 рублей; 2) лучшая кобыла—въ 3 рубля; 3) жеребецъ и меринъ—въ 2 рубля; 4) кобыла въ 1½ рубля; 5) же-

ребенокъ, корова и быкъ—въ 1 рубль; 6) коза—въ 6 алтынъ и 4 деньги; 7) свинья и овца—въ 1-ну гривну.

За похищенные или отнятыя сѣно и хлѣбъ, а также за хоромы, сожженныя на разбоѣ, полагалась цѣна: 1) за конну сѣна алтынъ; 2) за хлѣбъ смолоченный по цѣнѣ, стоявшей въ то время на хлѣбъ; 3) за хоромы,—смотря по хоромамъ.

Цѣна за платье и всякую рухлядь назначалась, примѣняясь къ платью и рухляди.

За убитую голову головщины платилось 4 рубля (Ав. вст. Т. III № 167 ст. 47—55).

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Постановленіе и исполненіе приговоровъ.

Все что происходило на судѣ по сыскному дѣлу, именно: обыски, язычныя молвки, распросы и пыточные рѣчи, а также и то, сколько было роздано пѣщамъ разбойничьихъ и татиныхъ животовъ, сколько осталось и продано—все это записывали въ списки земскіе или губныя дьяки въ присутствіи судей и дѣловальниковъ. По образовавшемуся такимъ образомъ сыскному производству постановлялся приговоръ. О тѣхъ, кои по приговорамъ подвергались смертной казни, составлялись особые списки земскимъ дьячкомъ и къ нимъ прикладывали руки какъ судьи, такъ и сторонніе грамотные люди, и самые списки передавались городовымъ или вотчиннымъ приказчикамъ (Ав. эк. Т. I №№ 192, 194, I, II, и 224).

О формѣ приговоровъ, о порядкѣ ихъ объявленія и исполненія, въ разсматриваемый нами періодъ времени, мы не находимъ почти никакихъ указаній.

Извѣстно только, что о бояринахъ Шенинѣ, окольникѣмъ Измайловѣ и сынѣ его, судившихся за измѣну, постановленъ былъ приговоръ въ слѣдующей формѣ.

„1634 года Апрѣля въ 18 день, Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ всея Руси слушалъ со всіми бояры дѣло о Михаилѣ Шенинѣ съ товарищи, и указалъ Государь, а бояре приговорили: Михаила Шенина да Артемья Измайлова съ сыномъ его Василиемъ, за ихъ воровство и измѣну, казнить смертію, а помѣстья ихъ и вотчины и дворы московскіе и животы взять на Государя.“

Послѣ сего, чрезъ 10 дней, 28 Апрѣля у Приказа Сыскныхъ Дѣлъ, въ присутствіи бояръ князя Ивана Шуйскаго, князя Андрея Хилкова и окольникьяго Стрѣшнева, объявилъ Шенину и Измайлову и его сыну означенный выше приговоръ дьякъ Бормосовъ въ слѣдующей, обращенной къ нимъ рѣчи:

„Михайло Шенинъ, Артемій Измайловъ съ сыномъ Василиемъ! Были вы на Государевой службѣ подъ Смоленскомъ и будучи воровали, государевымъ дѣломъ не радѣли ни въ чемъ, и Государю измѣнили и добра хотѣли Литовскому Королю во всемъ, и крестъ ему цѣловали, что съ нимъ не битися, а нарядъ и зелье и свинець и всякіе пушечные запасы Литовскому Королю отдали безъ Государева указа: и Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ всея Руси указалъ и бояре приговорили, за то ваше воровство и измѣну, казнить васъ смертною казнію.“

Послѣ такого объявленія приговора, Шенинъ и Измайловъ съ сыномъ, въ тотъ же день поведены на казнь

за городъ, а за ними ѣхали бояринъ Хилковъ, окольный Стрѣшневъ и дьяки Бормосовъ и Прокофьевъ. На мѣстѣ казни, у плахи, Шенну и Измайлову съ сыномъ былъ прочитанъ дьякомъ Прокофьевымъ подлинный, весьма обширный, приговоръ по списку. По прочтеніи приговора, Шенну и Измайлову съ сыномъ были тотчасъ же отсѣчены головы (Ак. эк. Т. III № 251).

Безъ сомнѣнія, при составленіи приговоровъ о наказаніи разбойниковъ и татей не соблюдали такихъ формальностей. Покрайней мѣрѣ, во второй половинѣ XVII вѣка, приговоры о татяхъ писались весьма кратко и тотчасъ же приводились въ исполненіе. Такъ, въ 1677 году, по дѣлу о кражѣ меда, 10 октября былъ поставленъ слѣдующій приговоръ:

„Воевода Никифоръ Васильевичъ Юшковъ сего дѣла и распросныхъ и пыточныхъ рѣчей слушалъ, и велѣлъ Мелишева и Щаева, за бражу ихъ, что выдрали они въ чужой вотчинѣ пчелы, учинить наказанье: вмѣсто кнута бить батоги и выпустить ихъ на чистыя поруки съ записью, чтобъ имъ впредь не воровать—и тѣ Мелишевъ да Щаевъ въ приказной избѣ, вмѣсто кнута, за ту кражу батоги биты, и выпущены на чистыя поруки съ записью, чтобъ имъ впредь не красть“ (Ак. юр. Калачова № 100).

Татей иногда вѣшали тамъ, гдѣ ихъ ловили съ татьбою (Ак. эк. Т. I № 224).

Во время большихъ царскихъ панихидъ какъ смертная, такъ и торговая казнь откладывались (Ак. ист. Т. I № 154 XV).

Такимъ образомъ, изъ всего изложеннаго видно, что,

при разслѣдованіи важныхъ уголовныхъ преступленій, предварительнаго слѣдствія, какъ дѣлается въ настоящее время, не производилось. Дѣло изслѣдывалось прямо на судѣ, и то, кого слѣдовало допросить на судѣ, опредѣлялось: 1) обыскомъ, и 2) самою жалобою. Кого указывали на обыскѣ, или въ жалобѣ, тѣхъ и допрашивали. Поэтому быстрота въ рѣшеніи дѣлъ была удивительная, напр., дѣло о кражѣ меда Мелишевымъ и Щаевымъ рѣшилось въ два дня послѣ поимки преступниковъ (Ак. юр. Базачова № 100).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Судопроизводство по суднымъ уголовнымъ дѣламъ.

Судопроизводство по суднымъ уголовнымъ дѣламъ ничѣмъ не отличалось отъ судопроизводства по дѣламъ гражданскимъ. Въ старину, между этими двумя видами производства суда, не существовало никакой разграничительной черты, если не принимать за такую черту того, что по суднымъ уголовнымъ дѣламъ пени и заповѣди взыскивались часто безъ всякаго суда; напр. за самовольную ѣзду по неуставленной дорогѣ, за недозволенный приѣздъ на пиръ и братчины, за насиліе со стороны правительственныхъ ѣздоковъ и пр. Но если по этимъ, такъ называвшимся управнымъ дѣламъ, подвергшійся штрафу считалъ его паложеннымъ на себя неправильно, то могъ обращаться къ суду; напр. по жалобѣ кого либо на неправильное наложеніе на него таможенниками протаможья (таможенной пени) производили судъ и обыскомъ обыскивали (Ак. вв. Т. I № 269 и др.) Такимъ образомъ, въ управныхъ

дѣлахъ, признававшей правильность наложенной на него таможенниками, мытчиками или пятенщиками, „заповѣди“, могъ добровольно заплатить ее и избавиться отъ призыва въ суду, чѣмъ значительно сокращалось число дѣлъ, подлежащихъ судебному разбирательству.

Приступая къ изложенію судопроизводства по суднымъ уголовнымъ дѣламъ, мы укажемъ предварительно на важнѣйшія изъ дѣлъ, производившихся не сыскомъ, а судомъ.

Таковы дѣла: 1) о лаяхъ, бояхъ и грабежахъ; 2) о нанесеніи ранъ и увѣчій; 3) о поджогахъ, не на разбоѣ; 4) объ убійствахъ въ дракѣ неумышленіемъ, а пьянымъ дѣломъ; 5) о разбойнигахъ и татяхъ, захваченныхъ съ полничнымъ впервые, если на обыскѣ называли ихъ добрыми людьми; 6) о разбояхъ и татьбахъ безъ полничнаго, когда истцы никакой уликъ противъ обвиняемыхъ не представляли, кромѣ „поля“, или крестнаго цѣлованія.

Судное судопроизводство отличалось отъ сыскаго тѣмъ: 1) что начиналось не иначе, какъ по жалобѣ; 2) что оно могло обончиваться примиреніемъ; 3) что къ нему приступали въ извѣстные опредѣленные сроки, а не во всякое время, какъ въ судопроизводствѣ по сыскнымъ дѣламъ и 4) что вытка при немъ вовсе не употреблялась, а ее замѣнялъ сначала судебный поединокъ, или поле, впоследствии же—крестное цѣлованіе.

Самое изложеніе судопроизводства по суднымъ дѣламъ мы раздѣлимъ на три отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ рассмотримъ предварительныя дѣйствія, предшествовавшія суду; во второмъ—самое производство суда; и въ третьемъ постановленіе и исполненіе приговоровъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Предварительныя дѣйствія до начала суда.

Всякое судное уголовное дѣло начиналась „по жалобницамъ“, или исковымъ челобитнымъ.

По такимъ „жалобницамъ“, смотря потому, гдѣ должно было производиться дѣло, у мѣстныхъ исудей—въ уѣздахъ, или въ Приказахъ—въ Москвѣ, посылались для вызова сторонъ къ суду или доводчики отъ намѣстниковъ и волостелей, или земскіе пристава отъ излюбленныхъ судей, или наконецъ недѣльщики изъ Приказовъ.

Доводчики, земскіе пристава и недѣльщики вообще назывались приставами, и потому бумаги, съ которыми они посылались для призыва къ суду, назывались приставными грамотами или памятями, а иногда зазывными грамотами и наказными памятями (Ак. юр. № 346; Ак. эк. Т. III № 227; Ак. ист. Т. III № 167 стр. 309).

Приставныя грамоты писались примѣрно такъ:

1) „Память приставу. Дать ему приставу на по-

руки Волоцкого уѣзда Юсифова монастыря стряпчего Савелья Иванова сына Рыкова, отъ князь Ивана Тимофѣева сына Вадбольскаго, въ бѣглыхъ кабалныхъ людяхъ, да въ сносѣ 35 рублей, по челобитной. Дьякъ....“ (конца нѣтъ). (Ак. юр. № 55).

2) „Память приставу. Дать ему на поруки подъячяго Прокофья Деревнина отъ Партимоея Тургенева по двумъ выданнымъ роспискамъ его Прокофьевы руки во шестидесяти восьми рубляхъ, по челобитной къ суду. А приставную память писалъ, по приказу отца своего Партимоея Тургенева, сынъ его Михайло Тургеневъ, къ суду по челобитной“ (Ак. юр. Калачова № 89).

Изъ этого видно, что приставныя памяти изготовлялись не только дьяками, но и частными лицами, вѣроятно представлявшими ихъ въ судъ совмѣстно съ подачею челобитныхъ.

Иногда памяти недѣльщикамъ изъ Приказовъ о вызовѣ къ суду писались въ видѣ наказа, и потому назывались наказными памятьми. Вотъ, напри- мѣръ, наказная память недѣльщику Филиппову о вызовѣ къ суду Ивана Новосильцева:

„Лѣта 7150 (1642 г.) Августа въ 4 день, по Государеву Цареву и Великаго Князя Михайла Ѳедоровича всеа Русіи указу, память недѣльщику Василью Филиппову. Ъхати ему въ Володимірской уѣздъ въ Иванову вотчину Новосильцова, въ сельцо Вакурово, для того: били челомъ Государю Царю и Великому Князю Михайлу Ѳедоровичу всеа Русіи изъ Суздаля Побровскаго дѣвича монастыря игуменя Евпраксія съ сестрами, а сказали: въ нынѣшнемъ въ 1642 году

Юля въ 22 день приставили они къ Ивану Михайлову сыну Новосильцову въ иску въ девяностѣ въ пяти рубляхъ, что люди его сельца Вакурова Ефремко казакъ, да крестьяне его Ивашка, да Дружинка Фроловы съ товарищи, въ нынѣшнемъ во 1642 году Апрѣля въ 3 день, на дорогѣ, монастырскаго ихъ службу Правдика Ѳедорова, да конюха Якушка Галкина били и грабили, а грабежемъ де съ нихъ взяли монастырскихъ денегъ девяносто пять рублевъ; и тотъ де Иванъ Новосильцовъ, свѣдавъ у пристава въ томъ ихъ иску приставную память, съѣхалъ съ Москвы.—И недѣльщику Василью Филиппову, пріѣхавъ въ Володимирской уѣздъ и не доѣзжая Ивановой вотчины Новосильцова сельца Вакурова версты за три или за двѣ, взяли ему съ собою въ понятые тутошнихъ околныхъ людей, поповъ и дьяконовъ, старость и дѣловальниковъ и крестьянъ сколько человекъ пригоже; да съ тѣми понятыми, пріѣхавъ въ сельцо Вакурово, и того Ивана Новосильцова и человекъ его Ефремка, да крестьянъ Ивашка, да Дружинку Фроловыхъ въ томъ ихъ иску дать на поруку съ записью, а за порукою велѣлъ бы ему въ человекъ своего и въ крестьянъ своихъ мѣсто ѣхать къ Москвѣ съ собою вмѣстѣ, а на Москвѣ съ нимъ явиться и доѣзду своего память и понятымъ имена, и по немъ Иванъ и по человекъ его и по крестьянхъ поручная запись. подать въ Московскомъ въ Судномъ Приказѣ Григорью Андреевичу Плещееву, да Матвѣю Игнатьевичу Zubову, да дьякомъ Третьягу Никитину, да Григорью Лукину. А будетъ тотъ Иванъ Новосильцовъ ухоронится и человекъ своего Ефремка и

крестьянъ Ивашка и Дружняка Фроловыхъ ухоронить, и Василью дати на поруку съ записью челоуѣка его, или крестьянина добраго, какого въ его помѣстьѣ изъѣдетъ, а за порукою по тому жъ велѣти имъ ѣхати въ Москвѣ съ собою вмѣстѣ. Въ сей наказной памяти Государева Царева и Великаго Князя Михайла Федорича всеа Русіи печать приложена.

„Припись у нагазу дѣла Григорья Лунина. Справка подъячаго Ивана Степанова“. (Ак. юр. № 346).

За исполненіе возлагавшихся по приставнымъ памятямъ порученій на доводчиковъ и недѣльщиковъ, они получали отъ сторонъ въ дѣлѣ особую плату „хоженое“ и „ѣздъ“; земскимъ же приставамъ не давалось нѣкоторое время нивакихъ пошлинъ, но для исполненія своихъ обязанностей по суднымъ дѣламъ они ѣздили только на лошадяхъ истца или отвѣтчика. (Ак. эк. Т. I №№ 234 и 242; Ак. эк. Т. III № 276).

Приставъ, получивши приставную грамоту, отправлялся въ ту мѣстность, въ которой жительствоваали лица, подлежащія вызову въ судъ, объявлялъ имъ о возникшемъ дѣлѣ и обязывалъ ихъ представить поручительство въ томъ, что они явятся въ судъ къ назначенному сроку. При этомъ недѣльщикъ, пріѣзжавшій куда либо изъ Москвы отъ того или другаго Приказа, прежде всего долженъ былъ предъявить свою приставную грамоту тому намѣстнику, или волостелю, или вообще мѣстному судѣ, въ округѣ котораго проживали истецъ и отвѣтчикъ, или одинъ изъ нихъ. Если оказывалось, что истецъ и отвѣтчикъ были оба подсудны мѣстнымъ судебнымъ властямъ, то недѣльщикъ, не

смотря на то что посылался по челобитной, поданной въ Приказъ, ставилъ истца и отвѣтчика на судъ предъ мѣстнымъ судьей (Суд. 1550 г. ст. 48).

Когда, по требованію пристава, для лица, вызывавшагося въ судъ, находились поручители, то относительно явки его на судъ въ назначенный срокъ бралась съ поручителей поручная записка, какъ все это подробно изложено нами въ главѣ четвертой настоящаго изслѣдованія.

Преимущественно упомянутыя поручныя записки брались съ отвѣтчиковъ, но не освобождались отъ нихъ и истцы, какъ это видно изъ слѣдующихъ выраженій многихъ грамотъ: „тому приставу тѣхъ людей, ищей и отвѣтчиковъ, дати на поруки, да чинити срокъ по ихъ грамотѣ жалованной“ (Ак. эк. Т. I № 189 и др.). Отвѣтчики, не имѣвшіе порукъ, отдавались за пристава, чему не могли подвергаться истцы, такъ какъ если они не являлись на судъ, то прекращался самый искъ. Свидѣтели же не отдавались на поруки; но если свидѣтель не являлся на судъ „были ли за нимъ рѣчи или нѣтъ“, то съ такого послуха взыскивался истцовъ искъ, убытки и всѣ пошлины (Суд. 1550 г. ст. 18).

Поручныя записки назывались также срочными, вслѣдствіе обозначенія въ нихъ срока на явку въ суду (Ак. юр. № 307, V).

Сроки опредѣлялись закономъ, и ни судьи, ни пристава не имѣли права назначать этихъ сроковъ по собственному произволу. Такая особенность древняго русскаго права не можетъ не обратить на себя вниманія, особенно въ виду благодѣтельной цѣли, вызвав-

шей подобное установленіе, именно, чтобы судьи не отвлекали своевольно крестьянъ отъ работъ въ пашенную пору. Установленіе это весьма древнее: о немъ упоминается еще въ первой половинѣ XV вѣка, и оно соблюдалось до XVII вѣка и послѣ.

Сроки на явку въ судъ назначались по жалованнымъ грамотамъ иногда для цѣлаго уѣзда, а иногда отдѣльно для селъ и деревень. Вообще сроки устанавливались для той или другой мѣстности то одинъ разъ въ годъ, то два раза, или три раза, но не болѣе.

Эти-то, назначавшіеся особыми грамотами, сроки пристава и обязаны были означать въ поручныхъ записяхъ. Преимущественно для разбора судныхъ дѣлъ въ старину опредѣлялись слѣдующіе сроки: 1) день Крещенія (6 января); 2) по Крещеніи въ тотъ же день (7 января); 3) двѣ недѣли спустя послѣ Крещенія (20 января); 4) Срѣтеніе (2 февраля); 5) Великое Заговѣйно на мясное или Сборъ, Сборное Воскресеніе (воскресеніе на масляной недѣлѣ); 6) Петрово заговѣйно; 7) Уговѣвъ Петрово говѣйна недѣлю; 8) Петровъ и Павловъ день (29 іюня); 9) Семеновъ день (21 іюля); 10) Покровъ (1 октября); 11) Николинъ день осенній (21 октября) и 12) Рождество Христово (25 декабря) и по Рождествѣ въ тотъ же день *).

Если случалось, что истцу по его грамотѣ былъ назначенъ одинъ срокъ, а отвѣтчику другой, то для объ-

*) См. наше изслѣдованіе о древнихъ русскихъ смѣсныхъ или вобчихъ судахъ.

ихъ сторонъ опредѣлялся тотъ срокъ, который былъ пожалованъ отвѣтчику. Такъ, напр., по одному дѣлу истецъ имѣлъ пожалованный срокъ „спустя двѣ недѣли послѣ Крещенія“, а отвѣтчикъ—„великое мясное заговѣйно“, то на явку въ судъ обѣимъ сторонамъ былъ назначенъ срокъ отвѣтчика. (Ак. юр. № 3).

Иногда, вмѣсто точно опредѣленныхъ сроковъ, опредѣлялись извѣстные періоды времени, въ теченіи которыхъ дозволялось призывать къ суду тѣхъ или другихъ лицъ. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, когда сроки не опредѣлялись, дозволялось сторонамъ „метать вольные сроки“, т. е. условливаться о срокѣ по взаимному между собою согласію, (Ак. эк. Т. I № 324 и № 55).

Всѣ эти частные сроки, для всѣхъ безъ исключенія, какъ истцовъ, такъ и отвѣтчиковъ, замѣнены были при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ общимъ срокомъ, но только для однихъ крестьянъ, гдѣ бы кто изъ нихъ не жилъ, именно: велѣно было судъ имъ давать въ періодъ шести мѣсяцевъ съ 1 октября по 1 апрѣля; съ 1-го же апрѣля по 1 октября суда имъ не давали „ради пашеннаго времени“, исключая дѣлъ о татѣбѣ, разбоѣ и душегубствѣ. Судъ же на боярскихъ дѣтей, приказныхъ и дворовыхъ людей,—давался въ Приказахъ, гдѣ кто изъ нихъ былъ судимъ, безсрочно, во всякое время. (Ак. ист. Т. III № 92, XXXIII).

Всякое судное уголовное дѣло стороны могли окончить примиреніемъ еще до явки въ судъ, и даже послѣ явки.

Это видно изъ слѣдующихъ постановленій:

„А кто кого поймаеть приставомъ въ бою или въ

лаѣ или въ займѣхъ, а на судъ идти не похотять, и они доложивъ судѣѣ помирятся, а судѣѣ на нихъ продажи вѣтъ, опричь ѣзду и хоженого. А досудятъ до поля, да помирятся" (Ак. эк. Т. I №№ 123, 143, 144). „А сведется поле, а у поля восхотятъ помириться" и пр. (Ак. эк. Т. I №№ 150, 181, 183, 201, 240, 307, 325 и 348).

Мировыя сдѣлки заключались свободно, иногда только съ вѣдома судей, но сдѣлки эти не прекращали окончательно дѣла. Оно, не смотря на мировую, могло быть возобновлено, а потому въ мировыхъ записяхъ всегда означалась неустойка (Ак. юр. №№ 269—277). Такъ, напр., въ 1560 году, крестьяне Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, села Сантиевскаго, Василій Бирьяновъ и другіе, въ числѣ 6 человекъ, убили въ драбѣ слугу Новинскаго монастыря Алешу Ѳомина. По этому поводу, до принесенія жалобы въ судъ, между монастыремъ Новинскимъ и преступниками-крестьянами была заключена съ вѣдома судьи мировая сдѣлка, по которой виновные обязывались заплатить за Алешинъ долгъ и монастырскіе убытки 40 рублей Новинскому монастырю, но съ условіемъ, чтобы послѣдній, въ случаѣ возбужденія дѣла объ убійствѣ Ѳомина, вознаградилъ Кирилло Бѣлозерскій монастырь неустойкою въ 100 рублей (Ак. юр. № 270).

Подѣлу о грабежѣ въ 1625 году, по которому Долмать и Василій Корзины искали съ крестьянъ Троицкаго Ипатьевскаго монастыря Сидора Михайлова съ товарищами 126 рублей, была заключена между обиженными и обвиняемыми мировая сдѣлка, чтобы въ

томъ дѣлѣ не бить челомъ ни Государю, ни боярамъ, ни приказнымъ людямъ, а въ случаѣ неисполненія этого условія, Борзины обязывались противной стороной уплатить 50 рублей (Ак. юр. № 274).

Однакожь, и по опредѣленіи истцу и отвѣтчику срока на явку въ судъ, не всегда въ указанное время начиналось самое судопроизводство. Первоначально назначенный срокъ дозволялось „отписывать“, т. е. просить отсрочки и назначенія новаго срока. „Отписывать“ срокъ могли стороны вмѣстѣ, по взаимному согласію, а также отдѣльно, одинъ истецъ, или одинъ отвѣтчикъ. Въ послѣднемъ случаѣ, тотъ, кто отписывалъ срокъ, платилъ и судебныя издержки. Служилымъ людямъ, посланнымъ куда либо на службу, дозволялось, недѣли за двѣ или за три до явки ихъ на службу, отписывать срокъ безошлинно (Ак. ист. Т. I. № 153 ст. 41 и 49). По окончаніи службы, они обязаны были явиться на судъ спустя мѣсяць съ поверстнымъ срокомъ (семь дней на сто верстъ). (Ак. ист. Т. III № 92).

Пересрочивать сроки для явки на судъ въ Москву могли при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ и мѣстные воеводы (Ак. ист. Т. III № 92, XII).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Производство суда по суднымъ дѣламъ.

Въ этомъ отдѣлѣ мы рассмотримъ: 1) причины, по которымъ превращались дѣла на судѣ въ самомъ ихъ началѣ; 2) самое судоговореніе, а также существо доказательствъ, принимавшихся въ основаніе при рѣшеніи судныхъ уголовныхъ дѣлъ.

1) Причины прекращенія судомъ уголовныхъ дѣлъ.

Къ причинамъ превращенія судныхъ уголовныхъ дѣлъ въ судѣ при самомъ ихъ возникновеніи, кромѣ примиренія, о чемъ мы уже говорили, относятся еще слѣдующія: 1) неявка отвѣтчика или истца на судъ въ назначенный срокъ, или отъѣздъ отвѣтчика или истца до вершенія дѣла; 2) предъявленіе иска о татѣбѣ по сомнительному полицному и 3) давность.

а) *Неявка отвѣтчика или истца на судъ въ назначенный срокъ или отъѣздъ ихъ съ суда.*

Если на срокъ, первоначально назначенный или от-

писанный, являлся истецъ, а отвѣтчикъ не являлся, то истецъ могъ просить о выдачѣ ему безсудной грамоты, т. е. о признаніи его иска подлежащимъ удовлетворенію безъ судебного разбирательства. Такія безсудныя грамоты, по Судебнику Іоанна III, выдавались на 8-ой день по истеченіи срока, назначеннаго для явки въ судъ отвѣтчика (Ак. ист. Т. I № 105); по Судебнику же Іоанна IV велѣно было давать истцамъ безсудныя грамоты по расчету, считая семь дней на сто верстъ разстоянія отъ мѣста суда до мѣста жительства отвѣтчика (Ак. ист. Т. I № 153 ст. 42).

Чтобы дать точное и ясное понятіе о безсудныхъ грамотахъ, приведемъ одну изъ нихъ вполнѣ. Грамота эта относится къ 1533 году и имѣетъ слѣдующее содержаніе:

„Се билъ челомъ Великому князю Василію Ивановичу всея Русіи Троицкаго Махрищскаго монастыря слуга Пышко, а ркучи: записалъ, господине, срокъ въ пристава твоего мѣсто даннаго Игнатія Харитонова, человекъ его Степанко, мнѣ, господине, Пышку съ Шарпомъ Баскаковымъ и съ его дѣтьми; а ищю, господине, съ нихъ того, что тотъ Шарапъ съ своими дѣтьми продали свою отчину, сельцо Полосино, въ домъ Живоначальной Троицы игумену Іонѣ съ братьею, и бушчю грамоту на свою отчину игумену дали; а нынѣ тотъ Шарапъ съ дѣтьми живутъ въ сельцѣ сильно, а вонъ ся не везуть, и язъ, господине, пріѣхалъ къ тому Шарапу и къ его людямъ и учалъ говорити: про что вонъ ся не везете, а тотъ Шарапъ съ своими дѣтьми и съ людьми меня били и грабили, а гра-

бежу взяли меринъ рыжъ въ сѣдлѣ, да съ меня сняли однорядбу, да тѣлогрѣю заячью, да колпакъ съ шапкою, а всего того грабежа на три рубля съ четвертью; стати намъ было, господине, о томъ передъ тобою передъ Великимъ княземъ въ той же день по Рождествѣ Христовѣ 1533 года, а кто не станетъ тотъ безъ суда виновать; язь же, господине, Пышко на тотъ срокъ передъ тобой передъ Великимъ княземъ исбати сталъ, а Шарапъ, господине, и его дѣти и люди на тотъ срокъ исредъ тобою отвѣчати не стали, а уже, господине, по сроцѣ января 13-й день, а ихъ таки нѣтъ; а се, господине, срочная моя и приставъ твой данный передъ тобою. И приставъ Игнатій тако рекъ: въ мое, господине, мѣсто, человекъ мой Степанко, въ томъ дѣлѣ таковъ имъ срокъ записахъ, и Пышко, господине, на тотъ срокъ передъ тобою передъ Великимъ княземъ исбати сталъ, а Шарапъ, господине, его дѣти, да его люди на тотъ срокъ передъ тобою отвѣчать не стали, а ужъ, господине, по сроцѣ Января 13-й день, а ихъ таки нѣтъ. И Князь Великій, возря въ срочную, и по приставню слову даннаго Игната Харитоновъ, далъ ищеѣ Пышкѣ на отвѣтчиковъ на Шарапа Баскакова, на его дѣтей и на его людей свою правую грамоту безсудную по сроцѣ Января въ 13-й день, а ожь будетъ срокъ его правъ, такъ какъ приставъ данный Игнатій сказывалъ, а Шарапъ и его люди и дѣти не на службѣ, и грамота моя въ грамоту; а будетъ срокъ ихъ не правъ и не такъ какъ приставъ данный Игнатій сказывалъ, а Шарапъ и его дѣти и люди будутъ на службѣ, и грамота моя не въ

грамоту“. Подписалъ грамоту дьякъ Василий Ильинъ (Ак. юр. Калачова № 52 стр. 184).

Изложенныя нами постановленія Судебниковъ о безсудныхъ грамотахъ, въ царствованіе Михаила Феодоровича, получили нѣкоторыя измѣненія. Именно, если отвѣтчики, давъ на себя поручныя записи, къ отвѣту въ Москву въ указыныя сроки не пріѣзжали, то имъ посылали вторую зазывную грамоту, и если и по этой грамотѣ они на судъ не становились, то ихъ тѣмъ не винили, а имали на нихъ и ихъ поручникахъ проѣсть, вологиту и приставныя убытки; когда же они не являлись на третій срокъ по третьей грамотѣ, то ихъ обвиняли въ искѣ, т. е. на отвѣтчика выдавали истцу безсудную грамоту.

Если отвѣтчики, ставъ на судъ, и отвѣчавъ, съѣдутъ съ Москвы до вершенія дѣла, давъ по себѣ поручную записку о невыѣздѣ, то отвѣтчика обвиняли съѣздомъ.

Но если истцы, подавъ челобитную, не шли къ суду и не искали недѣлю времени послѣ подачи просьбы, или съѣзжали съ Москвы, а отвѣтчики били челомъ, что истцы хотятъ ихъ испродать, то истцамъ, послѣ указанной недѣли, суда не давали, и сыскавъ что истцы не больны, выдавали отвѣтчикамъ записку, т. е. что они отъ суда свободны (Ак. ист. Т. III № 92, XII и № 167 стр. 305 и 308).

*б) Предъявленіе иска о татѣбѣ по сомнительному
поличному.*

Если кто приводилъ кого будто бы съ поличнымъ и

долгое время не начиналъ о томъ иска, а приведенный человѣкъ говорилъ, что то поличное его „прямой животъ“, то въ 1647 году было постановлено въ искѣ отказывать, буде кто, приведши кого съ поличнымъ, не билъ челомъ объ указѣ цѣлую недѣлю послѣ привода. (Ак. ист. Т. IV № 6, X).

в) *Давность.*

Если истецъ начиналъ дѣло, напр. о бояхъ или грабежахъ, спустя 15 лѣтъ, то по такимъ искамъ за давностию суда не давали (Ак. ист. Т. III № 92, III, XIV).

По гражданскимъ дѣламъ была особая давность, о коей мы не упоминаемъ.

II) Судоговореніе и судебныя доказательства.

По прибытіи на судъ истца и отвѣтчика въ назначенный срокъ начиналось самое судоговореніе.

Судоговореніе начиналось прямо, безъ всякаго предварительнаго слѣдствія, изложеніемъ истцомъ предъ судьей или судьями своей жалобы. Истецъ говорилъ: жалоба ми, господине, на такихъ то или на такого то, напр., на того Басьяна, или на того Михаэлка (Ак. юр. №№ 4 и 10), и за тѣмъ излагалъ самую жалобу. Выслушавъ жалобу, судья обращался къ отвѣтчику или отвѣтчикамъ и произносилъ: „отвѣчай“ или „отвѣчайте“. Послѣ сего, отвѣчикъ излагалъ свои объясненія. Если онъ сознавался, то большею частію говорилъ: „грѣхъ мой ко мнѣ пришелъ;“ если не сознавался, то могъ ссылаться на послуховъ, знахарей, старожильцевъ, или на обыскъ, или просить „поля“. За симъ судья спрашивалъ истца: чѣмъ под-

тверждаетъ онъ свою жалобу, или чѣмъ онъ, напр., въ бою или грабежѣ, отвѣтника уличаетъ? (Ак. юр. № 17). Истецъ могъ тоже сослаться на свидѣтелей и на обыскъ, или указать на тѣхъ же послуховъ, какъ и отвѣтникъ, что называлось общей ссылкой (Ак. юр. № 8), или, не имѣя никакихъ доказательствъ, говорить: „дай намъ, господине, съ нимъ Божию правду, цѣловавъ крестъ, полезу съ нимъ на поле битись“, (Ак. юр. № 17), или: „уличаю, господине, такого то въ татѣбѣ Божьею правдою, цѣловавъ крестъ, да лезу съ нимъ на поле битись и наймита противъ него шлю“ (Ак. юр. № 22) Если были свидѣтели, то судья, обращаясь къ нимъ, говорилъ: скажите въ Божию правду о томъ и о томъ-то, или скажите по крестному цѣлованію (Ак. юр. №№ 3 и 20). Когда дѣло было о нанесеніи ранъ и увѣчій, то дѣлались осмотры. На основаніи приведенныхъ истцомъ и отвѣтикомъ доказательствъ и постановлялся приговоръ.

Относительно дѣлъ о бояхъ (побояхъ) и грабежахъ наблюдались еще слѣдующія правила въ 1561, 1606 и 1614 годахъ:

1) Взыщеть кто на комъ бою и грабежу до рубля, или выше того, и судьямъ того сыскивати всеми людьми, гдѣ дѣло вознисло, если у него столько животовъ сколько рублей заныщеть, и сыщутъ что бой и грабежъ былъ, и истецъ искалъ своего грабежа по своимъ животамъ, и имъ по тому отвѣтника обвинить.

2) А скажутъ въ сыску, что ему бой былъ, а о грабежѣ вѣдома нѣтъ, и ищя искалъ не по своимъ животамъ, и имъ ищей винити.

3) А скажетъ ищя, что у него отняты чужіе жи-

воты, и судьямъ того сыскивати, чей у него животъ отняли, и обыщутъ того, что у него чужіе животы были, а на грабежъ сыску нѣтъ (видоковъ нѣтъ), имъ въ томъ присуждати цѣлованіе съ жеребья.

4) Взыщеть кто великихъ грабежей, рублей на 20 или на 30 или свыше того, и судьямъ въ томъ потому жъ сыскивати накрѣпно, а чего сыскъ нейметъ, и имъ въ томъ по тому жъ присуждати цѣлованіе съ жеребья.

5) А который человекъ взыщеть бою и грабежу, а отвѣтчикъ скажетъ, что билъ, а не грабилъ, и отвѣтчика въ бою винити, а скажетъ, что грабилъ, а не билъ, ино на томъ грабежъ доправити, кто скажетъ грабилъ (Ак. эк. Т. I. № 257; Ак. эк. Т. II № 52; Ак. эк. Т. III № 36).

Такиимъ образомъ, при судоговореніи являлись доказательствами вины: 1) собственное сознание, 2) показаніе обыскныхъ людей и свидѣтелей и 3) поле и замѣнившее его впоследствии вкрестное цѣлованіе. Осмотры также имѣли значеніе при рѣшеніи дѣлъ о нанесеніи ранъ и увѣчій.

Поговоримъ подробно о всѣхъ означенныхъ видахъ судебныхъ доказательствъ.

а) *Собственное сознание.*

Собственное сознание считалось полнѣйшимъ доказательствомъ виновности подсудимаго. Мы видѣли, что сознание въ сыскныхъ дѣлахъ, сдѣланное на распросѣ, не имѣло значенія, если не подтверждено было подь пыт-

кою; въ судныхъ же дѣлахъ добровольное сознание на допросѣ принималось за полное доказательство вины подсудимаго. Вообще, въ судопроизводствѣ по суднымъ дѣламъ было постановлено за правило: „кто въ чужь скажетъ виновать, то на немъ взяти, а въ достали судъ и правда и брестное цѣлованіе“ (Ак. эк. Т. I № 257 и Ак. эк. Т. III № 36). Поэтому, какъ мы сказали выше, если кто обвинялъ кого въ напесеніи ему побоевъ и въ грабежѣ (въ боѣ и въ грабежѣ), а обвиняемый сознавался только въ грабежѣ, то съ него производили взысканіе лишь за грабежъ, и наоборотъ, если кто говорилъ, что билъ, а не грабилъ, то отвѣтника обвиняли только въ бою, а въ остальномъ требовались другія доказательства, т. е. показанія свидѣтелей (правда) или брестное цѣлованіе (Ак. эк. Т. I № 257; Ак. эк. Т. III № 36).

Для ясности представленія, какъ о порядкѣ древняго нашего судопроизводства, такъ и о значеніи на немъ собственнаго сознанія, изложимъ одно судное уголовное дѣло, производившееся въ 1503 году, именно дѣло объ умышленномъ поджогѣ деревни Ильинской Суздальскаго Евфиміева монастыря. Такой поджогъ, совершенный не на разбоѣ, какъ мы объяснили выше, не считался лихимъ дѣломъ въ особомъ правовомъ значеніи слова „лихой“, и преслѣдовался не сыскомъ, а судомъ.

Дѣло, о которомъ мы упомянули, заключалось въ слѣдующемъ:

Въ 1502 году сгорѣла деревня Ильинская въ Суздальскомъ уѣздѣ, принадлежавшая Спасо-Евфиміевскому монастырю. Обвиненіе въ умышленномъ поджогѣ означен-

ной монастырской деревни взведено было на крестьянина Михаила Жука Насонова. Судъ по этому обвиненію производился въ Москвѣ бояриномъ Семеномъ Борисовичемъ (Ак. юр. № 13), вѣроятно въ Приказѣ Большаго Дворца, гдѣ сосредоточивались всѣ судныя дѣла, касавшіяся монастырскихъ вотчинъ. На судѣ у Семена Борисовича находились Аксаковъ и Топорковъ, безъ сомнѣнія товарищи его по завѣдыванію Приказомъ.

Судъ начался изложеніемъ предъ бояриномъ и его товарищами жалобы на крестьянина Михаила Жука повѣреннымъ отъ монастыря, старцемъ Александромъ, который съ своей рѣчью обращался только къ Семену Борисовичу. Старецъ Александръ такъ говорилъ:

„Жалоба ми, господине, на того Михалка; тотъ, господине, Михалко жилъ у насъ въ монастырской деревнѣ въ Ильинской два года, да вышелъ вонъ о Оспожиинѣ дни, а тому, господине, годъ будетъ, князь, господине, взялъ на немъ пожилого за дворъ полтину денегъ, да и паревину есми, господине, его на монастырь рожью постѣялъ; и тотъ, господине, Михалко рѣя съ тому, да ту деревню монастырскую Ильинскую сжогъ, и съ житомъ и съ животомъ, а всего, господине, сжогъ въ той деревнѣ на полдесята рублей.“

Выслушавъ эту жалобу, бояринъ Семень Борисовичъ обратился къ Михаилу Жуку и сказалъ: „отвѣчай“.

И Михалко такъ рекъ:

„Что, господине, говорить? Грѣхъ мой ко мнѣ пришелъ, ту есми, господине, деревню монастырскую Ильинскую сжогъ, съ житомъ и съ животомъ; а подговорилъ

меня, господине, и сжогъ со мною ту деревню монастырскую Копосъ Оедковъ сынъ Черныкова*.

Бояринъ Семенъ Борисовичъ снова спросилъ Михалка: „гдѣ твой товарищъ Копосъ?“

Михалко отвѣчалъ: „Копосъ, господине, товарищъ мой бѣгаетъ“.

Выслушавъ все это, бояринъ Семенъ Борисовичъ постановилъ приговоръ отъ своего лица, а именно: „Евфиміева монастыря ищю, старца Александра, оправилъ (оправдалъ), а отвѣтчика Михалка Жука Насенова сына обвинилъ, и велѣлъ на немъ Великаго князя недѣльщику Гридѣ Свѣтикову ищѣть старцу Александру полдесята рубля денегъ, за монастырскую гибель, доп्राпити; а Копоса Оедкова сына Черныкова велѣлъ заповѣдати и поимати, да поставить его предъ Великимъ княземъ“ (Ак. юр. № 10).

Изъ этого видно, что приговоръ о крестьянинѣ Жукѣ постановленъ былъ на основаніи его собственного сознанія, которое вообще принималось за полное доказательство вины, и что для рѣшенія дѣла не требовалось, чтобы всѣ подсудимые были допрошены и находились налицо. Соблюденіе этого правила перѣдко тормозитъ у насъ дѣла въ настоящее время.

б) Показаніе свидѣтелей и обыскныхъ людей.

На судѣ истецъ или отвѣтчикъ могли ссылаться: первый—въ доказательство своего иска, а второй—въ оправданіе, на послушество или на обыскъ.

Послушествомъ вообще называлась ссылка на свидѣтелей съ точнымъ указаніемъ ихъ именъ и прозваній, а обыскомъ называлась ссылка въ слухъ, в и-

дѣніе или вѣдомо на многихъ людей, безъ поименованія ихъ.

Въ старину показаніе свидѣтелей вообще называлось послушествомъ, а самые свидѣтели послухами, а иногда видками. Это видно изъ слѣдующихъ выраженій обонхъ Судебниковъ: „а кого послухъ опослушествуетъ въ бою и въ грабежѣ; а послухомъ, не выдавъ, не послушествовати, а видѣвши сказати правду“ (Ак. ист. Т. I № 105; Ак. ист. Т. I № 153 ст. 16 и 99).

Въ правыхъ грамотахъ свидѣтельскія показанія также называются послушествомъ; такъ, напр., „шлюсь, господине, въ послушество на такихъ то“ (Ак. юр. № 22)

Слово „видокъ“, употреблявшееся для означенія свидѣтеля въ Русской Правдѣ, встрѣчается еще и въ грамотахъ царя Іоанна Грознаго, напр. въ судной грамотѣ Устюжны-Желѣзопольской (Ак. эв. Т. III № 36).

Послухами вообще назывались не только свидѣтели по тому или другому судному дѣлу, но и свидѣтели, находившіеся при совершеніи какой либо сдѣлки или обязательства, напр. купчей, данной, поручной записи и пр. Эти послѣдніе послухи, въ отличіе отъ первыхъ, носили наименованіе „послуховъ грамотныхъ“, т. е. присутствовавшихъ при написаніи тѣхъ или другихъ грамотъ (Ак. юр. №№ 1 и 23).

Послухи, допрашивавшіеся на судѣ по какому либо дѣлу, спеціально назывались еще правдою; напр., „они сослались на правду, на сусѣдъ своихъ на Солжань. Въ особенности наименованіе послуховъ правдою усматривается изъ правой грамоты 1571 года, по дѣлу о насильственномъ завладѣніи деревнею Корзиной. Именно,

вслѣдствіе заявленія истца, что онъ шлется въ этомъ дѣлѣ „на Тимооюя и его племянниковъ“, и на вопросъ судей, обращенный къ одному изъ отвѣтчиковъ „Онисимкѣ“, на кого онъ шлется, онъ сослался съ своей стороны на Михалка съ братьею. Посему излюбленные судьи велѣли земскому приставу ищезину и отвѣтчикову правду поставить предъ собою. И земскій приставъ правду Тимооюя и его племянниковъ, предъ судьями поставилъ, а также и Онисимкову правду, Михайла съ братьею. Затѣмъ въ грамотѣ говорится, что судьи „просили правды“ Тимооюя и правды Михалка по крестному цѣлованію“ (Ак. юр. №№ 18 и 23).

Иногда свидѣтелей, не присвоивая имъ особыхъ названій „послуха“ или „правды“, просто, именовали „стариками, старожильцами.“ „знахарями. Напр., судьи нерѣдко спрашивали у истцовъ и отвѣтчиковъ: есть ли у васъ изъ стариковъ кто, кому то вѣдомо“, или „есть ли у васъ старожильцы, кому то вѣдомо“, или „есть ли у васъ на то знахари“? (Ак. юр. №№ 2, 4 и 5).

Свидѣтели, на которыхъ сдѣлана общая ссылка, какъ со стороны истца, такъ и со стороны отвѣтника, назывались „обчей правдой“ (Ак. ист. Т. III № 92 стр. 100).

Слово „свидѣтель“, въ настоящемъ его значеніи, употреблено въ первый разъ въ 1556 г. въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику царя Іоанна IV (Ак. ист. Т. I № 154 ст. 17).

Послухи предъ допросомъ не приводились къ присягѣ *) (Ак. юр. № 23).

*) По слухамъ напоминалось только, чтобы они показывали по

Показаніе свидѣтелей, на которыхъ ссылались обѣ стороны, считалось полнымъ доказательствомъ по дѣлу (Ав. юр. № 2). Если же каждая сторона ставила своихъ особыхъ свидѣтелей, то, въ случаѣ разнорѣчія ихъ, истцы или отвѣтчики обыкновенно требовали съ послухами поля, говоря: такіе то „живо-послушествовали, дай намъ, господине (т. е. судья), съ ними въ томъ Божию правду; цѣлуемъ, господине, крестъ, да леземъ съ ними на поле битись“. Но подобныя просьбы въ XVI вѣкѣ рѣдко удовлетворялись, и дѣло рѣшалось, какъ скажемъ ниже, крестнымъ цѣлованіемъ истца или отвѣтника.

Если истецъ или отвѣтникъ ссылались не на многихъ людей, человекъ на пять или шесть, „а вѣрить тѣмъ людямъ будетъ немочно“, то дѣло велѣно было вершить по суду и по дѣлу“ (Ав. ист. Т. I. № 154 ст. 7). Но если истецъ или отвѣтникъ ссылались на боярина, на дьяка или на припазнаго человекъ „кому мочно вѣрити, посмотри по дѣлу, то той правды не отставлять, а какъ скажутъ, по тому и вершить, безъ поля и безъ цѣлованія“.

На судѣ истцу или отвѣтчику дозволялось „слаться изъ виноватаго“, хотя на одного человекъ, т. е. съ тѣмъ условіемъ, что если свидѣтель словъ истца или отвѣтника не подтвердитъ, то тотъ или другой признавалъ себя виноватымъ. Какъ показывалъ такой свидѣтель, такъ дѣло и рѣшалось, безъ поля и безъ цѣлованія; „а

прежде данной ими вѣрноподданнической присягѣ. Судья предъ допросомъ говорили имъ: „скажите, по Государеву крестному цѣлованію, какъ за Государя крестъ цѣловали“.

хотя невеликимъ словомъ не договорить*, то есть не подтвердить словъ истца или отвѣтчика, то тѣмъ и обвинить (Ак. ист. Т. I. № 154 ст. 7, 8 и 9).

Обыски производились въ судныхъ дѣлахъ не только уголовныхъ, но и гражданскихъ; напр. по дѣламъ о правѣ на землю „обыскывалось людьми добрыми, всею волостию“ (Ак. юр. № 6). Обыски, по требованію судей, производились мѣстными старостами или цѣловальниками, или особо для этого посылавшимися лицами, которые допрашивали на обыскѣ только лучшихъ людей: князей, дѣтей боярскихъ, приказчиковъ, архимандритовъ, игуменовъ, поповъ, дьяконовъ, посадскихъ людей и крестьянъ. Свѣтскіе люди спрашивались подъ присягою, а духовные по священству. Обыскъ производился „съ лица на лицо“, а за очи обыскныхъ людей запрещалось писать. Рѣчи свои обыскные люди, грамотные, писали сами, а за неграмотныхъ — къ ихъ рѣчамъ прикладывали руки отцы ихъ духовные (Ак. ист. Т. I № 154 ст. 3).

Въ качествѣ обыскныхъ людей не дозволялось допрашивать „роды и заговоры“, какъ со стороны истца, такъ и со стороны отвѣтчика, т. е. ихъ родственниковъ и лицъ, состоявшихъ съ ними въ одной артели, или находившихся въ какихъ либо обязательныхъ къ нимъ отношеніяхъ (Ак. ист. Т. I № 154 ст. 2).

Въ какомъ порядкѣ предписывалось производить обыски, это наглядно усматривается изъ возникшаго, въ 1641 году, дѣла о взаимныхъ побояхъ и грабежахъ между крестьянами помѣщиковъ Полибина и Зиѣва.

Въ Вологодскомъ уѣздѣ, между сосѣдними помѣщиками даревни Шибловой, Полибинымъ, и деревни

Оскребалой, Змѣевымъ, возникали постоянныя неудовольствія, вслѣдствіе чего, по наущенію этихъ помѣщиковъ, между ихъ крестьянами непрерывно происходили взаимныя драки и грабежи. Наконецъ, на такія насильства, какъ Полибинъ, такъ и Змѣевъ, подали другъ на друга исковыя жалобы въ Москву, вѣроятно въ Московскій Судный Приказъ, гдѣ судились дворяне.

Полибинъ жаловался, что крестьяне Змѣева съ 1627 по 1640 годъ постоянно самовольно рубятъ его, Полибина, хороуный и дровяной лѣсъ, возлѣ деревни Шибловой, и что 5 апрѣля 1640 года эти крестьяне, по приказанію Змѣева, побили и ограбили даже самого его Полибина и его людей. Это послѣднее обстоятельство, по разсказу жалобщика, происходило такъ: Полибинъ былъ съ своими людьми Ивашкомъ Юрепемъ и другими, всего въ числѣ 6 человекъ, въ монастырѣ Пречистыя Богородицы Владимірской у заутрени; послѣ заутрени, крестьяне Змѣева, собравшись воровскимъ умысломъ, по велѣнію Змѣева, въ монастырѣ, били тамъ Полибина и матерны и всякою неподобною лаею его лаяли, и хотѣли до смерти убить, да кромѣ того ограбили у него черную бархатную шапку, ожерелье пристяжное, золотой перстень съ яхонтомъ и полость съ саней, всего на 126 рублей: людей его тоже ограбили и избили до крови, такъ что онъ, Полибинъ, и его люди вынуждены были укрыться въ кельѣ, пока не выручили ихъ всѣхъ крестьяне его. Полибина, прибѣжавшіе къ нему на помощь.

Съ своей стороны Змѣевъ жаловался, что, не смотря на то что люди его производили рубку деревъ не въ По-

либинской лѣсной дачѣ, а въ Государевомъ лѣсу, на Вохтомѣ, крестьяне Полибина въ 1639 году, по его приказанію, увидѣвъ крестьянъ его, Змѣева, ѣхавшихъ изъ Вохтомскаго лѣса съ дровами, избили ихъ и ограбили, взяли грабежемъ два топора, двое рукавицъ и двѣ узды, и что затѣмъ, на вербной недѣлѣ въ 1640 году, тѣ же крестьяне Полибина избили и ограбили крестьянъ его, Змѣева, въ самомъ лѣсу, на Вохтомѣ, и взяли у нихъ грабежемъ три креста серебряные, три зипуна, три шубы, три шапки, трое рукавицъ, трехъ лошадей съ хомутами, три топора, рубахи съ поясами и кошпны съ деньгами, и многихъ ихъ били плетью. Послѣ сего, человекъ Полибина, Ивашко Юрень съ другими, пріѣхали насильно къ крестьянину его, Змѣева, къ Ларкѣ Мосѣеву, въ деревню Оскребалово, ограбили у него и у его жены деньги и одежду, и били послѣднюю по щекамъ и драли за косы. Наконецъ, въ томъ же 1640 году, лѣтнею порою, люди Полибина, Ивашко Юрень и другіе, проѣздомъ чрезъ деревню Оскребалово, въ деревню Шиблово, били его, Змѣева, крестьянъ, безчестили крестьянокъ, отнимали у нихъ на водѣ платье, влихивали насильно крестьянокъ въ воду, толочили хлѣбъ, подсѣкали ворота и ломали окна у избъ.

По такимъ жалобамъ Полибина и Змѣева предписано было изъ Москвы Вологодскому воеводѣ, князю Хованскому, послать дворянина, или сына боярскаго добра, обыскать около помѣстій Полибина и Змѣева верстъ за 30 и больше всякихъ чиновъ людьми духовными и свѣтскими, спросивши духовныхъ по священству и иноческому обѣщанію, а свѣтскихъ по крестному цѣлова-

нію, дѣйствительно ли все то происходило, что въ означенныхъ жалобахъ написано. При этомъ, велѣно было обыскнымъ людямъ говорить накрѣпко, чтобъ въ обыскахъ не лгали, сказывали въ рѣчахъ своихъ правду. Притомъ, допрашивать предписывалось противъ всякой статьи обвиненія порознь, чтобы въ сыскахъ и въ недопросѣ ни одна статья пройдена не была. Кромѣ того, за очи и подставою въ обыскныя рѣчи обыскныхъ людей писать запрещалось. „Да кто что про то про все въ обыску обыскные люди скажутъ, и тѣхъ обыскныхъ людей имена, прозвища и рѣчи велѣно писать на списокъ земскому или церковному дьячку, порознь, по статьямъ, именно; да въ тѣмъ обыскнымъ рѣчамъ обыскнымъ людямъ руки свои приложить, а которые обыскные люди грамотѣ не умѣютъ, и въ тѣхъ обыскныхъ людей мѣсто отцемъ ихъ духовнымъ руки приложить; да тѣ обыски, за обыскныхъ людей руками и за общицковою рукою, прислать въ Москву“ (Ак. юр. № 345)

По произведенному указаннымъ порядкомъ обыску рѣшалось дѣло, согласно съ показаніемъ обыскныхъ людей; но это было въ томъ случаѣ, если обыскные люди показывали на обыскѣ единогласно. Но если обыскные люди разнорѣчили между собою, одни говорили за истца, а другіе за отвѣтчика, то въ такомъ случаѣ принимали во вниманіе количество показаній съ той и другой стороны. Если показывало большее число лицъ (человѣкъ 50 или 60) за истца, то отвѣтчика обвиняли, а если большее число лицъ говорило за отвѣтчика, то его оправдывали (оправляли), безъ поля и крестнаго цѣлованія, а, затѣмъ, сыскивали особо, кото-

рая половина обыскныхъ людей солгала, и солгавшихъ подвергали наказанію (Ав. ист. Т. I № 154 ст. 4).

Если обыскные люди говорили поровну, одна часть за истца, а другая за отвѣтника, то по такимъ обыскамъ дѣла не вершили, а производили обыски нѣкими многими людьми, и по этому послѣднему обыску рѣшали дѣло. А затѣмъ производили особо разслѣдованіе которая половина изъ обыскныхъ людей солгала, и солгавшихъ, изъ 100 человѣкъ, лучшихъ 5 и 6 человѣкъ били кнутомъ (Ав. ист. Т. I № 154 ст. 5).

в) *Поле.*

„Поле“, т. е. судебный поединокъ, было весьма древнимъ обычаемъ, глубоко вкоренившимся въ нравы русскаго народа. При спущеніи поль наблюдались слѣдующія правила. Выходившимъ биться „на поле“ дозволялось употреблять при этомъ какія угодно орудія, исключая пищалей и луковъ. Одежда бившихся, иначе польщпковъ, какъ ихъ въ старину называли, состояла въ доспѣхахъ, т. е. они надѣвали на себя панцыри, латы, поручи и шлемы. Самый бой начинался сперва никово, а потомъ употреблялись въ дѣло и другія орудія. Если поле происходило въ Москвѣ, то при немъ присутствовали окольнічій и дьякъ. Обязанность ихъ состояла въ наблюденіи за порядкомъ „при спущеніи поль.“ Приѣхавъ къ „полю“, они прежде всего спрашивали истца и отвѣтника: кто за ними стряпчие и поручники? Кого польщпки называли за собою стряпчихъ и поручниковъ, тѣмъ только окольнічій и дьякъ позволяли стоять у поединка, но безъ доспѣховъ и ду-

бивъ. Кромѣ стряпчихъ и поручниковъ, никому не рѣшалось находиться близко у поля, лицъ же неповиновавшихся такому распоряженію, какъ ослушниковъ, отсылали за наказаніе въ тюрьму.

Герберштейнъ свидѣтельствуесть, что друзья и доброжелатели обѣихъ бывшихъ сторонъ, т. е. стряпчіе и поручники, нерѣдко оставались при поединкѣ, вопреки запрещенію, съ дубинами, которыми иногда и пользовались. Если поручники и стряпчіе одного изъ бойцовъ усматривали, напр., что ему нанесена какая нибудь обида, т. е. нарушались въ отношеніи его правила боя, то тотчасъ подбѣгали къ нему для отраженія такой обиды; то же самое дѣлали стряпчіе и поручники другой стороны, такъ что между стряпчими и поручниками обѣихъ сторонъ весьма часто возникали общія схватки, при чемъ дрались въ потасовку: кулаками, батогами и дубинами (Гербер. Записки о Московіи стр. 83; Ав. ист. Т. I № 105). Впрочемъ, обольничіе и дьяки, находившіеся при поединкахъ, должны были преобразовать всякіе происходившіе при этихъ поединкахъ беспорядки, такъ какъ существеннѣйшею ихъ обязанностью было наблюдать, чтобы „бой польщиковъ“ былъ равный (Ав. ист. Т. I № 153 ст. 13). Судебные поединки продолжались иногда нѣсколько дней сряду, такъ что, по окончаніи боя въ первый день, онъ возобновлялся на другой день и т. д., пока наконецъ поединокъ не оканчивался рѣшительною побѣдою одного противника надъ другимъ. Изъ дѣла 1525 года о грабежѣ, въ коемъ обвинялся вотчинникъ Чудинъ Акивфовъ и его люди, видно, что бойцы стояли у поля семь дней,

и наконецъ одинъ изъ бойцовъ убѣжалъ, не дождав-
шись конца поединка (Ак. юр. № 17).

Поле, нерѣдко обанчивавшееся убійствомъ одного изъ противниковъ, постоянно встрѣчало противодѣйствіе со стороны духовенства, но его усилія искоренить этотъ обычай долгое время оставались тщетными. Еще въ 1410 году митрополитъ Фотій запрещалъ приобщать св. таинъ лицъ, готовившихся къ выходу „на поле“, и вмѣнялъ священникамъ въ обязанность не хоронить убитыхъ на судебномъ поединкѣ, а убивавшимъ на немъ кого либо не давать святаго причастія въ продолженіи 18 лѣтъ. (Ак. эк. Т. I № 369). Но, не смотря на такую строгую мѣру, предпринятую со стороны духовной власти, „поле“ не переставало существовать еще около полутора столѣтій, и даже допускалось монастырскими уставными грамотами, при этомъ запрещалось лишь сводить поле за воротами монастырей (Ак. эк. Т. I №№ 255 и 307). Только въ 1551 году, по особому постановленію духовнаго собора, названному Соборнымъ Уложеніемъ, запрещено было священниковъ, дьяконовъ и людей иноческаго чина принуждать къ полю, хотя они и прежде лично никогда не участвовали въ судебныхъ поединкахъ, а ставили вмѣсто себя паймитовъ (Ак. эк. Т. I. № 229; Ак. ист. Т. I № 155). Наконецъ, въ 1556 году, царь Іоаннъ IV повелѣлъ: „судити и сыскивати во всякихъ дѣлахъ и управу чинити безъ поля“ (Ак. ист. Т. I № 194, V ст. 15; Ак. эк. Т. I № 250). Съ этихъ поръ „поле“ стало терять свою силу и замѣнено крестнымъ цѣлованіемъ, по укоренившійся народный обычай нелегко было сра-

зу уничтожить, такъ что и Грозный вынужденъ былъ отступить отъ своего повелѣнія, и въ 1572 году разрѣшилъ въ Великомъ Новгородѣ спускать поля по старинѣ (Пол. Соб. лѣтописей Т. III стр. 168). Впрочемъ, „поля“, послѣ 1556 года, существовали и въ другихъ мѣстахъ, напр. въ вотчинахъ Троицко Сергіева монастыря оно употреблялось еще въ 1580 году (Ак. эк. Т. I № 307).

Разсматривая поле, какъ судебное доказательство, мы должны сказать, что оно, по народному о немъ понятію, считалось судомъ Божиимъ, — „Божьей правдой“. Предъ началомъ поля, выходившіе на судебный поединокъ обязаны были цѣловать брестъ, каждый въ подтвержденіе своей правоты. Въ полю никого не принуждали, оно назначалось только по взаимному на то согласію истца и отвѣтника, и по собственной ихъ о томъ просьбѣ на судъ. Такъ, напр., по одному дѣлу 1510 года отвѣтникъ Федьба и его товарищи такъ говорили судѣ: „дайте, господине, намъ съ Евфимомъ (истцомъ) Божию правду, цѣловавъ, господине, брестъ животворящій, да леземъ, господине, съ нимъ на поле биться“. И Евфимъ на вопросъ судьи также отвѣчалъ: „лезу, господине, съ нимъ на поле биться“ (Ак. юр. № 14).

Иногда истецъ или отвѣтникъ, не приводя никакихъ основаній первый — въ доказательство своего иска, а второй — въ свое оправданіе, прямо просили поля. Въ подтвержденіе этого укажемъ на дѣло 1530 года, по которому отвѣтники, крестьяне Мощалка и его товарищи, по иску игумена Николаевского Корельскаго

монастыря Зосимы, доказывали свою правоту только просьбою о назначеніи имъ съ истцомъ поля: „въ томъ, господине, крестъ цѣлуемъ и на полѣ съ нимъ битися леземъ“. Такъ какъ въ то время священнослужители могли еще участвовать въ полѣ, ставя за себя наймитовъ, то судья спросилъ игумена: „ты крестъ цѣлуешь ли и на поле съ ними битися лезешь ли?“ Игуменъ отвѣчалъ: „крестъ, господине, цѣлую и на поле съ ними битися лезу“. „И понмались обои истцы за поле“. Но поле по означенному дѣлу не было назначено. Вообще, согласіе обѣихъ сторонъ рѣшить дѣло судебнымъ поединкомъ нисколько не обязывало судей непременно назначать поле, и оно въ XVI вѣкѣ, еще до полного его запрещенія, назначалось уже весьма рѣдко.

Въ виду того, что поле считалось судомъ Божиимъ. Божьей правдою, побѣжденный на полѣ или даже убитый, былъ ли то истецъ или отвѣтчикъ, считался виновнымъ и дѣло рѣшалось въ пользу побѣдителя (Ак. ист. Т. I № 105; Ак. ист. Т. I № 153 ст. 12). Кто, стоявши уже у поля, не являлся для продолженія поединка, и до окончанія его убѣгалъ, тотъ также считался побѣжденнымъ и обвинялся по дѣлу (Ак. юр. № 17).

При судебныхъ поединкахъ было постановлено общимъ правиломъ: „битися на полѣ бойцу съ бойцемъ, или небойцу съ небойцемъ; а бойцу съ небойцемъ не битися, а пожелаетъ небоецъ съ бойцемъ битися, иво имъ на полѣ битися“ (Ак. ист. Т. I № 153 ст. 14).

О томъ, кого считать бойцомъ и кого небойцомъ,

были въ обонхъ Судебникахъ постановлены слѣдующія подробныя правила:

Если истцомъ или отвѣтчикомъ была женщина, или дѣтина малъ, или старнѣъ, или немощный, или увѣчный, или же попъ и чернецъ, то таія лица не считались бойцами, и имъ дозволялось ставить за себя въ полю наймитовъ. Противъ такихъ наймитовъ истцу и отвѣтнику разрѣшалось также ставить за себя наймита, или самому биться съ наймитомъ, если истецъ или отвѣтчикъ того желали.

Если за истца и отвѣтника бились на полѣ ихъ наймиты, то крестъ цѣловали предъ началомъ поединка не наймиты, а истецъ и отвѣтчикъ.

Бромъ судебныхъ поединковъ, между истцами или отвѣтчиками непосредственно или чрезъ наймитовъ, поле могло происходить между отвѣтчикомъ, съ одной стороны и показавшимъ противъ него послухомъ съ другой.

Такъ напр., если послухъ послушествовалъ противъ кого въ боѣ и въ грабежѣ, то отвѣтчикъ, противъ котораго показывалъ свидѣтель, могъ или требовать съ послухомъ поля, или, ставъ у креста, положить то, чего съ него искали, тогда истецъ бралъ положенное возлѣ креста и дѣло оканчивалось. Если же отвѣтчикъ выходилъ съ послухомъ на поле, то и въ этомъ случаѣ наблюдались относительно поставки за себя наймитовъ тѣ же самыя правила, какъ при спущеніи поля между истцомъ и отвѣтчикомъ, т. е. если отвѣтчикъ былъ старъ или малъ, или увѣченъ, или жонка, или попъ, или чернецъ, то онъ могъ поставить за себя къ полю

наймита, но послуху, не подходившему подь означенную выше категорію небойцовъ, наймита ставить не дозволялось; въ противномъ же случаѣ, и послуху разрѣшалось брать за себя наймита.

Кромѣ того, поле могло происходить между послухами истца и отвѣтчика.

Если истецъ и отвѣтчикъ ссылались на нѣсколькихъ свидѣтелей, и одни изъ нихъ показывали въ истцовы или отвѣтчиковы рѣчи, а иные не молвили въ истцовы или отвѣтчиковы рѣчи, и разнорѣчившіе свидѣтели просили между собою поля, то оно имъ, по усмотрѣнію судьи, могло присуждаться и дѣло рѣшалось на основаніи показанія тѣхъ свидѣтелей, которые оставались побѣдителями на судебномъ поедингѣ. Если побѣждали тѣ послухи, которые говорили въ истцовы рѣчи, то истцовы иски и пошлины имали на отвѣтчикѣ и тѣхъ послухахъ, которые не послушествовали въ истцовы иски. Если же свидѣтели, не послушествовавшіе въ истцовы рѣчи, побѣждали, то въ искѣ отказывали, и съ истца и съ побѣжденныхъ послуховъ брали пошлины, какія слѣдовало по дѣлу. Если послухи истца или отвѣтчика, не смотря на разнорѣчіе въ ихъ показаніяхъ, одни просили поля, а другіе не просили, то истецъ или отвѣтчикъ, смотря потому, чьи свидѣтели уклонялись отъ поля, признавался виноватымъ (Ак. ист. Т. I №№ 105 и 153 ст. 15, 17 и 19; Ак. юр. № 20).

Бывали и такіе случаи, что послухи, выставленные истцомъ, между собою разнорѣчили, одни говорили въ истцовы рѣчи, а другіе въ истцовы рѣчи не говорили, тогда этимъ послухамъ не запрещалось также просить поля. То же самое наблюдалось, если оказы-

валося противорѣчіе въ показаніяхъ между послухами, выставленными отвѣтчикомъ.

г) *Крестное цѣлованіе и жребій безъ крестнаго цѣлованія.*

Въ то время, когда поле стало выходить изъ употребленія, и было потомъ вовсе запрещено, крестное цѣлованіе, предшествовавшее прежде полю, сдѣлалось самостоятельнымъ судебнымъ доказательствомъ, которое нерѣдко выражалось словами: „довести до вѣры“, учинить вѣру“.

Но присяга, или, какъ ее въ старину называли, „крестное цѣлованіе“, могла касаться только свѣтскихъ лицъ, лица же духовнаго сана, какъ извѣстно, не приводились къ присягѣ. Поэтому, для судныхъ дѣлъ, въ которыхъ участвовали лица духовныя или одни, или вмѣстѣ съ лицами свѣтскими, еще до совершенной отмѣны поля, было установлено, вмѣсто крестнаго цѣлованія, особаго рода судебное доказательство—жребій.

Такъ въ 1551 году, соборомъ духовенства, относительно дѣлъ, въ которыхъ были истцами или отвѣтчиками лица духовнаго сана и монашествовавшія, постановлено было: а въ которыхъ дѣлѣхъ, по суду, свидѣтелей нѣтъ и обыскомъ обыскати немочно, а иматися будутъ за одно крестное цѣлованіе и за поле: и о томъ крестное цѣлованіе и поле отставить, да возложить на судьбы Божіи, кинути жребій, и чей напередъ выйметя, того и оправити, а крестнаго цѣлованія и поля священническому и иноческому чину не присуждати“ (Ак. ист. Т. I № 155).

Хотя выписанное нами постановленіе собора касалось только духовныхъ лицъ, но нельзя думать, чтобы, при совмѣстныхъ ихъ дѣлахъ съ лицами свѣтскими, первыя пользовались жребіемъ, а послѣднія принимали присягу, да и самый жребій не могъ бы состояться безъ участія въ немъ обѣихъ сторонъ. Посему несомнѣнно, что для дѣлъ общихъ между духовенствомъ и людьми свѣтскими употреблялся жребій безъ крестнаго цѣлованія. Самый жребій вѣроятно производился такъ. на одномъ билетикѣ писали имена истцовъ, а на другомъ имена отвѣтчиковъ, смѣшивали билетики между собою, и вынимали который нибудь изъ нихъ на удачу, и чей билетикъ прежде вынимался, тотъ и считался по суду Божьему правымъ.

Указавъ съ какого времени и въ какихъ случаяхъ стали употребляться у насъ въ старину крестное цѣлованіе безъ поля и жребій безъ крестнаго цѣлованія, изложимъ теперь самыя правила, какия вельно было соблюдать при допущеніи крестнаго цѣлованія, какъ самостоятельнаго судебнаго доказательства.

Въ 1556 году, въ дополненіе къ судебнику Іоанна IV, сказано: а досудятся въ которомъ дѣлѣ до поля, а станетъ бити челомъ отвѣтчикъ, что ему стояти у поля немочно, чтобъ присудили крестное цѣлованіе: ино поле отставити, а дати на волю истцу, хочеть самъ цѣлуеть, или ему дастъ, т. е. отвѣтчику. А учнетъ бити челомъ ищца, ино по тому жъ дати отвѣтчику на волю (Арх. ист. Т. I № 154, V ст. 15).

Такимъ образомъ оказывается, что и въ то время, когда поле еще было въ употребленіи, отъ истца или

отвѣтчика зависѣло устранить поле и просить крестнаго цѣлованія въ подтвержденіе истцомъ правоты, а отвѣтчикомъ неправоты иска.

Истцу предоставлялось или самому цѣловать крестъ, или предоставлять такое цѣлованіе на душу отвѣтчика, и наоборотъ, такимъ же точно правомъ пользовался и отвѣтчикъ. Первоначальнымъ выборомъ, кому присягать, располагалъ тотъ, кто первый просилъ объ устраненіи поля и о назначеніи, вмѣсто него, крестнаго цѣлованія.

Но впоследствии, когда поле было запрещено, первоначальное право назначать, кому цѣловать крестъ, опредѣлялось жребіемъ. Если вынималъ жребій истецъ, то онъ цѣловалъ крестъ или отдавалъ это на душу отвѣтчика; если же вынималъ жребій отвѣтчикъ, то и ему предоставлялось то же право. Это называлось цѣлованіемъ съ жеребья (Ак. ист. Т. I № 165; Ак. эк. Т. I № 257; Ак. эк. Т. II № 52).

Къ цѣлованію креста допускались только истцы и отвѣтчики не меньше 20 лѣтъ отъ роду, но если они были возрастомъ меньше 20 лѣтъ, то присягали за нихъ ихъ люди; въ случаѣ же неизлѣнія ими людей, допускались къ присягѣ истцы и отвѣтчики и меньше 20 лѣтъ, но при этомъ запрещалось имъ нанимать кого либо цѣловать за себя крестъ (Ак. ист. Т. III № 92, VII).

Крестъ для судебнаго цѣлованія предписано было употреблять только деревянный, съ написаннымъ на немъ распятіемъ и „дѣяньями“; на мѣдныхъ же крестахъ присягать запрещалось.

Въ Москвѣ, къ крестному цѣлованію, какъ судебному доказательству, приводили лишь въ одномъ мѣ-

стѣ, именно въ церкви Николая Старого, и непременно утромъ, а не вечеромъ. При приводѣ къ присягѣ обязаны были присутствовать по назначенію: дворянинъ, подъячій и цѣловальникъ (Ак. ист. Т. III № 92, II).

Если иски къ русскимъ людямъ предъявляли иноземцы — Литва, Нѣмцы и Татары, и приходилось крестъ цѣловать русскимъ людямъ, то обрядъ приведенія ихъ къ присягѣ исполнялся уже не въ церкви Николая Старого, а въ томъ Приказѣ, гдѣ происходило дѣло. Но когда иноземцамъ приходилось „цѣловать“ т. е. присягать, то тѣхъ иноземцевъ приводили къ вѣрѣ по ихъ исповѣданію (Ак. ист. Т. III № 92, VII).

До сихъ поръ мы говорили о присягѣ самихъ истцовъ или отвѣтчиковъ, но въ старину вмѣсто господъ-истцовъ или отвѣтчиковъ могли цѣловать крестъ ихъ люди, и вмѣсто монастырскихъ слугъ — монастырскіе крестьяне, но только въ томъ случаѣ, если противная сторона довѣряла имъ и отдавала присягу на ихъ души. При этомъ соблюдалось, чтобы присягали тѣ люди, о которыхъ истцами напередъ было заявлено въ жалобахъ, или на которыхъ отвѣтчики указывали на судѣ. (Ак. ист. Т. III №№ 10 и 167; Ак. эк. Т II № 52).

Однакожъ, люди, обязанные цѣловать крестъ за своихъ господъ или за монастырскихъ слугъ, допускались къ присягѣ только тогда, если имѣли не меньше 20 лѣтъ отъ роду; въ противномъ случаѣ цѣловали крестъ сами истцы или отвѣтчики. — Кромѣ того, одинъ и тотъ же человекъ за своихъ господъ могъ присягать лишь три раза по тремъ дѣламъ, но въ чет-

вертый разъ ни по какому дѣлу онъ къ присягѣ за своихъ господъ не допускался (Ак. ист. Т. III № 92, VII).

Подобно тому, какъ и при существованіи поля, оно допускалось и относительно послуховъ, такъ точно. при разнорѣчій между ними, допускались и послухи къ крестному цѣлованію.

Такимъ образомъ, если истецъ въ какомъ либо дѣлѣ ссылался на послуховъ, а послухи его между собою разнорѣчили, „иные молвили въ истцовы рѣчи, а иные въ истцовы рѣчи не молвили“, и тѣ, которые молвили въ истцовы рѣчи, просили съ другими послухами „вѣры“, то имъ присуждалось цѣлованіе съ жеребья. Если по жеребью цѣловали крестъ тѣ послухи, которые послушествовали въ истцовы рѣчи, то истцовъ искъ имался на отвѣтчикѣ, а тѣхъ послухахъ, которые не послушествовали въ истцовы рѣчи. Если же послухи, послушествовавшіе въ истцовы рѣчи не просили „вѣры“ съ другими, съ ними разнорѣчившими, послухами, то истца обвиняли. Когда послухами, были попы и дьяконы, то имъ давали правду съ жеребья безъ цѣлованія.

Если послухъ послушествовалъ противъ отвѣтника въ боѣ или въ грабежѣ, или въ какомъ либо другомъ судномъ дѣлѣ, то отвѣтчику съ послухомъ присуждали цѣлованіе съ жеребья. При этомъ дозволялось отвѣтчику отдать цѣлованіе креста на душу послуху, или прямо заплатить искомое (Ак. эк. Т. II № 52; Ак. ист. Т. I № 165; Ак. эк. Т. I № 257).

Въ случаѣ разнорѣчій между послухами истца и послухами отвѣтника соблюдалось то же самое.

У цѣлованія креста велѣно было ставиться на трехъ

ставкахъ, и только послѣ третьей ставки истцы, отвѣтчики, ихъ люди или послухи допускались къ присягѣ, если же истецъ или отвѣтчикъ не ставился на третьей ставкѣ самовольствомъ, безъ челобитья, тотъ тѣмъ и обвинялся (Ак. ист. Т. III № 92, XV).

д) *Осмотры.*

Осмотры въ старину бывали по уголовнымъ суднымъ дѣламъ слѣдующіе: 1) осмотры труповъ убитыхъ людей и 2) осмотры ранъ и увѣчій.

Осмотры труповъ убитыхъ людей производились и по суднымъ уголовнымъ дѣламъ, такъ какъ не всѣ дѣла о душегубствахъ подлежали суду въ порядкѣ сыска.

Душегубца намѣстники, волостели и ихъ тѣны судили надъ убитою головою, и чинили ему продажу, а если не было душегубца въ лицахъ, то взыскивали виру съ той волости, гдѣ находили трупъ убитаго (Ак. ист. Т. I № 178). Осмотръ убитыхъ производился доводчиками амѣстниковъ или волостелей вмѣстѣ съ волостными старостами и понятыми въ числѣ не менѣе 10 человекъ изъ лучшихъ людей (Ак. ист. Т. I № 125). За осмотръ доводчики получали сначала 2 алтына на виноватомъ, а потомъ три алтына (Ак. эк. Т. № 357; Ак. эк. т. III № 112). Самоубійцы тоже подвергались осмотру. Такъ, въ 1613 году, зарѣзался въ Бѣлозерской тюрьмѣ колодникъ Нифонтко, посаженный въ тюрьму за распространеніе воровской смуты въ волостяхъ. Трупъ его осматривалъ судный цѣловальникъ съ понятыми. По осмотру было найдено, что у Ни-

фонтка „брюхо разрѣзано ножемъ знатно, отъ ложки вдоль по брюху до пуца, и кишки всё изъ брюха вывалились, перерѣзаны“ (Ак. юр. № 27).

Раны и увѣчья, кѣмъ либо кому нанесенныя, также безусловно подвергались осмотру, такъ какъ самая пеня за нанесеніе ихъ назначалась смотря по увѣчью, по ранѣ и по человѣку. Въ провинціяхъ производили эти осмотры доводчики, и получали за осмотръ два алтына съ виновнаго (Ак. эк. Т. I № 357); при производствѣ же дѣлъ о ранахъ и увѣчьяхъ въ Москвѣ, въ Приказахъ, осмотръ раненныхъ и изувѣченныхъ возлагался на дьяковъ. Такъ, по дѣлу, возникшему въ Юрьевскомъ уѣздѣ, въ Новой Митрополичьей слободкѣ о нанесеніи ранъ митрополичьему крестьянину Онашкѣ крестьянами сосѣдняго съ Митрополичьею слободкою вотчинника Акинфіева, разбиравшіе это дѣло бояре велили дьякамъ Кувшинову и Александрову осмотрѣть Онашку. Гдѣ былъ произведенъ осмотръ, въ Москвѣ, или въ Новой Слободкѣ, изъ правой грамоты не видно. Самый осмотръ, произведенный дьяками, изложенъ такъ: „Онашка битъ, а лѣвая нога у него переломлена, а правая бита жъ добрѣ, а въ дву мѣстахъ кость прошиблена, а на хребтѣ синева велика“ (Ак. юр. № 17). Въ XVII вѣкѣ, увѣчья и раны осматривали подъячіе, для чего они отправлялись для осмотра на мѣсто жительства потерпѣвшихъ, гдѣ и брали понятыхъ. Такъ, по дѣлу о нанесеніи побоевъ и ранъ крестьянину Яковлеву, осмотръ его производилъ подъячій Гавриловъ съ 5-ю понятыми изъ окрестныхъ крестьянъ. Въ осмотрѣ написано: „на головѣ, на лбу прорублено бердышемъ

до крови, на лѣвой рукѣ два пальца средніе порублены до крови, на правомъ боку къ титѣ порублено до крови, на правой рукѣ на локтѣ прошиблено кистенемъ до крови, на спинѣ противъ сердца сине и опухло, да на поясицѣ очерабнуто до крови“ (Ак. юр. Калачова № 78).

Такіе осмотры не оставляли разумѣется сами по себѣ доказательства вины подсудимаго, но если онъ уличался въ нанесеніи кому либо ранъ или увѣчій другими обстоятельствами дѣла, то имѣли значеніе при опредѣленіи ему мѣры отвѣтственности. *)

*) Прим. Въ гражданскихъ судебныхъ дѣлахъ производились, въ случаѣ надобности, осмотры разныхъ поземельныхъ угодій. Такъ напр. въ 1483 году, по дѣлу о правѣ проѣзда по рѣкѣ Перервѣ, вслѣдствіе спора о томъ между Свѣтогорскимъ монастыремъ и крестьянами села Егорьевскаго, осматривалась самая рѣка Перерва, и осматривавшіе „тоѣ воды досмотрѣли, да и на дубъ выписали (т. е. сняли на планъ) и передъ осподою положили“ (Ак. юр. № 2)

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Постановленіе и исполненіе приговоровъ.

Все происходившее на судѣ по судному дѣлу записывала намѣстничья, волостельныя или земскіе дьячки, въ присутствіи судей, въ судныя списки, и включали въ нихъ и самый приговоръ. Списки подписывались какъ судьями, такъ и цѣловальниками, т. е. судными мужами (Ав. эк. Т. I № 250 и др.; Ав. эк. Т. II № 52; Ав. эк. Т. III № 37):

Приговоры, послѣ изложенія въ судномъ спискѣ дѣла, писались кратко, большею частію въ слѣдующей формѣ: „и потому такой то (имя и отечество судьи) такого-то оправилъ (т. е. оправдалъ), а такого-то обвинилъ.“ Въ нѣкоторыхъ случаяхъ приводились и основанія къ постановленію того или другаго приговора напр: а отвѣтчиковъ (судья) обвинилъ, потому что послались на правду (на свидѣтелей), „а именовъ не сказали никого“ (Ав. юр, № 18), или: „а отвѣтчиковъ обвинилъ, потому что они, замѣняячи свой бой и гра-

бежь, говорили, что ихъ истцы били, да въ томъ доводу не учинили никакого“ (Ак. юр. № 17).

Приговоры постоянно объявлялись сторонамъ, и такое объявленіе называлось „сказкой приговора“. У сказки приговора стояли: истцы и отвѣтчики, и при этомъ оправданная сторона могла просить о выдачѣ ей съ суднаго дѣла и приговора копія, и эта выдававшаяся имъ копія и называлась правою грамотою (Ак. юр. № 26).

Исполненіе постановленнаго приговора объ обвиненномъ поручалось приставу, который по наказаніи его, если такое было ему присуждено, отдавалъ его на поруки или въ добромъ впередъ поведеніи, или въ платежѣ наложеннаго на него взысканія, или въ правешной ставкѣ. На лицъ, подлежащихъ правешу, выдавались приставамъ правешныя выписи (Ак. ист. Т. III № 92, XII).

Если приговоръ по судному дѣлу состоялъ въ присужденіи съ обвиненнаго денежнаго взысканія, то съ уплатою послѣдняго и обанчивалось дѣло, но если обвиненный не могъ уплатить этого взысканія, тогда прибѣгали къ слѣдующимъ мѣрамъ для исполненія судебного приговора, именно: 1) къ правешу; 2) къ выдачѣ головою, или къ обращенію взысканія на имущество обвиненнаго.

Изложимъ сущность каждой изъ означенныхъ мѣръ.

1) Правешъ.

Правешъ состоялъ въ томъ, что обвиненнаго, за неплату наложеннаго на него денежнаго взысканія въ назначенный срокъ, выводили каждый день на площадь, или

предъ приказную избу, и били по ногамъ гибкими прутьями, толщиною въ мизинецъ, и такъ сильно, что подвергавшійся такимъ ударамъ испускалъ громкіе крики и стоны. Такое публичное бичеваніе и значило „стоять на правезѣ“. Случалось, что стоявшіе на правезѣ подкупали прачечника, и онъ билъ ихъ легко, или дозволялъ имъ бласть въ сапоги жестыяныя бляхи, а также лубен, такъ что они вовсе не чувствовали боли отъ ударовъ (Олеаріи; Архивъ Балачова, книга V, стр. 35). На правезѣ ставили людей всѣхъ званій и половъ *)

Стояніе на правезѣ, по постановленію 1555 года, ограничивалось однимъ мѣсяцемъ на всякіе сто

*) Прик. Правезѣ употреблялся не только какъ мѣра взысканія при исполненіи судебныхъ рѣшеній и приговоровъ, но и вообще какъ административный способъ взысканія всякихъ казенныхъ недоимокъ; такъ напр., за неотдачу стрѣлцаго хлѣба, выдававшагося стрѣльцамъ натурою, крестьянъ, обязанныхъ вносить этотъ хлѣбъ и уклонявшихся отъ того, ставили на правезѣ на весь день до вечера, а на ночь «метали» въ тюрьму, «покажѣсть они стрѣлцаго хлѣба не заплатятъ» (Ак. ист. Т. III 132).—Иногда ратные люди особенно въ смутное время самозванцевъ, брали съ населенія слѣдовавшіе имъ кормы правеземъ самовольно, такъ напр. игумень Спасо-Прилуцкаго монастыря жаловался царю Михаилу Федоровичу, что въ 1612 году ратные люди, бывшіе подъ начальствомъ Сибирскаго царевича Араслана Алексѣевича, правили кормы съ монастырскихъ служекъ и крестьянъ правеземъ, и мучили ихъ на правезѣ весь день, а на ночь сажали ихъ безъ рубашки въ подполье, и ввергъ ногами вѣшали, отъ чего одинъ крестьянинъ Тимоха Яковлевъ умеръ а другіе лежали большими недѣль по пяти и по шести (Ак. эк. Т. III № 15).

рублей той суммы, какая была присуждена во взысканію. Въ случаѣ, если взыскивалось меньше ста рублей, то продолжительность ставки на правезѣ определялась по расчету, считая мѣсяць такого стоянія за сто рублей. Поэтому, въ 50 рубляхъ стояли 15 дней, въ 20 рубляхъ—6 дней, въ 10 рубляхъ—три дня. Если же стоявшіе на правезѣ, по истеченіи причитавшагося для нихъ срока, просили о продленіи его, то это дозволялось, но не болѣе какъ на одинъ мѣсяць для пзбѣжанія „волобиты людскія“ (Ак. ист. Т. I № 154, III).

Изъ изложеннаго нами общаго постановленія о срокахъ правезныхъ ставокъ были сдѣланы слѣдующія исключенія:

1) Относительно служилыхъ людей, которымъ въ ста рубляхъ дозволялось стоять на правезѣ два мѣсяца, а въ большой или меньшее суммѣ—по соотвѣтственному расчету (Ак. ист. Т. I № 154, VII).

2) Относительно нѣкоторыхъ мѣстностей, которымъ пожалованы были особые правезные сроки; такъ напр. въ Вяжскомъ уѣздѣ крестьяне и посадскіе люди, и въ Вохоянской бобровничей Замосковской волости бобровники—стояли на правезѣ, во всѣхъ безъ исключенія исбахъ, какой бы цѣны они не были, только шесть недѣль (Ак. эк. Т. I № № 237 и 257).

Лица, у коихъ были вотчины и помѣстья, могли ставить на правезѣ, вмѣсто себя, своихъ людей.—Поручители, ручавшіеся за кого либо къ суду или съ суда, если лицо, за которое они ручались, выдавало ихъ въ поруку, и на нихъ обращалось вслѣдствіе того взысканіе истцова иска, ставились на правезѣ, въ случаѣ непла-

тежа ими этого иска, а имъ дозволялось искать своихъ убытковъ на лицъ, выдавшемъ ихъ въ поруку (Ак. ист. Т. III № № 92, XV и 167).

Бромъ правительственныхъ судей, могли ставить на правезъ и вотчинные судьи по суднымъ дѣламъ, подлежавшимъ ихъ вѣдѣнію, и нерѣдко злоупотребляли своимъ правомъ. Такъ напр., монахъ Трифонъ, по приговору игумена и братіи Новгородскаго Кириллова монастыря, за неправильное будто бы израсходованіе какихъ-то денегъ, былъ въ 1592 году поставленъ на правезъ съ прикованіемъ при этомъ къ стѣнѣ желѣзной цѣпью, и такъ стоялъ 9 дней съ утра и до вечера (Ак. ист. Т. I № 242).

Сроки стоянія на правезѣ, на которые мы указали выше, не всегда строго соблюдались. Бывали случаи, что дворяне, дѣти боярскіе и всякіе люди стояли на правезѣ годъ и больше, желая отстояться и ничего не платить, или надѣясь на выкупъ ихъ посторонними лицами, такъ какъ въ древней Россіи былъ обычай выкупать отъ правеза особенно при погребеніи богатыхъ лицъ (Ак. эк. Т. IV № 57). По этому, въ 1628 году царь Михаилъ Феодоровичъ подтвердилъ, чтобы постановленіе 1555 года о срокахъ правеза соблюдалось со всею строгостію, именно, чтобы стояли на правезѣ въ ста рублѣхъ мѣсяць, а въ меньшихъ или большихъ суммахъ по расчету, и чтобы въ случаѣ просьбы о продленіи срока, переводили его на другой мѣсяць, но не больше. Затѣмъ, при безуспѣшности правеза, велѣно было принимать въ удовлетворенію истцовъ другія мѣры, въ изложенію которыхъ мы и приступимъ.

2) Обращеніе взысканія на имущество обвиненнаго и выдача головою.

Если стояніе на правежѣ оказывалось безуспѣшнымъ и денежное взысканіе, по истеченіи сроковъ правежа, оставалось незаплаченнымъ, то несостоятельныхъ лицъ низшаго сословія выдавали истцамъ головою до искупа, дворянъ же и дѣтей боярскихъ, послѣ правежа, не выдавали головою, а обращали взысканіе на ихъ имущество. Такъ, напр., по судебному рѣшенію въ 1561 году, вотчинникъ Петелинъ обязанъ былъ заплатить Чудову монастырю сто десять рублей, но не заплатилъ, и потому недѣльщикъ Булгакъ ставилъ его на правежъ пять недѣль, и затѣмъ доложилъ судьямъ, что денегъ на Петелинѣ „до правити не мочно“. Вслѣдствіе этого, такъ какъ по Петелинѣ порукъ не оказалось, и потому перевода долга сдѣлать было не на кого, и о продленіи срока правежа Петелинъ не просилъ, то его деревня, по судебному опредѣленію, отдана монастырю за долгъ (Ак. юр. Калачова № 52, VII).

Впрочемъ, если состоятельный должникъ прямо заявлялъ объ обращеніи присужденнаго съ него взысканія на его имущество, и имущества было достаточно для удовлетворенія долга, то обвиненнаго не ставили на правежъ, а прямо изъ его собственности производили уплату истцова иска. Такъ, въ 1571 году, вотчина подъячаго Айгустова, не могшаго вполнѣ заплатить безчестія дьяку Шелкалову, взята, по указанію на нее перваго, и отдана послѣднему (Ак. эк. Т. I № 280).

Если кто изъ состоятельныхъ людей низшихъ со-

словій имѣлъ дворы, лавки и отъѣзжіе промыслы, и отстоявъ сроки правежа, не платилъ присужденныхъ съ него денегъ, а головою выдаться не хотѣлъ, то его имущество оцѣнивалось и отдавалось истцамъ (Ак. ист. Т. III №№ 92 и 167).

„Выдача головою до искупа“ составляла временную отдачу въ работу истцу отвѣтчика низшаго состоянія, не могшаго ему заплатить присужденнаго съ него денежнаго взысканія. Отдача эта продолжалась до тѣхъ поръ, пока отвѣтчикъ не отработывалъ истцу должной ему суммы. Поэтому, выданные такимъ образомъ головою были тѣ же закупы, о которыхъ упоминается въ Русской Правдѣ. *) Выдавались головою истцу только люди совершенно несостоятельные, или тѣ, кои, хотя имѣли животы, но скрывали и не хотѣли ихъ отдавать, а предпочитали выдаться самимъ головою.

Если на правежѣ за господина стоялъ его человѣкъ, и по окончаніи срока правежа, господинъ его не платилъ истцу денегъ, то этотъ человѣкъ выдавался ему головою до искупа.

Выдача кого либо головою, какъ приноравливавшая выданныхъ къ холопамъ, считалась мѣрою столь важною, что царь Іоаннъ IV запретилъ въ 1552 и 1556 годахъ выдать головою кого либо безъ доклада о томъ себѣ. Впрочемъ на Вагѣ, по челобитію посадскихъ и волостныхъ людей, эта мѣра, которую они находили

*) См. наше изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды.

для себя стѣснительною, была отмѣнена (Ак. эк. Т. I №№ 234 и 250).

Выдача головою производилась не только по гражданскимъ, но и по уголовнымъ дѣламъ. Это видно изъ дѣла, изложеннаго нами выше, о крестьянинѣ Михаилѣ Жукѣ Насоповѣ, обвиненномъ въ поджогѣ монастырской деревни Ильинской. Мы видѣли, что Жукъ Насоповъ присужденъ былъ къ уплатѣ 9 съ половиною рублей за монастырскую гибель. Простоявши на правѣхъ послѣ суда, какъ и слѣдовало по закону, около трехъ дней, Жукъ былъ представленъ недѣльщикомъ Свѣтиковымъ судѣ съ докладомъ, что на Жукъ тѣхъ денегъ „доправить немочно“ и поруки по немъ нѣтъ и перевести долга не на кого. Посему судья спросилъ Жува: „мочно ли тебѣ тѣ деньги полдесята рублѣй заплатить и порука по тебѣ есть ли?“ Жукъ отвѣчалъ: „тѣхъ мнѣ денегъ, господине, немочно заплатить и поруки, господине, по мнѣ въ тѣхъ деньгахъ нѣтъ“. Посему судья велѣлъ недѣльщику Свѣтикову выдать Жука ищеѣ старцу Александру, головою до искупа (Ак. юр. № 10).

Выданныхъ головою для отработки въ урочный срокъ должныхъ ими денегъ, тѣ лица, кому были они выданы, не могли ни морить голодомъ, ни держать безодержными и не смѣли дѣлать надъ ними никакого наругательства, въ противномъ случаѣ выданныхъ головою отбирали назадъ безденежно (о Россіи Ботошихина стр. 95).

Съ выдачею головою до искупа не имѣла ничего общаго выдача головою по дѣламъ о безчестіи. Эта по-

слѣдняя примѣнялась только при мѣстническихъ спорахъ между лицами высшихъ сословій. Мѣстническіе споры давали часто поводъ къ искамъ о безчестіи, по которымъ лица несправедливо домогавшіяся высшаго мѣста предъ своимъ соперникомъ, напр., при приемѣ царемъ иноземныхъ пословъ, при крестныхъ ходахъ, при придворныхъ обѣдненныхъ столахъ и пр.—подвергались по указу государей, то платежу денежнаго безчестія, то заключенію въ тюрьму на нѣсколько дней, иногда съ наказаніемъ бнутомъ или батогами. Возбуждавшій же вторично несправедливые мѣстническіе споры съ тѣмъ же самымъ лицомъ, послѣ наказанія за то, выдавался этому лицу головою.

Исполненіе приговора о выдачѣ головою за безчестіе состояло только въ приведеніи въ дѣйствіе установленнаго для сего позорнаго обряда. Самый обрядъ состоялъ въ слѣдующемъ: приговореннаго къ выдачѣ головою вели пристава за руки, но непременно пѣшкомъ, въ сопровожденіи дьяка или подъячаго, и приведя на дворъ къ обиженному, ставили выдаваемого головою на нижней ступенькѣ крыльца. Затѣмъ, дьякъ или подъячій приказывалъ доложить обиженному о приводѣ къ нему лица, обезчестившаго его мѣстническимъ споромъ. Вслѣдствіе этого, обиженный выходилъ на крыльцо, и выслушавъ объявленіе дьяка или подъячаго о томъ, что, по указу Государя и приговору бояръ, такой-то выданъ ему головою, билъ челомъ на царскомъ жалованьи, и потомъ отпускалъ приведеннаго къ нему домой, не позволяя ему садиться на лошадь у себя на дворѣ.

Въ такомъ-то позорномъ обрядѣ и состояло исполне-

ніе приговора о выдачѣ головою, такъ что пожалованный этою выдачею могъ только довольствоваться униженіемъ своего соперника, не получая отъ того никакихъ особыхъ надъ нимъ правъ (О Россіи Котошихина стр. 34).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Судебныя пошлины по сыскнымъ и суднымъ дѣламъ.

По сыскнымъ дѣламъ, до установленія губныхъ старостъ и даже по учрежденіи ихъ до самаго 1571 года, пошлины, въ видѣ продажъ, взыскивались намѣстниками и волостелями въ свою пользу. Только въ 1571 году велѣно было съ разбойныхъ и татинныхъ дѣлъ „вмать“ пошлинъ по два алтына съ рубля, а съ 1647 года по три алтына съ рубля каждой выти, взыскивавшейся съ лицъ, указанныхъ нами выше въ 5 главѣ настоящаго нашего изслѣдованія. Пошлины эти отсылались уже въ Разбойный Приказъ (Ак. эб. Т. I № 234 и 281; Ак. ист. Т. IV № 6, IX). Кромѣ того, по сыскнымъ дѣламъ взыскивалось „поже лѣзное“, если отдавали кого за пристава, но эта пошлина взымалась также и по суднымъ дѣламъ, и потому о ней мы скажемъ ниже.

По суднымъ дѣламъ были установлены въ XIV, XV и XVI вѣкахъ слѣдующія пошлины: 1) хоженое, ѳздъ и пожелѣзное; 2) противень, пересудъ и правый деся-

тобъ; 3) полевая пошлины и 4) пошлины съ разныхъ, выдававшихся судомъ, грамотъ.

1) Хоженое, ѣздъ и пожелѣзное.

Хоженое, ѣздъ и пожелѣзное составляли пошлины, установленныя исключительно въ пользу доводчиковъ и недѣльщиковъ.

Хоженое и ѣздъ были платой за представленіе въ судъ истцовъ, отвѣтчиковъ и свидѣтелей, и, смотря потому какимъ способомъ означенныя лица призывались къ суду доводчиками и недѣльщиками, самыя эти пошлины получали то и другое наименованіе. Если доводчикъ или недѣльщикъ, по жительству истца, отвѣтника или свидѣтелей недалеко отъ мѣста пребыванія судей, отпраплялся пѣшкомъ, т. е. ходилъ за ними, то пошлина, получавшаяся за это доводчикомъ или недѣльщикомъ, называлась „хоженымъ“. Если же стороны или свидѣтели, по какому либо дѣлу, жили вдали отъ мѣста, въ которомъ производился судъ, и за ними приходилось ѣздить на лошадяхъ, то въ такомъ случаѣ пошлина, дававшаяся доводчику или недѣльщику, именовалась „ѣздомъ“.

„Пожелѣзнымъ“ называлась плата въ пользу доводчиковъ и недѣльщиковъ, взыскивавшаяся для нихъ въ томъ случаѣ, если, по немѣнью порукъ, отдавали имъ кого либо для содержанія подъ арестомъ, т. е. отдавали, какъ выражались въ старину, „за пристава“.

Самое древнее постановленіе о хоженомъ и ѣздѣ находится въ Двинской уставной грамотѣ 1398 года.

данной Двинянамъ Великимъ Княземъ Василюемъ Дмитриевичемъ. По этой грамотѣ дворянамъ (такъ назывались доводчики въ Двинской землѣ) давалось „хоженого“ бѣлка на Орлець, гдѣ жительствоваали тогда Двинскіе намѣстники; „ѣздъ“ же былъ расчитанъ отъ Орлеца во всѣ стороны по Двинскому уѣзду, именно до Болмогоръ платилось ѣзду 2 бѣлки, до Лисьяго острова 7 бѣлъ и пр. Самая большая сумма ѣзда составляла 30 бѣлъ. Если „дворянамъ“ поручалось представленіе на судъ свидѣтелей, т. е. правды, то за посылку на правду платилось хоженого и ѣзду вдвое противъ означенной выше платы (Ак. эк. Т. I. № 13).

Въ XV, XVI и XVII вѣкахъ хоженое взыскивалось въ различномъ количествѣ, смотря потому, гдѣ его платили, въ уѣздахъ или въ самой Москвѣ. Количество ѣзда также было неодинаково и зависѣло отъ того, взимался ли онъ за поѣздки въ уѣздахъ, или за поѣздки изъ Москвы въ тѣ или другіе уѣзды.

Въ уѣздахъ—хоженого давалось въ городѣ и на посадѣ 4 деньги, а съ 1614 года—10 донегъ, исключая стрѣльцовъ, съ которыхъ по прежнему хоженого взыскивалось 4 деньги. Въ селахъ и деревняхъ хоженого назначалась деньга, а иногда двѣ деньги, ѣзду же платилось по полуденьгѣ и по деньгѣ съ каждой версты разстоянія, которое проѣзжалъ доводчикъ. При посылкѣ доводчика за свидѣтелями, т. е. „на правду“, какъ тогда говорилось, хоженое и ѣздъ платились вдвое противъ означеннаго количества (Ак. эк. Т. I. № 123, 143, 144, 150, 181, 183, 201, 240, 255, 258, 268, 324, 348; Ак. эк. Т. II № 52, и 65; Ак. эк. Т. III

№№ 34, 37, 170 и 217; Ак. ист. Т. I №№ 105 и 153 ст. 62).

Въ самой Москвѣ хоженого недѣльщикъ получалъ 10 донегъ, а на правду вдвое; ѣздъ же изъ Москвы въ уѣзды назначался по особому росписанію.

Это росписаніе было слѣдующее:

Ѣзду назначалось отъ Москвы: 1) до Звенигорода двѣ гривны; 2) до Серпухова, Клина, Боровска—полтина; 3) до Ростова, Углича, Кашина и Твери—одинъ рубль; 4) до Ярославля, Владимира и Суздаля—одинъ рубль съ четвертью; 5) до Вологды, Белоозера, Галича, Великаго Новгорода и Нижняго Новгорода—два съ половиною рубля; 6) до Устюга—пять рублѣй; 7) до Вычегды—семь рублѣй и 8) до Коломгоръ—восемь рублѣй. За поѣзду на правду (т. е. за свидѣтелями) недѣльщикамъ платилось ѣзду вдвое противъ росписанія (Ак. ист. Т. I №№ 105 и 153 ст. 45 и 46).

Хоженое и ѣздъ взыскивались съ той изъ участвовавшихъ въ дѣлѣ сторонѣ, отъ которой посылался доводчикъ или недѣльщикъ, съ правомъ, разумѣется, возмѣщенія своихъ убытковъ впоследствии изъ имущества лица обвиненнаго. Но иногда взысканіе хоженого и ѣзда откладывалось и потомъ прямо взыскивалось, „на виноватомъ, когда дѣло минется“ (Ак. эк. Т. I №№ 221 и 357).

Относительно хоженого и ѣзда мы находимъ нѣкоторыя отличія отъ изложенныхъ выше постановленій въ уставныхъ грамотахъ и наказахъ, какіе дозволялось составлять монастырямъ для приказчиковъ, управляв-

шихъ ихъ вотчинами. Такъ, по уставной грамотѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря 1593 года, согласно съ общими правилами, назначалось доводчику хоженаго деньга, а на правду вдвое, ѣзду ему платилось по полуденьгѣ на версту, т. е. 5 денегъ на 10 версть. Сумма ѣзда не увеличивалась, если доводчику вмѣсто 10 версть приходилось ѣхать 20 или 30 версть—онъ все равно получалъ 5 денегъ.—Кромѣ того, хоженаго на правду получалось, какъ мы сказали выше, вдвое, т. е. двѣ деньги. Когда же была ссылка на правду, человекъ на 10 или 15 по одному дѣлу и жившихъ въ одномъ мѣстѣ, то доводчикъ за этихъ 10 или 15 человекъ получалъ хоженаго, какъ и за одного человека, тоже двѣ деньги. Впрочемъ, если въ числѣ указанныхъ 10 или 15 свидѣтелей часть была „истцова правда“, а другая часть „отвѣтчикова правда“, то въ такомъ случаѣ доводчикъ съ каждой стороны бралъ по двѣ деньги.

Очень вѣроятно, что эти правила о количествѣ хоженаго на правду наблюдались и при общемъ судѣ, и затѣмъ уже перешли въ монастырскіе уставы для вотчиннаго суда (Ак. эк. Т. I № 357; Ак. эк. Т. IV № 112).

Пожелѣзной пошлины въ Двинской землѣ платилось въ XIV вѣкѣ 4 бѣлки, если доводчикъ кого либо скрывалъ по немѣнью порукъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ пожелѣзнаго назначалось доводчику съ каждаго колодника на день и на ночь, т. е. въ сутки, по 2 деньги; за татя же и душегубца взыскивалось по 2 алтына (Ак. эк. Т. I №№ 13 и 357; Ак. эк. Т. III № 34).

2) Противень, пересудъ и правый десятокъ.

Противнемъ называлась плата противъ суммы иска извѣстнаго процента. Количество процентовъ съ того или другаго иска, т. е. противня, зависѣло отъ условій, при которыхъ оканчивалось или рѣшалось дѣло. Именно, противень увеличивался или уменьшался смотря по тому: 1) оканчивалось ли судное дѣло на судѣ примиреніемъ до присужденія поля; 2) оканчивалось ли оно примиреніемъ при самомъ стояніи у поля; 3) рѣшалось ли оно судомъ безъ допущенія судебного поединка, и, наконецъ, 4) рѣшалось ли оно посредствомъ поля. *)

Если дѣло оканчивалось примиреніемъ до стоянія у поля, то взыскивалось съ истца и отвѣтчика 10% со всякаго исковаго рубля, т. е. съ 200 денегъ Московскаго рубля 20 денегъ или гривна.

Если дѣло оканчивалось примиреніемъ при самомъ стояніи у поля, то въ Москвѣ взымалась тоже гривна, а въ уѣздахъ, смотря по существовавшимъ для той или другой мѣстности уставнымъ грамотамъ, противень былъ весьма различный: онъ равнялся то половинѣ исковой суммы, то четверти суммы иска, то гривнѣ, а иногда и 6 деньгамъ съ рубля т. е. алтыну.

Если дѣло рѣшалось не на основаніи поля, то противень въ Москвѣ взыскивался также въ количествѣ

*) Съ дѣла, оканчивавшагося примиреніемъ до явки на судѣ, пошлины не взыскивались, а только хоженое или ѣздѣ.

20 денегъ съ исковаго рубля, т. е. гривны, а въ уѣздахъ, смотря по мѣстностямъ, съ виноватаго отвѣтчика взымали противень или въ половину, или въ четверть истцова иска; съ истца же, котораго искъ оставлялся безъ уваженія, постоянно взыскивали гривну съ рубля.

Въ этихъ случаяхъ, по особому пожалованію, съ посадскихъ людей Устюжны-Желѣзопольской и съ посадскихъ людей города Романова, взыскивалось, при царѣ Василю Ивановичѣ Шуйскомъ и при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, противня по алтыну съ рубля (Ак. эк. Т. II № 79 и Ак. эк. Т. III № 14). Съ иноземцевъ же съ 1648 года брали противня по полугривнѣ съ рубля (Ак. ист. Т. IV № 16).

Если наконецъ дѣло рѣшалось на основаніи поля и состояло въ нанесеніи побоевъ, лаевъ или въ грабежѣ, то съ убитаго, т. е. побѣжденнаго, взыскивали противень, соответствовавшій суммѣ всего иска. Когда же бились на молѣ по дѣламъ о душегубствѣ, разбоѣ, татьбѣ и поджогѣ, то, въ случаѣ если побѣжденнымъ былъ отвѣтчикъ, съ него, кромѣ назначенія ему казни, взыскивалась продажа, равнявшаяся суммѣ всего иска, т. е. тотъ же противень; но если побѣжденнымъ былъ самъ истецъ, то съ него противня взыскивалось четверть суммы иска, что называлось четвертною пошлиною.

Изъ этого видно, что противень, взыскивавшійся по важнымъ уголовнымъ дѣламъ съ отвѣтчика, назывался продажею. При смѣсныхъ судахъ о татьбѣ, когда въ рѣшеніи дѣла вмѣстѣ съ губными старостами

участвовали намѣстники или волостели, для взысканія продажи, уличенный въ татьбѣ отдавался намѣстникамъ или волостелямъ, и за тѣмъ, когда „они продажу свою учинятъ“, виновнаго передавали губнымъ старостамъ для личнаго наказанія (Ак. эк. Т. I №№ 123, 143, 144, 150, 181, 183, 201, 224, 229, и 324; Ак. ист. Т. I №№ 105, 137, 153 ст. 10, 11, 12 и 62; Ак. ист. Т. III № 116).

Пересудъ и правый десятокъ составляли пошлины, взыскивавшіяся, независимо отъ противни, съ каждаго рѣшеннаго судомъ дѣла, и притомъ въ одинаковомъ для всѣхъ дѣлъ количествѣ.

О пошлинахъ „пересудъ“ и „правый десятокъ“ въ грамотахъ говорится: „съ судныхъ дѣлъ пошлинъ имати съ рубля по гривнѣ, а пересуду съ суда по 2 гривны, а праваго десятка 4 деньги“ (Ак. эк. Т. II №№ 30, 46 и 52; Ак. ист. Т. III № 116). Такимъ образомъ, „пересудъ“ представлялъ добавочную пошлину къ процентной пошлинѣ (т. е. къ противню) и взыскивался съ суда, т. е. съ каждаго суднаго рѣшеннаго дѣла, какою бы цѣны искъ не былъ, въ суммѣ 2-хъ гривенъ. „Правый десятокъ“ въ свою очередь былъ дополнительною пошлиною къ пересуду и взымался, въ количествѣ 4 денегъ только въ томъ случаѣ, когда дѣло рѣшалось по ссылкѣ на правду, т. е. на свидѣтелей. *) Десяткомъ это пошлина называлась потому, что составляла десятую долю основной пошлины съ суда,

*) Судебникъ 1497 г. ст. 64; Судебникъ 1550 ст. 51.

2-хъ гривень пересуда. Именно, 2 гривны пересуда равнялись 40 деньгамъ, слѣдовательно 4 деньга были десятою ихъ частію. Правымъ означенный десятокъ наименованъ вслѣдствіе того, что взыскивался, сверхъ пересуда, съ каждаго рѣшеннаго дѣла, по коему допрашивались свидѣтели, т. е. правда.

Въ нѣкоторыхъ грамотахъ пересудъ и правый десятокъ исчисляются вмѣстѣ въ суммѣ 7 алтынъ и 2 деньги; но это не противорѣчитъ сдѣланнымъ уже нами указаніямъ о количествѣ въ отдѣльности пересуда и праваго десятка, потому что 2 гривны пересуда или 40 денегъ, считая по 6 денегъ въ алтынѣ, равнялись 6 алтынамъ и 4 деньгамъ, а съ прибавкою 4 денегъ праваго десятка и выходило 7 алтынъ и 2 деньги (Ак. эк. Т. III №№ 167 и 217).

Слѣдуетъ однакожь замѣтить, что пересудъ и правый десятокъ не взыскивались съ тѣхъ дѣлъ, по коимъ исковая сумма была меньше одного рубля, за исключеніемъ дѣлъ о безчестіи и дѣлъ, рѣшавшихся на основаніи поля. Съ этихъ дѣлъ, хотя бы по иску и меньше рубля, всегда взыскивался пересудъ. *) (Ак. эк. Т. I № 115; Ак. ист. Т. I №№ 105 и 153 ст. 51).

Всѣ поименованныя нами пошлины, именно противень, пересудъ и правый десятокъ, до половины XVI вѣка поступили въ пользу судей и взыскивались съ виновныхъ, пока, въ 1552 году, при установле-

*) Законъ о взысканіи пересуда съ дѣлъ о безчестіи потерялъ значеніе впоследствии, когда установлено было платить за безчестіе даже крестьянамъ не меньше одного рубля.

ниі Іоанномъ ІV излюбленныхъ судей, судебныя пошлины не были вовсе отмѣнены: „а пошлины съ судебныхъ дѣлъ не имати некоторыхъ“ (Ак. эк. Т. I № 234 и 242). Однакожь, въ 1556 году, чрезъ 4 года по отмѣнѣ, судебныя пошлины снова были возстановлены на томъ основаніи, что „ищутъ исковъ безлѣпичныхъ, надѣясь что съ нихъ виноватыхъ пошлинъ не емлютъ“. Но, возстановленные въ прежнемъ размѣрѣ, пошлины поступали уже въ казну (Ак. эк. Т. I № 242). Для записки ихъ установлены были особыя книги, куда по статьямъ записывалась земскими дьяками въ присутствіи судей всякая взыскивавшаяся съ кого либо судебная пошлина. Впослѣдствіи, сборъ судебныхъ пошлинъ былъ возложенъ на судебныхъ цѣловальниковъ (Ак. эк. Т. II №№ 30, 46; Ак. эк. Т. III № 167; Ак. ист. Т. III № 116; Ак. юр. Калачова № 55, IV).

Впрочемъ, и по возстановленіи пошлинъ, онѣ иногда не взыскивались по особому пожалованію. Такъ напр., стрѣльцы освобождались отъ платежа противня, пересуда и праваго десятка, если предъявляли къ кому либо искъ на сумму не болѣе 12 рублей; если же посторонній челоуѣкъ предъявлялъ къ стрѣльцамъ искъ въ суммѣ 100 рублей, и отвѣтчики стрѣльцы обазывались виновными, то съ нихъ также пошлинъ не взыскивали. — Бывали также случаи пожалованія полной льготы отъ пошлинъ по всѣмъ дѣламъ, а именно, въ 1622 году царь Михаилъ Ѳедоровичъ освободилъ крестьянъ Усьи и Заячьи рѣки отъ платежа пошлинъ „жалующи крестьянство“ (Ак. эк. Т. III №№ 34, 126 и 167; Ак. ист. Т. III № 92, V).

3) Полевая пошлины.

Полевая пошлины, т. е. пошлины за судебный поединокъ, взыскивались и назначались въ пользу тѣхъ лицъ, кои обязаны были „спущать поле“. Пошлины эти были неодинаковы въ Москвѣ и городахъ.

Въ Москвѣ „спущать поле“ и находиться при судебномъ поединкѣ должны были окольникій, дьякъ и недѣльщикъ. Они получали различныя пошлины, смотря потому, состоялось ли поле или нѣтъ. Если поле было приготовлено и стороны стали у поля, но, не вступивъ въ бой, мирились, то окольникій, дьякъ и недѣльщикъ, всѣ вмѣстѣ, получали полтину и 6 алтынъ съ деньгою.

Такая же пошлина назначилась и въ томъ случаѣ, если кто либо изъ бывшихъ на полѣ убѣгалъ до его обончанія.

Если же поле состоялось, то пошлины означеннымъ выше лицамъ назначались смотря по дѣлу, по какому происходилъ бой на полѣ. Когда поле спущалось по заемному дѣлу, по бою или грабежу, то пошлинъ взыскивалось одинъ рубль съ четвертью и 4 алтына. Если стороны бились на полѣ по дѣламъ о поджогѣ, душегубствѣ, разбоѣ и татѣбѣ, то пошлина взымалась такая же какъ и при поляхъ по другимъ дѣламъ, только окольникему выдавался еще доспѣхъ побѣжденнаго.

Впослѣдствіи доспѣхъ убитаго или побѣжденнаго не выдавался, а за него взыскивалось три рубля.

Всѣ эти пошлины взыскивались съ лицъ, признанныхъ по суду виновными, а съ примирившихся взы-

мались поровну съ обѣихъ сторонъ (Ак. ист. Т. I №№ 105, 153, ст. 10, 11 и 12).

Въ городахъ, по Судебнику 1550 года, полевья пошрины были слѣдующія: 1) за примиреніе стоявшихъ у поля бралось 25 алтынъ; 2) за самый бой на полѣ взыскивали съ виноватаго полтора рубля, но досиѣха не брали (Ак. эк. Т. I № 153 ст. 62).

4) Пошрины съ грамотъ.

Мы видѣли, что при судопроизводствѣ по суднымъ дѣламъ вручались приставныя памяти доводчикамъ и недѣльщикамъ, а ими совершались поручныя или срочныя записи, и что истцамъ и отвѣтчикамъ, по ихъ просьбѣ, выдавались безсудныя и правыя грамоты. Со всѣхъ этихъ грамотъ взыскивалась со стороны, требовавшей выдачи грамоты, особая пошлина, именно: 1) съ приставныхъ грамотъ 12 денегъ съ каждаго рубля ѣзда; 2) съ поручныхъ или срочныхъ грамотъ 4 и 5 денегъ; 3) съ безсудныхъ грамотъ 14 денегъ; 4) съ правыхъ грамотъ— 18 денегъ.

Бромъ того, если дѣло переносилось въ Москву къ добладу, то съ добладнаго списка боярскаго доклада взыскивалось 12 денегъ, а съ добладныхъ списковъ царскаго доклада взыскивалось 17 денегъ (Ак. ист. Т. I №№ 105 и 153).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Заключеніе.

Изложивъ систему древняго русскаго уголовного судопроизводства, мы считаемъ нужнымъ, хотя кратко, сравнить это судопроизводство и вообще наше карательное право XIV, XV и XVI вѣновъ съ современными имъ уголовными законодательствами западно-европейскихъ народовъ.

Такое сравненіе одно только можетъ установить правильную точку зрѣнія на наше древнее уголовное судопроизводство и яснѣе отгѣнить его достоинство и недостатки.

Предположенное нами сравненіе мы попытаемся сдѣлать въ трехъ отношеніяхъ: 1) по кодификаціи. 2) по системѣ уголовныхъ наказаній и 3) по самому уголовному судопроизводству.

1) Кодификація.

Ни Франція, ни Англія, въ рассматриваемое нами время, не имѣли сводовъ уголовныхъ законовъ. При-

томъ, законы этихъ странъ, при своей многосложности и запутанности, иногда съ терминами изъ римскаго права, были мало понятны не только простому народу, но и большинству судей. Сборникъ законовъ, издаваемый Французскимъ королемъ Людовикомъ XIV, въ 1533 году, подъ названіемъ: *ordonnance criminelle*, заключалъ въ себѣ лишь постановленія, опредѣлявшія порядокъ уголовного судопроизводства. Въ Англіи существовало множество отдѣльныхъ статутовъ, разновременно издававшихся, но общаго ихъ свода не было.

Въ одной только Германіи появилось въ 1533 году Уголовное Уложеніе императора Карла V-го; но вмѣстѣ съ этимъ Уложеніемъ дѣйствовали и частныя постановленія князей и графовъ имперіи, имѣвшихъ законодательную власть въ своихъ владѣніяхъ.

Въ нашемъ отечествѣ кодификація начинается ранѣе, чѣмъ у западно-европейскихъ народовъ. Не говоря уже о Русской Правдѣ, самомъ древнемъ нашемъ сводѣ законовъ, у насъ изстари издавались уставныя грамоты для той или другой области. Эти грамоты, составлявшія сборники мѣстныхъ постановленій, писались языкомъ, понятнымъ народу, и вручались для наблюденія за ихъ исполненіемъ не должностнымъ лицамъ, а непосредственно тѣмъ самымъ общинамъ, для которыхъ были изданы, такъ что каждая община знала свои права и обязанности, а также и отвѣтственность за то и другое преступленіе.

Съ XV вѣка начинается у насъ кодификація и общихъ законовъ. Такъ, въ 1497 году, при Великомъ Князѣ Іоаннѣ III, появился первый Судебникъ, а въ 1550 го-

ду, при царѣ Іоаннѣ IV, второй Судебникъ, который правильно дополнялся до самаго 1648 года. Кромѣ того, Іоаннъ IV издалъ въ 1556 году книгу Разбойнаго Приказа. Эта книга, а также и губныя грамоты, составляли вмѣстѣ и уставъ о наказаніяхъ преступниковъ и уставъ уголовного судопроизводства.

Итакъ, мы смѣло можемъ сказать, что относительно кодификаціи законовъ наше отечество шло въ старину впереди тогдашней Европы.

2) Система уголовныхъ наказаній.

Уголовные законы Германіи, Франціи и Англіи XIV, XV и XVI вѣковъ поражаютъ своею жестокостію. Уложеніемъ Карла V-го, дѣйствовавшимъ въ Германіи, опредѣлялась смертная казнь за 25 родовъ преступленій, именно: за богохульство, волшебство, святотатство, измѣну, самоуправство, зажигательство, изнасилованіе, похищеніе женщинъ, убійство умышленное и неосторожное, дѣтоубійство, изгнаніе плода, воровство, совершенное въ третій разъ или вооруженною рукою, прелюбодѣяніе, двоебрачіе, противозаконное удовлетвореніе плотскими наклонностямъ, сводничество со стороны мужа или жены, и въ нѣкоторыхъ другихъ преступленіяхъ. Самые виды смертной казни по Уложенію Карла V-го были весьма разнообразны, и нерѣдко безчеловѣчны, именно: четвертованіе, колесованіе, сожженіе, утопленіе, раздраніе на части, погребеніе живаго, отсѣченіе головы и повѣшеніе. Къ нѣкоторымъ видамъ смертной казни присоединялось еще предварительное рваніе тѣла раскален-

ными щипцами, изуродованіе, влеченіе преступника на мѣсто казни и т. п.—Тѣлесныя наказанія состояли въ наказаніи шпицрутенами, въ отрѣзаніи языка, носа, ушей, руки, пальцевъ, въ выколотиі глазъ и т. п. Воровъ и разбойниковъ въ Германіи иногда живыми сожигали въ печахъ (Ист. Шлоссера Т. VIII стр. 528), а волшебниковъ жгли на кострахъ, и притомъ цѣлыми массами, такъ, въ теченіи 10 лѣтъ, въ Бамбергѣ сожгли 600, а въ Вирцбургѣ 900 волшебниковъ и волшебницъ.

Во Франціи и въ Англіи уголовные законы были еще суровѣе: такъ, во Франціи, крестьяне за умерщвленіе дикой козы и за ловлю сѣтями дикихъ голубей подвергались смертной казни. Вообще по французскимъ законамъ влекли за собою смертную казнь болѣе 125, а по англійскимъ, какъ говоритъ Блекстонъ, 160 разныхъ видовъ преступленій. *)

Принявъ во вниманіе все изложенное оказывается, что древніе уголовные законы нашего отечества были несравненно человѣколюбивѣе и снисходительнѣе западно-европейскихъ. Мы видѣли, что у насъ въ старину смертная казнь назначалась за весьма не многія преступленія, и то только принималась лишь къ „вѣдомымъ лихимъ людямъ“. Притомъ, смертная казнь преимущественно совершалась у насъ чрезъ повѣшеніе, и весьма рѣдко чрезъ сожженіе и отсѣченіе головы.

*) См. Очеркъ исторіи уголовного законодательства въ Европѣ Богородскаго 1862 г. Кіевъ.

3) Уголовное Судопроизводство.

При уголовномъ судопроизводствѣ на Западѣ употребляли всѣ возможные способы, чтобы обвинить подсудимаго на основаніи собственнаго его сознанія. Для этого прибѣгали къ пыткамъ и къ пристрастнымъ допросамъ. Условія, предписывавшіяся закономъ для употребленія пытокъ, рѣдко соблюдались на практикѣ, особенно въ преступленіяхъ особой важности. Самое производство пытокъ на Западѣ составляло чуть ли не цѣлую многосложную систему. Изобрѣтены были самыя разнообразныя орудія для пытокъ съ особыми техническими названіями, напр. испанскіе желѣзные башмаки и пр. Мученія и истязанія доведены были до тонкости и крайняго безчеловѣчія, такъ, напр. однихъ подсудимыхъ вѣшали ногами вверхъ, а головою къ дыму костра; у другихъ, повѣшенныхъ за большія ручныя пальцы, разводили подъ ногами огонь; въ некоторыхъ забручивали голову веревкою такъ, что долался черепъ и т. п. Притомъ, къ такимъ пыткамъ прибѣгали, особенно въ судахъ инквизиціи, по одному лишь, ни чѣмъ неподкрѣпленному подозрѣнію или доносу.

Какъ отправлялось уголовное судопроизводство во Франціи въ XIV столѣтіи наглядно можетъ показать процессъ противъ тамплиеровъ. Ихъ главнымъ образомъ обвиняли въ развратѣ и сладострастіи, но такое обвиненіе составляло только предлогъ, существенная же цѣль возбужденія дѣла—было желаніе короля Французскаго Филиппа завладѣть богатыми имѣніями рыцарей храма.

И вотъ, въ 1307 году, по тайному королевскому повелѣнію, всѣ тампліеры во Франціи были схвачены врасплохъ въ одинъ день и арестованы. Захваченныхъ рыцарей немедленно подвергли допросамъ и пыткамъ съ обѣщаніемъ прощенія, если они дадутъ требовавшіяся отъ нихъ показанія, чего и достигли. По такимъ вынужденнымъ показаніямъ, были въ 1309 году сожжены въ Парижѣ на медленномъ огнѣ 54 рыцаря храма. Последній гроссмейстеръ ордена тампліеровъ Жакъ де Моле, сидѣвшій въ тюрьмѣ съ 1307 года и приговоренный судомъ къ пожизненному заключенію, не смотря на то, по приказанію короля Филиппа, въ 1314 году, былъ сожженъ на медленномъ огнѣ на одномъ изъ острововъ рѣки Сены (Ист. Шлоссера Т. VIII Спб. 1862 г.).

Въ XV вѣкѣ, злоупотребленія при судопроизводствѣ во Франціи, наглое лихоимство королевскихъ судей и повсемѣстное усиленіе разбоевъ— были такъ велики, что возникло ходатайство предъ королемъ Карломъ, какъ о прекращеніи злоупотребленій въ судахъ, такъ и о принятіи мѣръ противъ разбойниковъ, но на такое ходатайство не было обращено ни малѣйшаго вниманія (Тамъ же Т. X стр. 110). Невольно подумаешь при этомъ, что царь Іоаннъ Грозный не такъ относился къ подобнымъ же жалобамъ русскаго народа. Онъ внялъ этимъ жалобамъ и произвелъ соответственные реформы.

Въ XVI вѣкѣ, во Франціи Монтейль насчитываетъ до 100,000 феодальныхъ тюремъ, бывшимъ простыми ямами, въ которыхъ арестанты, измученные пытками, гнили въ собственныхъ нечистотахъ и задыхались отъ зловонія. Жаловаться на феодальныхъ судей, дѣйствовав-

шихъ жестоко и произвольно, было небезопасно въ виду мщенія этихъ судей. Одинъ аббатъ, напр., велѣлъ отрубить у своего крестьянина лѣвую руку, но когда онъ апеллировалъ на несправедливый судъ въ парламентъ, то аббатъ, въ наказаніе за такую жалобу, приказалъ отрубить у жалобщика и правую руку. Сеньоры нерѣдко отдавали свою судебную власть на откупъ. Но народъ страдалъ не только отъ феодальныхъ судей, но и отъ королевскихъ судей, которыхъ недаромъ называли „кровопійцами“ „піввнами“ и „мясниками“ *).

Въ Германіи, при безсиліи имперскихъ судовъ, приговоры коихъ можно было привести въ исполненіе лишь при посредствѣ военной силы, были учреждены тайныя судилища (фемгерихты), приговаривавшія только къ смертной казни, и притомъ безъ всякихъ доказательствъ, и потому напоминавшія собою, по выраженію Шлоссера, правосудіе ассасиновъ (Т. VIII стр. 143 и 525).

Въ Англіи, въ XV столѣтіи, судебная расправа, и безъ того кровавая, сдѣлалась еще болѣе свирѣпою съ тѣхъ поръ, какъ короли стали пользоваться такъ называемымъ парламентскимъ актомъ, по которому, безъ соблюденія законныхъ судебныхъ формъ, можно было, въ особо учрежденной для того Звѣздной Палатѣ, осудить безъ вины всякаго и предать его смерти, что и практиковалось въ широкихъ размѣрахъ (Т. XII стр. 138)

Но самую чудовищную жестокость въ производствѣ

*) Жур. Русская мысль, Апрѣль, 1880 г. „судьбы французскихъ крестьянъ“.

суда, съ поспраніемъ всякихъ началъ справедливости, мы встрѣчаемъ въ XV вѣкѣ въ Венеціи. Это выразилось учрежденіемъ въ ней, въ 1454 году, должностей трехъ государственныхъ инквизиторовъ. Инквизиторы эти освобождались при судѣ отъ всѣхъ формальностей, не заводили никакихъ дѣлъ объ обвинявшихся, пытали тайно, заключали въ темницу, и потомъ предавали скрытно смерти кого имъ было угодно, отъ дожа до послѣдняго нищаго, не отдавая въ своихъ дѣйствіяхъ никому никакого отчета. Если кто пропадалъ безслѣдно, то всѣ знали, что онъ попалъ въ руки инквизиторовъ, но спросить, куда онъ дѣвался, никто не смѣлъ. Кроме того, двое инквизиторовъ имѣли права безъ суда лишить жизни третьяго инквизитора (Ист. Шлоссера Т. VIII стр. 316 и Т. XI стр. 8 и 9).

Отъ такого кроваваго западно-европейскаго суда отрадно обратить взглядъ на наше древнее уголовное судопроизводство, какъ болѣе челолюбивое. У насъ въ XIV, XV и въ XVI вѣкахъ незамѣтно къ счастью никакого особеннаго творчества относительно изобрѣтенія замысловатыхъ и сложныхъ орудій для пытокъ. Онѣ были у насъ несравненно проще и менѣе ужасны, чѣмъ въ западной Европѣ, и притомъ всегда производились при свидѣтеляхъ и по болѣе или менѣе достаточнымъ основаніямъ.

Вообще, взглядываясь въ древнее уголовное судопроизводство на Западѣ и сравнивая его съ нашимъ, нельзя не замѣтить, что въ томъ и другомъ судопроизводствѣ отразились характеры какъ западно-европейскихъ народовъ, такъ и народа русскаго. На Западѣ, въ судопроиз-

водствѣ видна энергія въ дѣйствіяхъ при достиженіи предположенной цѣли, энергія, доводившая иногда ея представителей до проявленія непомѣрной и безошадной жестокости, у насъ же напротивъ очевиденъ недостатокъ такой энергіи и отсутствіе особой системы въ дѣйствіяхъ, но за то замѣчается большая степень добродушія и мягкосердечія.

Не слѣдуетъ однакожь забывать, что, выводя такую характеристику русскаго народа изъ его уголовныхъ законовъ минувшихъ столѣтій, мы имѣемъ въ виду лишь времена, предшествовавшія изданію Уложенія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ жестокости карательнаго права этого послѣдняго кодекса очевидно отразилось уже вліяніе иноземное, преимущественно византійское, именно вліяніе такъ называемыхъ „Градскихъ законовъ“ Константинопольскихъ императоровъ. Словомъ, со второй половины XVII вѣка начинается поворотъ въ худшему въ древней русской юстиціи, поворотъ, при которомъ мало-по-малу устранились въ ней всѣ коренныя начала нашего древняго суда.

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	напечатано:	читай:
5	понимъ	по нимъ
39	удные цѣловальники	судные цѣловальники
49	Разбойнымъ	Разбойнымъ
66	Нофеда	Нефеда
71	имъ	имъ
81	воспрещенныхъ	воспрещенныхъ
87	кнутамъ	кнутомъ
88	изъ этихъ	Изъ этихъ
89	зб	за
90	Присѣчко и	Присѣчкой
96	разбойнаго Приказа	Разбойнаго Приказа
142	повѣстствуй	повѣствуя
154	по сомнительнымъ	по несомнительнымъ
161	поймаются	понмаются
166	пытка	пытка
178	поруки	поруки
184	Саняковскаго села	Санниковскаго села
213	произходило дѣло	производилось дѣло
219	грамотою	грамотою
230	денегъ	денегъ
245	корлевскихъ	королевскихъ
